

Сара Дж. Маас предлагает свое лучшее
произведение — волшебное, чарующее,
захватывающее. Мастерство создателя
миров — на звездном уровне.

USA Today

САРА ДЖ. МААС

ДОМ
НЕБА
И
ДЫХАНИЯ

ГОРОД
ПОЛУМЕСЯЦА

18+

Город Полумесяца

Сара Маас

Дом Неба и Дыхания

«Азбука-Аттикус»

2022

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Маас С. Д.

Дом Неба и Дыхания / С. Д. Маас — «Азбука-Аттикус»,
2022 — (Город Полумесяца)

ISBN 978-5-389-21446-0

После страшных событий, связанных со смертью Даники, подруги Брайс Куинлан, в Городе Полумесяца на некоторое время наступает затишье. Но это только кажущееся затишье. И для Брайс, и для Ханта, возлюбленного и помощника девушки, судьба готовит новые испытания. Гибнет Зофи Ренаст, девушка с уникальными способностями оборотня-буревестника. Она входила в число мятежников Офиона – движения, цель которого покончить с многотысячелетней тиранией астериев, правителей планеты Мидгард. Незадолго до трагической гибели девушка узнает, что на соседнем континенте Пангера, в хрустальном дворце астериев, оплоте их безраздельной власти, хранится важная информация, способная коренным образом переменить расстановку сил. Дело остается за малым – пересечь Хальдренское море и проникнуть в гнездо тиранов, что, в общем-то, равносильно самоубийству... Впервые на русском языке очередной роман нового книжного сериала Сары Дж. Маас, автора знаменитого цикла о Селене Сардотин, непобедимой женщине-ассасине, и не менее известного о приключениях Фейры.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-21446-0

© Маас С. Д., 2022

© Азбука-Аттикус, 2022

Содержание

Пролог	9
Часть I. Пропась	22
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Сара Дж. Маас

Город Полумесяца. Дом Неба и Дыхания

Sarah J. Maas

HOUSE OF SKY AND BREATH

Copyright © Sarah J. Maas, 2022

Map by Virginia Allyn Endpapers and interior art by Carlos Quevedo

This edition published by arrangement with Laura Dail Literary Agency, Inc
and Synopsis Literary Agency

All rights reserved

© И. Б. Иванов, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство Азбука

* * *

Американка Сара Дж. Маас не могла и предположить, что, выкладывая в Сети главы своей книги о жизни и приключениях девушки-ассасина Селены Сардотин, обретет такую популярность среди интернет-читателей.

Тысячи поклонников, миллионы писем, вот уж действительно не знаешь, где подстережет тебя слава. Потом к читателю пришла и печатная версия дебютной книги писательницы. А скоро не заставили себя ждать и новые истории о Селене, почти каждая из них становилась бестселлером в рейтинге «Нью-Йорк таймс».

После этого она пишет пять книг сериала о Фейре, добавивших Саре Дж. Маас славы в литературном мире и переведенных на многие языки. «Дом Неба и Дыхания» продолжает предыдущий роман писательницы «Дом Земли и Крови», открывший новый авторский цикл «Город Полумесяца».

* * *

Сара Дж. Маас предлагает свое лучшее произведение – волшебное, чарующее, захватывающее. Мастерство создателя миров – на звездном уровне.
USA Today

Изящный сюжет и атмосферное построение мира... с наслаждением переворачиваешь страницы.

Guardian

На каждом шагу нас ожидают сюрпризы.

Entertainment Weekly

Блистательный мир, сложные характеры, опаляющая любовь.

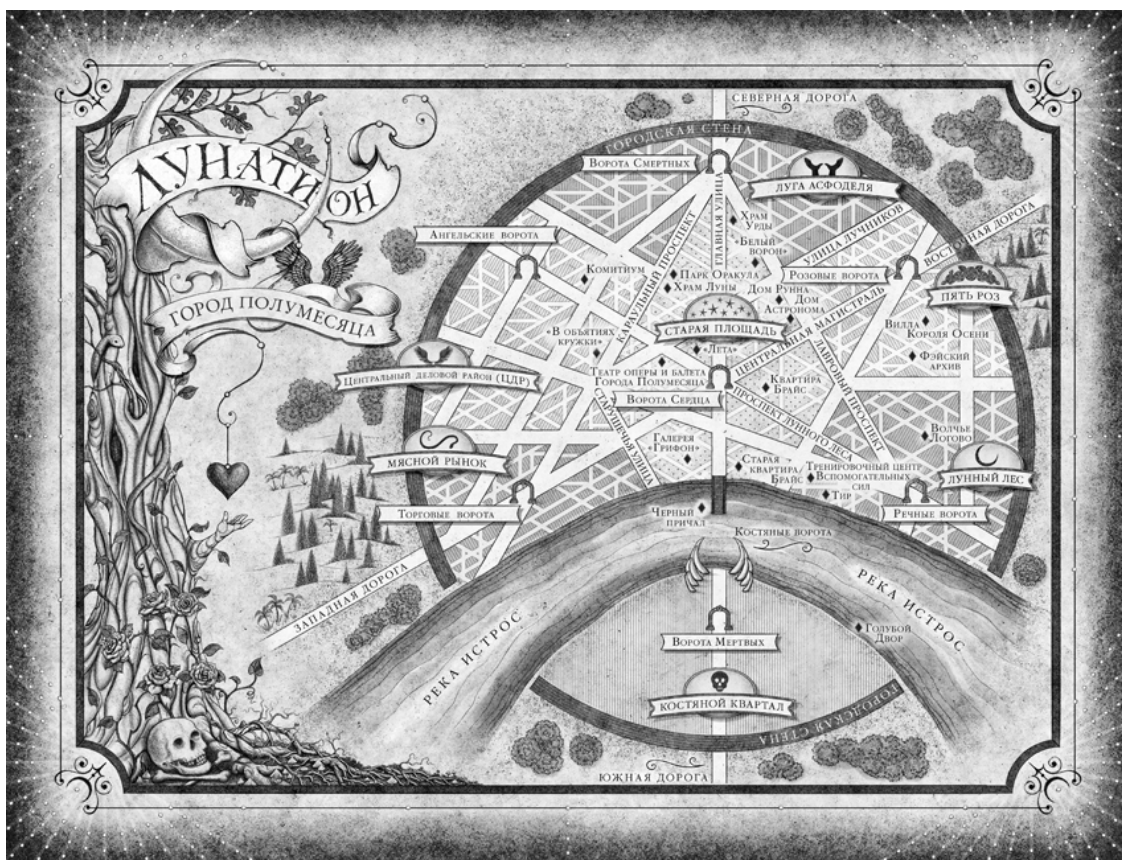
RT Book Reviews

Удивительное богатство воображения.

Publishers Weekly

* * *

Посвящается Робину Ру – бесстрашному агенту и настоящему другу

Четыре дома Мидгарда,

о которых было объявлено в 33 году в. э.

Имперским сенатом в Вечном Городе

ДОМ ЗЕМЛИ И КРОВИ

Оборотни, люди, ведьмы, обычные животные и множество других, к которым призывает Ктона, а также некоторые, избранные Луной.

ДОМ НЕБА И ДЫХАНИЯ

Малакиды (ангелы), фэйцы, элементали, спрайты* и те, кто благословлен Соласом, наряду с теми, к кому благоволяет Луна.

ДОМ МНОГОВОДИЯ

Речные духи, русалки, водяные звери, нимфы, келпи, никсы и другие, за которыми наблюдает Огенас.

ДОМ пламени И ТЕНИ

Демонаки, жнецы, призраки, вампиры, драки, драконы, некроманты и множество злонамеренных и безымянных существ, которых сама Урда не в состоянии увидеть.

* Вследствие участия в Падении спрайты были изгнаны из своего Дома и ныне считаются низшими существами, хотя многие из них отказываются это признавать.

Пролог

В лагере смерти Кавалла Зофи удалось продержаться целых две недели.

Прошло две недели, и никто из волкожутней, охранявших лагерь, так ее и не унюхал. Все прошло по плану. Зловоние после нескольких дней, проведенных в вагоне для скота, замаскировало слишком явный запах в ее крови. Оно же выручало Зофи, когда ее и других узников перегоняли между кирпичными зданиями лагеря – этого нового Хела. Кавалла была лишь кусочком того, что астерии планировали осуществить, если война продолжится.

За эти две недели отвратительный запах проник ей под кожу, дурача даже острое обоняние оборотней-волков. Утром, в очереди за завтраком, она стояла всего в нескольких шагах от охранника, и тот даже не взглянул на нее.

Маленькая победа. Одна из тех, которые нынче она с благодарностью принимала.

Половина баз мятежников Офиона пала. Вскоре падут и другие. Однако сейчас для Зофи существовали только два места: этот лагерь и портовый город Серваст, куда она должна попасть под покровом темноты. Одна она легко смогла бы добраться туда даже пешком. Редкое преимущество, данное ей способностью переключаться между человеческой и ванирской сущностью. Редкое преимущество человеческой женщины, совершившей Нырок.

Нырок и сделал ее ваниркой. Даровал ей долгую жизнь и прочие возможности, о которых ее человеческая семья не могла и мечтать. Сама Зофи вряд ли решилась бы на Нырок, если бы не настойчивость родителей. Нырок давал возможность быстрого исцеления и дополнительную броню в мире, нацеленном на истребление человеческой породы. И потому она совершила Нырок тайно, в глухом закоулке, где помещался нелегальный центр. Якорем ей был ухмыляющийся сатир, забравший ее первосвет в качестве платы за ритуал. Потом она несколько лет училась носить человеческое обличье как плащ, причем не только снаружи, но и внутри. Она обрела все качества и повадки ваниров, однако ей никогда не быть ваниркой – ни сердцем, ни душой.

Но этим вечером... этим вечером Зофи ненадолго ослабит цепи, сдерживающие чудовище внутри ее.

Путешествие предстоит не из легких, и причина тому – десяток детишек у нее за спиной, скрючившихся на вязкой глинистой земле. А впереди – забор из колючей проволоки.

Ее тринадцатилетний брат собрал пятерых мальчиков и шесть девочек, за которыми пристально следил, как пастух за стадом. Всех их Эмиль поднял с коек и привел сюда. Ему помог кроткий солнцежрец. Сейчас жрец взял на себя обязанности дозорного и прятался в сарае, в десяти ярдах от забора.

Все дети были исхудавшими, с землистым цветом кожи. И у всех – огромные глаза, в которых застыло выражение безнадеги.

Зофи не требовалось знать историю каждого из них. Скорее всего, их жизнь повторяла ее собственную. Дети человеческих мятежников, чьих родителей либо схватили, либо продали. Ее родители разделили участь рабов.

Чистая случайность уберегла ее тогда от когтей волкожутней и продолжала уберегать вплоть до последнего времени. Это было три года назад. Вместе с подругами Зофи засиделась в университетской библиотеке и домой вернулась лишь после полуночи. Подходя к дому, она еще издали заметила разбитые окна и развороченную входную дверь. На стене их неприметного загородного дома темнела надпись, торопливо сделанная краской из баллончика, – *МЯТЕЖНОЕ ДЕРЬМО*. Увидев размашистые буквы, Зофи бросилась бежать. Хвала Урде, что часовой, поставленный у входа, ее не заметил.

Впоследствии ей удалось выяснить, что ее родители умерли, не выдержав изощренных пыток Лани и подручных этой особы, входящих в элитный эскадрон волкожутней-дознава-

телей. Чтобы получить доступ к этим данным, Зофи потратила не один месяц, завоевывая доверие руководства Офиона. Из того же отчета она узнала, что ее деда и бабушку пригнали в лагерь Браккус на севере, где расстреляли вместе с другими стариками, а тела сбросили в общую могилу.

А ее брат... Вплоть до последнего времени Зофи не удавалось найти никаких сведений об Эмиле. Все эти годы она работала на мятежников Офиона ради хоть каких-то крупиц сведений о нем и ее семье. Думать, чем она расплачивалась за информацию, она себе не позволяла. Ради сведений, нужных мятежникам, она шпионила и убивала по указке Офиона. Все это свинцовым плащом висело на ее душе.

Похоже, она сделала достаточно, раз Офион сообщил, что Эмиль был отправлен в Каваллу и, вопреки превратностям судьбы, сумел выжить. Наконец-то она узнала точное местонахождение брата. Теперь требовалось убедить командование отправить ее сюда... это стало еще одним лабиринтом, который пришлось преодолеть Зофи.

В конце она поняла необходимость заручиться поддержкой Пиппы. Командование прислушивалось к Пиппе – храброй и верной воительнице, командиру отборного отряда Светопад. Особенно сейчас, когда офионцы несли значительные потери. С другой стороны, такой «не совсем человек», как Зофи... Она сознавала, что является ресурсом, однако из-за ванирской крови в ее жилах мятежники не могли полностью ей доверять. Поэтому на данном этапе ей требовалась помощь Пиппы, равно как и Пиппа для осуществления миссий Светопада нуждалась в способностях Зофи.

Пиппа помогала ей не из дружбы. Зофи прекрасно знала: в сети, координирующей действия Офиона, такого понятия, как дружба, не существует. Но Пиппа была карьеристкой и представляла, какую выгоду получит, если Зофи вернется с победой. Тогда откроются нужные двери, и ее статус среди командования повысится.

Через неделю командование одобрило план. С того момента, когда семью Зофи выдернули из дому, прошло более трех лет. Так она оказалась в Кавалле.

Ее задержали в миле от лагеря. Она намеренно попала на глаза патрулю волкожутней, совершавших обход. Ее обыскали и в плаще нашли фальшивые документы, изготовленные мятежниками. Патрульные и не догадывались, что, помимо этих липовых бумажек, Зофи несла в своей голове сведения, которые могут обеспечить мятежникам победу в их борьбе.

Удар, способный положить конец господству астериев.

Офион слишком поздно обнаружил, что перед своим путешествием в Каваллу Зофи завершила миссию, к которой готовилась не один год. Прежде чем попасть в лапы патрулей, она постаралась, чтобы Пиппа и Офион узнали, какие сведения она добыла. Теперь руководители мятежников не откажутся от своих обещаний забрать ее и Эмиля. Зофи догадывалась, насколько дорого ей это обойдется потом, ведь она тайком собрала сведения, которые использовала в качестве страховки.

Но об этом командование узнает позже.

Патруль волкожутней допрашивал ее два дня, после чего ее затолкали в вагон для скота вместе с другими арестованными. Патрульные поверили, что она – глупая человеческая девица, обманутая любовником, который и дал ей фальшивые документы.

Зофи никак не думала, что курс театрального мастерства – непрофилирующий в ее обучении – окажется столь нужным. Когда допрашивающие выдергивали ей ногти, она слушала голос любимого профессора, критикующего ее выступление. Но «признание» волкожутням она провела со всей искренностью, с какой когда-то играла на сцене.

Интересно, знает ли командование, что свои актерские способности она применяла и к ним?

Впрочем, это уже не ее забота. Эти мысли обождут до завтра. Сейчас ей требовалось осуществить отчаянный план. Если ее не предадут, если командование не распознает правду, в

двадцати милях отсюда должно ожидать судно, которое вывезет их с Пангеры. Зофи оглядела сгрудившихся детишек и вознесла молитву богам, чтобы на корабле нашлось место не для трех пассажиров, как она договаривалась, а для большего числа.

Уже находясь в Кавалле, она потратила на поиски брата полторы недели. Занятие было не из легких, учитывая протяженность лагеря. Наконец дня три назад она заметила Эмиля в очереди за едой. Чтобы скрыть шок, внезапную радость и такую же печаль, она сделала вид, будто споткнулась.

Эмиль вытянулся. Ростом пошел в отца. Долговязый и невероятно тощий – кожа да кости. Здоровый тринадцатилетний мальчишка выглядел бы совсем не так, но лицо... лицо было до боли знакомым, хотя на нем и появились первые признаки взросления.

Сегодня вечером она пробралась в закуток, где стояла его койка. Они не виделись три года. Жизнь обоих была полна страданий и тягот, однако брат мигом ее узнал. Зофи была готова увести его немедленно, если бы он не попросил взять и остальных.

И теперь ее окружали двенадцать притаившихся детей.

Вскоре завоют сирены. Зофи быстро узнала, что в лагере есть разные сирены, подающие сигналы к побудке, походу в столовую и внезапным проверкам.

Из тумана, стелющегося к земле, донесся печальный птичий крик. Ей подавали сигнал: «все в порядке».

Молчаливо поблагодарив солнцежреца и бога, которому он служил, Зофи поднесла искалеченную руку к проволоке, находящейся под током. Она даже не взглянула ни на кончики пальцев без ногтей, ни на рубцы. Онемения в руках она тоже не почувствовала, поскольку через них уже протекал ток.

Сила электричества текла через нее, уходила в нее и становилась ею. Теперь Зофи могла распоряжаться силой по своему желанию.

Мысленный приказ, и ток снова потек вовне. Из-под пальцев, сжимавших проволоку, посыпались искры. Проволочные ячейки под рукой стали вначале оранжевыми, а затем раскалились докрасна.

Зофи надавила ладонью. На коже появились волдыри. Ладонь рассекла металл и проволоку. Эмиль шепнул детям, чтобы не вскрикивали от удивления, и все же кто-то из мальчуганов пробормотал: «Ведьма».

Типично человеческий страх перед теми, кто наделен ванирскими дарованиями, перед женщинами, обладающими невиданной силой. Зофи не стала поворачиваться и объяснять детям, что через нее текла отнюдь не ведьминская сила. Это было нечто гораздо более редкое.

Ее рука уперлась в холодную землю. Зофи расплосковала забор и раздвинула оплавленные края проволоки. Сама она едва пролезала в эту щель. Дети устремились к проходу, но она жестом остановила их, вглядываясь в пространство за забором. Дорога, отделявшая лагерь от папоротников и высоких сосен, была пуста.

Но угрозу нужно ждать не спереди, а сзади. Зофи резко повернулась к сторожевым башням по углам лагеря. Там дежурили караульные со снайперскими винтовками, постоянно нацеленными на дорогу.

Зофи глотнула воздуха, и электричество, втянутое ею из ограды, вновь заструилось по телу. Во всем лагере гасли прожекторы, испуская фонтаны искр. К ним с криками устремлялись охранники.

Напрягшись, Зофи расширила щель в заборе. Металл больно кусал ей ладони. «Бегите! Живее!» – подгоняла она детей.

Маленькие тени вылезали через щель и бежали по глинистой дороге к густым зарослям папоротников, позади которых лежал овраг с крутыми склонами. Грязная, истрепавшаяся светло-серая лагерная одежда детей делала их слишком заметными в свете почти полной луны.

Эмиль бежал последним. Его костлявое тело вызывало у Зофи не меньшее потрясение, чем любая из доступных ей сил.

Она прогнала тревожные мысли и устремилась вслед за братом. В теле ощущалась слабость, вызванная недоеданием, изнуряющим трудом и душераздирающим отчаянием, которым веяло от этого места. Комки глины и камешки врезались ей в босые ступни, но двенадцать бледных детских лиц, выглядывавших из-за папоротников, заставляли боль отступать на задний план.

– Быстрее, быстрее, быстрее! – шептала она.

Фургон не будет ждать их слишком долго.

Одна девочка, торопясь к оврагу, покачнулась и чуть не упала. Зофи подхватила ее под худенькое плечо, и они пошли вместе. Папоротники хлестали их по ногам и цеплялись за ступни. Быстрее. Нужно двигаться еще быстрее.

Завыла сирена.

Этой она еще не слышала, однако сразу догадалась, что означает пронзительный, скрежещущий звук: побег.

Зофи с детьми достигли вершины холма и уже были готовы скатиться по склону в поросший папоротниками овраг, когда между деревьями заметались лучи фонарей. Значит, волкожутни сейчас находились в гуманоидном обличье. Это хорошо, поскольку в темноте их глаза не настолько зорки, и в то же время плохо, ибо они вооружены.

У Зофи сбилось дыхание, но она сосредоточилась и послала назад стусок силы. Фонари погасли. Даже первосвет не выдерживал ее силы. Послышались злобные мужские голоса.

Зофи поспешила вперед, ведя группу за собой. Эмиль бежал последним, присматривая, чтобы никто не потерялся. Грудь Зофи наполнилась гордостью за брата, хотя к гордости пришивался ужас.

Она знала: если их поймают, живыми в лагерь они уже не вернуться.

Зофи быстро взбиралась по крутому склону оврага. От напряжения у нее жгло саднящие бедра. Не хотелось даже думать, каково приходится детям; особенно при взгляде на их ноги с костлявыми коленками, едва способные выдерживать вес тела. Беглецы достигли края оврага под звериный вой, раздающийся из глоток волкожутней. Призыв к охоте.

Зофи подгоняла детей, заставляя бежать быстрее – сквозь туман, папоротник, деревья и камни.

Когда один мальчик упал, Зофи подхватила его на руки. Тонкие ручонки вцепились в ее лагерный наряд.

Быстрее, быстрее, быстрее.

Вот и дорога, и фургон на ней. Агент Сильбо их ждет.

Его настоящего имени Зофи не знала и не собиралась выяснять, хотя было бы неплохо знать, кто он на самом деле. Для нее он был просто Сильбо. И он ждал.

Он мог бы отказаться. Заявить, что Офион убьет его, поскольку в это время он выполнял совсем другую миссию; что Пиппа убьет его или поручит это какому-нибудь солдату из Светопада.

Но он отправился вместе с Зофи и две недели где-то прятался, пока минувшим вечером она не послала ему импульс первосвета – единственный сигнал, который осмелилась послать из лагеря, кишашего ванирской охраной. Сигнал означал, что через сутки он должен быть в условленном месте.

Она велела Сильбо не использовать его силу, даже если это делало побег легче и безопаснее. Но тогда он был бы сильно истощен, а ей требовалось, чтобы он находился в полной силе.

Лунный свет бледнил лицо Сильбо. Агент был в украденной имперской форме; волосы зачесаны назад, как у любого щеголеватого офицера. Увидев Эмиля и еще одиннадцать детей, он скорчил гримасу, прикидывая, как такая орава разместится в неприметном белом фургоне.

– Всё, – хрипло выдохнула Зофи, подбегая к фургону. – Всё, Сильбо.

Он понял. Он всегда ее понимал.

Со сверхъестественным изяществом Сильбо выскочил из машины и открыл задние дверцы. Еще через минуту Зофи протиснулась на сиденье рядом с водительским. Тепло тела Сильбо проникало даже под ее поношенную лагерную одежду. Зофи не успела вздохнуть, как агент резко нажал педаль газа. Его большой палец снова и снова давил ей на плечо, словно он хотел удостовериться, что Зофи сидит рядом и что она исполнила задуманное.

Дети не проронили ни слова. Никто не заплакал.

Фургон рванул в темноту. «Наверное, лагерь отучил их плакать», – подумалось Зофи.

Путь до портового города Серваст занял полчаса.

Зофи сидела, прислонившись к Сильбо. Мчась по извилистому и ухабистому проселку, он не забыл, что дети хотят есть, и указал им на мешки с едой, припасенные в задней части фургона. Пища была приготовлена из расчета на троих, однако эти дети умели растягивать скудные порции. Он позаботился, чтобы Зофи тоже поела. Две недели в лагере едва не доконали ее. У нее в голове не укладывалось, как дети жили там месяцами. Годами. Ее брат провел в Кавалле три года.

Дорога сделала крутой поворот.

– Лань поблизости, – нарушил молчание Сильбо. – Утром мне сообщили, что она в Альсене.

Так назывался городок в двух часах езды отсюда – один из важных складов вдоль железной дороги, которую вскоре после строительства окрестили Хребтом. Она пересекала континент с севера на юг и служила основной транспортной артерией для снабжения имперских войск боеприпасами и всем необходимым.

– Наши шпионы доложили, что она направляется сюда.

У Зофи свело живот, но она заставила себя не отвлекаться: ей требовалось переодеться и переобуться. Одежду и обувь привез все тот же Сильбо.

– В таком случае будем надеяться, что мы доберемся до берега раньше Лани, – сказала Зофи.

У Сильбо дрогнул кадык.

– Как Пиппа? – решила спросить Зофи.

Теперь у него дернулась жилка на подбородке. Они с Пиппой целый год соперничали за вхождение во внутренние ряды командования. «Чокнутая фанатичка» – так неоднократно называл Пиппу Сильбо, особенно после жестокой атаки, учиненной ее Светопадом. Выживших среди противников не осталось. Но Зофи понимала рвение Пиппы; она на себе познала отношение ваниров к людям и представляла, как те относятся к Пиппе. Таких нюансов Сильбо не понять, равно как и таких переживаний.

– Пока никаких известий, – ответил Сильбо. – Уж лучше бы она оказалась там, где обещала.

В каждом его слове сквозили недовольство и недоверие.

Зофи промолчала. Она не раскроет ему подробности собранных ею сведений, хотя он много делал и много значил для нее. Сколько молчаливых часов провели они вместе, сливаясь телами и душами! Но она не расскажет никому, пока командование целиком не исполнит свои обещания.

Вероятно, астерии сообразили, что она сумела узнать. Потому-то и послали Лань, дабы помешать ей рассказать другим.

Но сейчас непосредственная угроза исходила от волкожутней. Словно гончие, бегущие по следу, те нагоняли фургон. Сильбо то и дело поглядывал в зеркало заднего вида. Он тоже знал о погоне.

Вдвоем с Зофи они смогли бы одолеть горстку волков-оборотней. Такое было в их практике. Но за беглецами из Каваллы гналась не горстка. Сил не хватит, чтобы сокрушить противников и самим остаться в живых.

Зофи подготовилась и к такому варианту. Перед отправкой в Каваллу она передала командованию свой коммуникационный кристалл – драгоценное средство непосредственной связи. Такие кристаллы давали лишь наиболее ценным шпионам. Зофи знала: ее кусочек кварца в безопасности. А Сильбо обещал уберечь Эмиля. Он дал ей слово.

Когда они выбрались из фургона, узкие причалы Серваста были густо окутаны туманом, клубящимся над темными водами Хальдренского моря. Туман обволакивал старинные каменные здания портового города, заставляя помаргивать редкие уличные фонари. Улицы здесь мостили булыжником. Из-за ставен домов не пробивалось ни лучика света. Не было ни машин, ни тем более пешеходов, отважившихся идти по улицам, полным тумана и теней.

Казалось, улицы Серваста опустели заблаговременно; словно жители города – небогатые рыбаки из числа людей и ваниров, принадлежащих к Дому Многоводия, – закрылись в домах и подчинились инстинкту, велящему не высовывать носа в туман. Особенно сегодня.

Особенно когда в городе вот-вот появятся волкожутни.

Сильбо шел первым. Его волосы выбивались из-под фуражки. Он оглядывался по сторонам. Выхватить пистолет из кобуры – секундное дело. Зофи видела, как он метко убивал своей магической силой, но иногда проще было выстрелить из пистолета.

Эмиль двигался рядом с Зофи по истертым булыжникам улиц, мимо опустевших рынков. Зофи знала: из-за ставен за ними наблюдают. Она спиной ощущала взгляды жителей. Но никто не открыл дверь и не предложил помощь.

Зофи это не волновало. Пока судно стоит там, где она сказала, мир может убираться в Хел.

К счастью, «Бодегравен» покачивался в конце длинного деревянного причала. На черном корпусе корабля выделялись серебристые буквы названия. До него оставалось три квартала. В нескольких иллюминаторах горел первосвет. На причале и соседних – ни души. Эмиль шумно вздохнул, словно корабль был видением с Луны.

Зофи молила богов, чтобы за пределами гавани ждали и другие офионские корабли. Командование обещало ей эскорт в обмен на ценный ресурс, за которым она и путешествовала в лагерь. Их не заботило, что ценным ресурсом являлся ее брат. Их интересовало лишь то, на что способен этот мальчик.

Зофи всматривалась в улицы, причалы и небо над головой.

В ней, вторя ударам сердца, запульсировала магическая сила. Звук, похожий на удары костяного барабана. Предвестник беды. Предупреждение.

Надо бежать не останавливаясь.

Зофи рванулась, но ей на плечо легла широкая ладонь Сильбо.

– Они здесь, – с характерным северным акцентом произнес он.

Его чутье было острее, чем у Зофи.

Зофи обвела глазами пологие крыши, булыжники, клочья тумана:

– Насколько близко?

– Они везде. – на обаятельном лице Сильбо отразился ужас. – Эти долбаные твари везде.

Всего три квартала отделяли беглецов от спасения. А позади, на расстоянии квартала, уже слышались крики:

– Там! Там!

Секунда на принятие решения. Эмиль застыл. В его темных глазах ярко вспыхнул страх.

В следующее мгновение уже не было ни страха, ни боли.

– Беги, – прошипела Зофи Сильбо.

Он потянулся к пистолету, но Зофи опустила его руку вниз и приблизила лицо к его лицу:

– Вместе с детьми беги к судну. Я задержу волков. Встретимся на причале.

Несколько детей уже бежали к причалу. Эмиль ждал.

– Беги! – вновь велела она Сильбо.

Легко и нежно он коснулся ее щеки, затем бросился вслед за детьми, крича капитану, чтобы запускал двигатели. Промедление грозило смертью всем.

– Беги на судно, – сказала брату Зофи.

– А как же ты? – Его глаза, такие же, как у их матери, округлились.

– Обещаю: я найду тебя. Помни все, о чем я тебе говорила. Беги!

Обняв долговязого, худосочного брата, Зофи вдохнула его запах – тот, что еще сохранялся под зловонными слоями, оставленными лагерем. Эмиль отодвинулся и чуть не споткнулся, ощутив магическую силу, что нарастала на кончиках пальцев сестры.

– Заставь их заплатить, – прошептал он.

Она закрыла глаза – так было легче подготавливаться. Собрала силу. Вокруг стали гаснуть редкие уличные фонари. Когда Зофи вновь открыла глаза, вокруг заметно стемнело. Она увидела, что Эмиль добежал до судна. Сильбо стоял под единственным горевшим фонарем и жестами торопил мальчишку. Глаза Зофи и Сильбо встретились.

Она кивнула, надеясь своим кивком передать ему все, что ощущало ее сердце, и устремилась навстречу воющим волкожутням.

Зофи мчалась на золотистые лучи фар четырех машин, украшенных астерийским символом: аббревиатурой С. И. Н. М. и венком из семи звезд. Каждая машина была полным-полна волкожутней в имперской форме и с оружием наготове.

Зофи сразу же заметила золотоволосую женщину, вальяжно расположившуюся на переднем сиденье военного автомобиля с откидным верхом. На ее шее поблескивало серебряное ожерелье.

Лань.

Таково было звериное обличье этой женщины, отсюда и прозвище. Рядом с нею сидели два снайпера с винтовками, направленными на Зофи. Даже в темноте волосы Лидии Сервос сверкали. Ее красивое лицо оставалось бесстрастным и холодным. Янтарные глаза неподвижно глядели на Зофи, и в них читалось предвкушение скорой победы.

Захлопали выстрелы, похожие на раскаты грома, но Зофи удалось свернуть за угол. За ее спиной, в тумане, слышалось рычание волкожутней. Зофи бежала вглубь Серваста, удаляясь от порта, корабля, детей и Эмиля.

Сильбо при всем желании не смог бы ей помочь, поскольку не знал, где она сейчас.

Дыхание обжигало Зофи грудь. Она неслась по темным грязноватым улочкам. Туманную ночь прорезал звук корабельной сирены, словно умолая ее поторопиться.

В ответ раздался жуткий вой полудюжины волчьих глоток. Противники приближались; часть их уже была в волчьем обличье.

Когти царапали тротуарные плиты. Совсем близко. Стиснув зубы, Зофи нырнула в другой переулок, направляясь к месту, где, согласно тщательно изученным ею картам, она могла бы спастись. Корабельная сирена подала второй сигнал. Последнее предупреждение, что корабль вот-вот отчалит.

Углубиться бы еще немного в город. Совсем немного.

Позади Зофи шелкали волчьи челюсти.

«Не останавливайся», – мысленно приказывала себе она, убегая не только от ваниров, преследовавших ее, но и от наземных снайперов, поджидавших ее на открытых местах. Убегая от Лани, наверняка знающей, что за сведения есть у Зофи. Надо же, сама Лань руководит ее поимкой. Какая честь!

Впереди показалась маленькая рыночная площадь. Зофи устремилась к фонтану, журчащему в центре, и направила туда поток своей магической силы. Поток сокрушил каменный бордюр и металлическую горловину фонтана, после чего вода хлынула гейзером, накрыв всю площадь. Волки спешили сюда со всех прилегающих улочек, рассчитывая взять Зофи в кольцо. К этому времени они вернули себе человекоподобный облик.

Добежав до развороченного фонтана, Зофи остановилась.

На волках была имперская форма. На воротничках блестели маленькие серебряные дротки, каждый из которых означал пойманного и разоблаченного шпиона мятежников. У Зофи свело живот. Дротки позволялось носить не всем волкожутням, а только личной гвардии Лани – элите среди оборотней.

Со стороны порта донесся пронзительный гудок. Предупреждение и прощание.

Услышав его, Зофи прыгнула на борт фонтанной чаши и улыбнулась приближающимся волкам. Они ее не убьют. Ни в коем случае. Она нужна Лани для допроса. Им же хуже, что они не знали истинную природу Зофи – не человека и не ведьмы.

Она высвободила силу, накопленную возле причалов.

Энергия закружилась на кончиках пальцев, потекла по прядям коротких каштановых волос. Один волкожутень догадался, кем является Зофи, сопоставив увиденное с мифами, которые ваниры шепотом рассказывали своим детям.

– Она же долбаный буревестник! – завопил он.

Волкожутни стояли по щиколотку в воде. Достигнув воды, сила Зофи потекла прямо на них.

Шансов уцелеть у них не было.

Сила, выпущенная ею, перехлестывала через камни, находя новые жертвы. Зофи повернулась в сторону причалов, даже не взглянув на дымящиеся трупы, плавающие в воде. Серебряные дротки на воротничках ослепительно сверкали и плавилась.

Второй корабельный гудок. Она еще может успеть.

Шумно дыша, Зофи покинула залитую водой площадь.

Тот волкожутень оказался прав, но лишь наполовину. Зофи не была чистокровным буревестником. Ее прапрабабушка полюбила обычного человека. Их потом казнили, но они успели родить детей. И магический дар, нынче воспринимаемый скорее как легенда, нежели реальность, передался Зофи.

Потому-то она и представляла особую ценность для мятежников, поручавших ей опасные задания вроде этого. Потому-то и Пиппа ее оценила. По запаху Зофи не отличалась от людей и вполне сходила за человеческую женщину, но в ее жилах таился дар, способный мгновенно уничтожить противника. Астерии еще давным-давно выследили и истребили большинство буревестников. Она не представляла, как ее прапрабабушке удалось выжить, но потомки тщательно хранили фамильную тайну. Зофи следовала их примеру.

Так продолжалось, пока три года назад прихвостни астериев не расправились с ее семьей. Тогда она разыскала ближайшую базу Офиона и показала командирам, на что способна. Зофи выразила готовность сотрудничать с мятежниками, поставив им свои условия.

Мятежников она ненавидела наравне с астериями и миром, который те построили. Три года Офион дурачил ее, скрывая местонахождение Эмиля и лишь обещая найти и освободить ее брата, если она «выполнит еще одно задание». Это повторялось из раза в раз. Пиппа и Сильбо, быть может, и верили в идеи мятежников, хотя и действовали различными методами, но для Зофи главной идеей всегда оставался Эмиль. Мир, освобожденный от астериев, – это здорово. Только зачем он ей, если рядом не будет никого из близких?

Не сосчитать, сколько раз Зофи выполняла приказы мятежников, черпая силу из сетей первосвета, из фонарей и машин. Наполнившись силой, она убивала, убивала, убивала, пока ее душа не превратилась в решето. Часто ее охватывало желание уйти от мятежников и самой

заняться поисками брата, но она не была шпионкой и не имела агентурной сети. И потому она оставалась и тайно готовила свою приманку, чтобы помахать перед Офионом. Накануне путешествия в Каваллу Зофи убедилась, что они понимают важность имеющихся у нее сведений.

Быстрее, еще быстрее. Она неслась в сторону порта. Если корабль уже отошел, может, найдется какая-нибудь моторная лодка, на которой она догонит «Бодегравен». Или пустится вплавь, пока Сильбо не заметит ее и не притянет своей силой.

Кривые улочки с покосившимися домами тонули в тумане.

Причал был пуст. Корабль медленно удалялся. Зофи побежала еще быстрее.

Она уже видела Сильбо на палубе «Бодегравена». Но почему он своей силой не перетянул ее на палубу? Пробежав еще несколько футов, она поняла причину. Ладонью Сильбо зажимал окровавленное плечо.

Да поможет ему Ктона. Рана Сильбо не являлась опасной, однако Зофи сразу догадалась, какой пулей в него стреляли. Пулей, начиненной горсианским камнем, подавляющим магию.

Теперь от магической силы Сильбо никакого толку. Но если снайпер ранил Сильбо... Зофи шумно вздохнула.

Напротив причалов, в тени здания, стоял уже знакомый ей автомобиль с откидным верхом. Лань сидела, словно королева. Винтовка снайпера рядом была направлена на Зофи.

Вся обойма наверняка состояла из горсианских пуль, способных за считанные секунды лишить магической силы и ее.

Янтарные глаза Лани светились, как угли. Зофи мысленно прикинула расстояние до конца причала. Сильбо оставил ей веревку – связующую нить между концом причала и медленно отходящим «Бодегравеном».

Лань вызывающе наклонила голову. Из красных губ донесся обманчиво спокойный голос: – Буревестник, ты считаешь себя быстрее пули?

Зофи было не до разговоров. Быстрая, как ветер над фьордами ее родной земли, она бросилась бежать по настилу причала, зная, что снайпер непременно выстрелит.

Темная акватория гавани становилась все ближе.

Хлопнул винтовочный выстрел.

Раздался отчаянный крик Сильбо, и Зофи упала ничком на доски. В щеку впилося несколько щепок. Отдача от падения пришлась на один глаз. Правое бедро обожгло болью. Пуля прошла сквозь ткани и раздробила кость. Боль была настолько сильной, что у Зофи перехватило дыхание.

Крик Сильбо стих, и тут же он снова закричал, теперь уже капитану:

– Полный вперед!

Лежа на досках причала, Зофи сознавала, что положение ее отчаянное. Она приподняла голову, проглотив крик боли. Из носа текла кровь. Монотонное гудение энергии омега-лодки она слышала раньше, чем увидела под поверхностью воды приближающиеся огни.

Четыре имперские подводные лодки, словно акулы, торопились взять «Бодегравен» в кольцо.

Пиппа Спецос стояла на борту корабля мятежников «Оррэ». Вокруг плескались темные воды Хальдренского моря. Вдали золотистыми звездочками перемигивались огоньки городков и селений на северном берегу Пангеры.

Но ее внимание было сосредоточено на огнях Серваста и на маленьком огоньке, движущемся в сторону «Оррэ».

«Бодегравен» не опоздал.

Пиппа прижала руку к жесткому холодному нагруднику доспехов. Ладонь легла чуть выше изображения заходящего солнца – эмблемы эскадрона Светопад. Она не торопилась

вздыхать с облегчением. Вначале нужно увидеть Зофи и ресурсы, которые та везла с собой: мальчишку и важные сведения.

Тогда она наглядно продемонстрирует Зофи, как относится командование к попыткам манипулировать собой.

Агент Сильбо, этот самонадеянный дурень, последовал за любимой женщиной. Пиппа знала: ресурсы, имевшиеся у Зофи, для него мало значили. Одно слово, дурак. Но возможность заполучить сведения, которые, по утверждению Зофи, она несколько лет собирала для Офиона, – от этого не откажется даже Сильбо.

Подошел Римонд, капитан «Оррэ».

– Докладывай, – велела Пиппа.

Он на собственной шкуре прочувствовал, каково не подчиняться ее приказам. Хорошо узнал, кто в рядах командования ее поддерживает и готов ради нее устроить Хел крошечный.

– Мы получили радиogramму, – сообщил Римонд. – Вашей шпионки на борту нет.

Пиппа застыла:

– А ее брат?

– Мальчик там и еще одиннадцать детей из Каваллы. Зофи Ренаст осталась на берегу, чтобы выиграть для них время. Мне жаль.

«Жаль». Пиппа потеряла счет тому, сколько раз она слышала это поганое слово.

Но сейчас... Эмиль на борту «Бодегравена». Компенсирует ли он им потерю Зофи?

Разрешишь Зофи отправиться в Каваллу, командование пошло на определенный риск – потерять один ценный ресурс ради приобретения другого. Но так обстояло дело до отправки. И вдруг, уже перед самой отправкой, Зофи объявила, что располагает жизненно важными сведениями, касающимися врагов. Теперь ее потеря оборачивалась потерей сведений...

– Я хочу... – успела прошептать Пиппа и оскелась.

Стеклянная дверь капитанского мостика открылась. Вниз сбежал человеческий матрос. Лунный свет придавал его коже неестественно бледный оттенок. Он посмотрел на капитана, затем на Пиппу, не зная, кому докладывать.

– За «Бодегравеном» гонятся четыре омега-лодки. Агент Сильбо ранен горсианской пулей в плечо.

У Пиппы кровь застыла в жилах. От Сильбо с горсианской пулей в плечо никакого толку.

– Они скорее потопят корабль, чем позволят увезти детей.

Пиппа еще не окончательно очерствела от ужасов этого мира, и потому от услышанного ей свело живот. Капитан Римонд тихо выругался.

– Подготовить орудия к бою, – приказала Пиппа.

Шансы выдержать атаку омега-лодок были невелики, но они хотя бы отвлекут внимание на себя. Капитан что-то пробурчал в знак согласия. Однако матрос, торопящийся исполнить приказ, вдруг замер у двери мостика и испустил возглас удивления, указывая в сторону берега.

На горизонте один за другим гасли огни Серваста. Суша погружалась в темноту.

– Что за Хел...

– Не Хел, – возразила Пиппа, следя за расползающейся темнотой.

Зофи. Или... Она перевела взгляд на «Бодегравен».

Для лучшего обзора Пиппа помчалась на мостик. Римонд последовал за ней. Поднявшись туда, она увидела, как «Бодегравен» на полной скорости спешит к ним, а за ним, близко к поверхности, следуют четыре омега-лодки. Еще немного, и они нагонят судно.

И вдруг из-под воды поднялся мощный столб белого света, протянул длинные щупальца к ближайшей омега-лодке.

Через мгновение свет переместился к следующей вражеской субмарине. Огни на обеих лодках погасли. Затем одна лодка исчезла с экрана радара.

– Боги милосердные, – прошептал Римонд.

«Что-то вроде этого», – хотела ответить Пиппа. Станный дар Зофи, которой подчинялось электричество и сила первосвета. Ей повиновалась энергия любого вида, которую она втягивала в себя, как воздух. Этот могущественный, непобедимый дар заставил астериев еще несколько веков назад повести войну ради уничтожения буревестников. Казалось, обладателей этого дара не осталось совсем.

И вот сразу двое.

Зофи говорила, что силы брата значительно превосходят ее собственные. Действия этих сил Пиппа сейчас видела воочию. Свет перескочил со второй лодки на третью. Огни второй погасли.

«Бодегравен» находился еще слишком далеко, и Пиппе было не разглядеть на палубе Эмиля. Но мальчишка наверняка там стоял.

– Кто может потопить омега-лодку без торпед? – удивленно пробормотал кто-то из матросов.

Значит, может. Свет нырнул за третьей лодкой. Даже издали Пиппа увидела ослепительно-белые щупальца, похожие на крылья. Они потянулись к очередной жертве.

– Неужто ангел? – прошептал кто-то.

Пиппа мысленно отчитала глупца. Среди немногочисленных ваниров, входящих в Офион, ангелов не было. Если Пиппа займет должное место в рядах командования, она сделает так, чтобы ваниров вообще не осталось... за исключением таких, как Зофи, обладающих ванирскими силами, но имеющими человеческую душу и тело.

Эмиль – великолепный трофей для мятежников. Командование останется очень довольно.

Третья омега-лодка перестала светить и исчезла в чернильной глубине. Кровь в жилах Пиппы пела, радуясь жестокой победе. Оставалась четвертая, последняя.

– Ну давай же, – шептала Пиппа. – Давай...

Слишком многое сейчас зависело от благополучного подхода «Бодегравена». Возможно, даже перелом в войне с астериями.

– По оставшейся омега-лодке произведен выстрел двумя серными торпедами, – доложил какой-то матрос.

Но не торпеды, а все тот же белый свет ударил по четвертой омега-лодке, отправив и ее в морские глубины.

А свет вынырнул на поверхность, и на какое-то мгновение вода вокруг него обрела свой дневной, бирюзовый цвет. У Пиппы возникло ощущение протянутой руки.

– Серные торпеды пропали с радара, – доложил матрос, в голосе которого удивление смешалось с благоговейным ужасом. – Исчезли.

Остались лишь огоньки «Бодегравена» – неяркие звездочки среди темного моря.

– Командир Спецос... – обратился к Пиппе Римонд.

Но Пиппа, не обращая на него внимания, вбежала на мостик, сдернула с крючка сильный морской бинокль и вновь поспешила на палубу, чтобы навести бинокль на «Бодегравен».

Эмиль стоял на палубе. Повзрослевший, но очень похожий на фотографии, которые показывала Зофи. Одинокая фигурка в носовой части. Он смотрел на воду, ставшую кладбищем для четырех вражеских лодок, потом обернулся в сторону суши и опустился на колени.

С улыбкой Пиппа перевела бинокль, наслаждаясь впечатляющей темнотой, что окутала берег Пангеры.

Зофи лежала на боку. Шелест волн, ударяющих о сваи причала, и стук капель ее крови были единственными звуками, которые она слышала. Зофи ждала смерти.

Ее рука свешивалась с причала. А «Бодегравен» плыл в открытое море, к спасительным огням. К Пиппе. Пиппа собрала несколько военных кораблей, дабы обеспечить «Бодегравену» безопасное плавание. Вероятно, из желания убедиться, что Зофи находится на борту вместе с Эмилем, но... Главное, что Пиппа появилась в нужном месте. Офион сделал так, как Зофи просила.

Слезы текли по ее щекам, капая на доски. Нещадно болело все тело.

Зофи знала: это непременно случится, если она пойдет слишком далеко и потребует слишком много силы, как нынешней ночью. Первосвет всегда доставляет гораздо больше мучений, нежели электричество. Он сжигает изнутри, одновременно заставляя жаждать нового притока силы. Потому-то она всячески избегала применять свой дар. И потому идея заполучить Эмиля оказалась настолько привлекательной для командования, Пиппы и эскадрона Светопад.

Сейчас внутри Зофи не осталось ничего. Ни искорки силы. И никто не явится ее спасти.

По причалу кто-то шел, направляясь к ней. Стук шагов передавался ее телу, посылая волны боли.

Вскоре в нескольких дюймах от носа Зофи остановились начищенные черные сапоги. Взглянув вторым, незаплывшим глазом, она увидела бледное лицо склонившейся Лани.

– Дерзкая девчонка, – произнесла своим мелодичным голосом Лань. – Поубивала током моих волкожутней. – Янтарные глаза скользнули по лежащей Зофи. – Какой потрясающей силой ты обладаешь. И какой потрясающей силой обладает твой брат, потопивший мои омега-лодки. Значит, легенды о твоей породе – не вымысел.

Зофи молчала.

Сокрушительница шпионов слегка улыбнулась:

– Расскажи мне, кто передал тебе сведения, и я уйду с причала. Ты останешься жить и увидишь своего дорогого младшего братишку.

– Никто, – шевельнув одеревеневшими губами, ответила Зофи.

– В таком случае, Зофи Ренаст, мы отправимся на прогулку.

Подхватив Зофи, волкожутни перенесли ее в неприметную моторную лодку. Застучали моторы. Лодка поплыла в открытое море.

Прошло не менее часа. Край неба начал светлеть. Только когда темная полоска берега окончательно исчезла на горизонте, Лань взмахнула рукой. Двигатели смолкли. Лодка покачивалась на волнах.

И вновь высокие начищенные сапоги приблизились к Зофи. Ее запястье сковали горсианскими кандалами, окончательно подавив магическую силу. Одна нога онемела от боли.

Кивнув одному из волков, Лань приказала поставить Зофи на ноги. Зофи закусил губы, чтобы не вскрикнуть от боли. У нее за спиной другой волк открыл кормовой транец. При виде небольшой платформы с внешней стороны лодки у Зофи сдавило горло.

– Раз твой брат погубил столько имперских солдат, твое наказание будет соразмерным его действиям, – объявила Лань.

Лань вышла на платформу, безучастная к воде, плещущейся под ее сапогами. Достав из кармана белый камешек, она показала его Зофи, после чего бросила в воду. Острое ванирское зрение позволяло Зофи следить, как камешек опускается все глубже, исчезая в темной пучине.

– На этой глубине ты, скорее всего, захлебнешься, а дна достигнет уже твой труп.

Сунув руки в карманы, Лань следила, как ее волки сковали ноги Зофи цепями, утяжелив их свинцовыми болванками.

– Еще раз спрашиваю: прежде чем отправиться в Каваллу, с кем ты поделилась сведениями? – Лань склонила голову набок.

Ее серебряное ожерелье блестело в предутренних сумерках.

У Зофи болела мякоть пальцев, лишенных ногтей. Перед мысленным взором замелькали лица узников лагеря. Люди, которым она не смогла помочь. Ее главной целью было найти Эмиля, но она признавала правомерность действий Офиона. Во многом мятежники были правы. Лишь где-то в самой глубине души она радовалась тому, что сражалась за Офион, за этих людей. А теперь она сражалась еще и за Эмиля.

– Говорю тебе: ни с кем, – скрипя зубами, ответила она Лани.

– Ну что ж... – Лань указала на воду. – Ты знаешь, как это кончается.

Зофи сохранила бесстрастное лицо, скрыв потрясение перед неожиданной удачей, перед последним подарком Соласа. Значит, даже Лань была не настолько умна, как ей самой казалось. Она предлагала быструю ужасную смерть, но это ничто по сравнению с нескончаемыми пытками, которых ожидала Зофи.

– Вытащите ее на платформу.

Громадный темноволосый волк ухмыльнулся и возразил:

– Разобраться бы с нею по всем правилам.

Это был Мордок – непосредственный заместитель Лани, обладавший такими пыточными способностями, что его боялись почти наравне с нею.

Лань даже не взглянула на него:

– Я не трачу время попусту. Она утверждает, что никому не рассказывала, и я склонна ей поверить. – Губы Лани медленно разошлись в улыбке. – А потому сведения умрут вместе с нею.

Этим Лань и ограничилась. Волки вытащили Зофи на платформу. Раненое бедро отозвалось жгучей болью. Зофи прикусила губу, чтобы не закричать. Ее одежда быстро намочла. Ледяная вода тоже обжигала, вызывая онемение в теле.

Зофи было не унять дрожь. Она пыталась запомнить прикосновение воздуха, запах моря, серые предрассветные небеса. До восхода оставалось несколько минут, но солнца она уже не увидит. Ни сегодня, ни вообще.

Красоту и простоту жизни она принимала как должное. Жаль, что она не умела наслаждаться каждым мгновением.

– Что-нибудь скажешь напоследок? – спросила оборотень, подходя ближе.

Эмиль уплыл на «Бодегравене». Это главное. О его безопасности позаботятся.

– Убирайся в Хел, – криво улыбнулась Зофи.

Когтистые руки Мордока толкнули ее с платформы.

Соприкосновение с холодной водой подействовало на нее как взрыв бомбы. Затем свинцовые болванки потянули на дно всё, кем она была и могла бы стать.

Лань стояла на платформе, будто призрак в холодном тумане Хальдренского моря, и смотрела, как Зофи Ренаст скрывается в объятиях богини морей Огенас.

Часть I. Пропать

1

Театр, где выступала балетная труппа Города Полумесяца, был полон. Необычное явление для вечера вторника. В ожидании звонка толпы зрителей в фойе угощались напитками, разговаривали или просто фланировали. Их вид наполнял сердце Брайс Куинлан тихой радостью и гордостью.

Причина столь необычного скопления зрителей была только одна. Острый фэйский слух позволял Брайс ловить все разговоры вокруг. Она могла поклясться, что слышала сотни голосов, восторженно повторявших: «Юнипера Андромеда». Звезда нынешнего спектакля.

Невзирая на густую толпу, атмосфера в фойе была приподнято-почтительная, как в храме.

Брайс не оставляло ощущение, что статуи древних богов, украшавших просторное фойе, наблюдают за нею. Хотя скорее не боги, а супружеская пара оборотней среднего возраста, которая стояла перед статуей земной богини Ктоны: нагая богиня лежала в ожидании объятий своего возлюбленного Соласа. Судя по запаху, оборотни превращались в крупных кошек, а судя до часам мужа и драгоценностям жены, были из числа состоятельных. И эта пара беззастенчиво пялилась на Брайс.

Брайс наградила их вежливой сдержанной улыбкой.

После весеннего нападения демонов на город нечто подобное происходило чуть ли не ежедневно. Поначалу это будоражило ее и било по нервам – горожане подходили к ней и со слезами на глазах благодарили. Спустя несколько месяцев просто смотрели.

Брайс не осуждала горожан, желавших поговорить с нею; некоторые остро нуждались в этом. Город, спасенный ею, залечивал раны, а вот его жители...

К тому мгновению, как над Лунатионом взметнулся выплеск ее первосвета, сотни горожан были уже мертвы. Ханту повезло. Он находился на последнем издыхании, но первосвет его спас. Пять тысяч человек оказались не столь удачливыми.

В их семьи пришло горе.

Брайс помнила флотилии черных лодок, плывших к другому берегу реки Истрос, в туман, постоянно окутывающий Костяной Квартал. Сверху они казались стаями черных лебедей. Хант поднял ее в небо, откуда она и наблюдала траурную процессию. На набережных толпились родные и друзья погибших. Их скорбные голоса и плач достигали низких облаков, возле которых парил Хант.

Через какое-то время он покрепче обнял Брайс, и они полетели домой.

Эмбер Куинлан стояла возле мраморного торса океанической богини Огенас. Богиня поднималась из волн, выпятив свои полные груди и подняв руки.

– Сделайте снимок, – предложила Эмбер, заметив глазающих оборотней. – Всего десять золотых марок. С вашим участием – пятнадцать.

– Мама, прекрати, – пробормотала Брайс; облаченная в серое платье с накинутой пуховой шалью, Эмбер стояла в величественной позе, уперев руки в боки. – Пожалуйста, не начинай.

Пристыженные оборотни заторопились к восточной лестнице. Эмбер открыла рот, явно собираясь отпустить им вдогонку еще одну колкость, когда вмешался муж.

– Я поддерживаю просьбу Брайс, – сказал Рэндалл.

Темно-синий костюм, в котором он пришел на спектакль, только усиливал его обаяние.

Эмбер негодуяще посмотрела на отчима Брайс (дочь признавала его своим единственным отцом), но тот непринужденным жестом указал на широкий фриз за спиной:

– Этот красавец напоминает мне Аталара.

Брайс изогнула бровь, радуясь перемене темы, и повернулась к фризу. Композиция изображала могучего фэйца, застывшего над наковальней. В его правой руке был зажат тяжелый молот. Молнии, струящиеся с неба, наполняли молот своей силой и текли вниз, к наковальне, на которой лежал меч.

Надпись внизу лаконично гласила: «Неизвестный скульптор. Пальмира, около 125 г. в. э.».

Брайс достала мобильник, сделала снимок и послала тому, кто в списке ее контактов значился как «Хант Аталар, лучше меня играющий в солнечный мяч».

Это не было преувеличением. На прошлой неделе, выбрав погожий денек, они сходили на местный стадион поиграть в солнечный мяч, и Хант быстро разбил ее в пух и прах. На обратном пути он сменил имя своего контакта в ее телефоне.

Несколько движений пальцем, и снимок улетел в электронное пространство вместе с вопросом: «Это твой дальний предок?»

Брайс убрала телефон в сумочку и наткнулась на пристальный взгляд матери.

– Что? – спросила она.

– Кто здесь изображен? – спросила Эмбер, кивая в сторону фриза.

Брайс посмотрела на такую же лаконичную надпись внизу:

– Там лишь указано название: «Сотворение меча».

– На каком языке? – не отставала Эмбер, всматриваясь в полустертую надпись.

– На Древнем языке фэйцев, – ответила Брайс, стараясь произнести эти слова как можно непринужденнее.

– Понятно, – пробормотала Эмбер.

Рандалл предусмотрительно отошел к величественной статуе Луны, чей лук был устремлен к небу. Возле ног богини лежали две охотничьи собаки, а в бедро ей тыкался мордой олень.

– Ты не забываешь этот язык? – спросила мать.

– Не-а, – ответила Брайс. – Иногда это очень кстати.

– Представляю. – Эмбер откинула с лица прядь черных волос.

Брайс перешла к другому фризу, свисавшему с потолка на почти невидимых стальных нитях.

– А вот этот из эпохи Первых войн. – Она окинула взглядом мраморный барельеф высотой в десять футов. – Он посвящен...

Брайс постаралась сохранить бесстрастное выражение лица.

– Чему? – Эмбер подошла ближе.

Фриз изображал армию крылатых демонов, устремляющихся с неба на другую армию, на равнине.

– Битве с армиями Хела, явившимися завоевывать Мидгард в эпоху Первых войн, – закончила Брайс, стараясь говорить ровным голосом.

Она гнала из памяти мелькающие когти и клыки, свист перепончатых крыльев и громкие выстрелы ее винтовки, отдававшиеся в костях. А вокруг – реки крови на улицах и нескончаемые крики, крики, крики...

– Ты не находишь, что эта древность удивительно перекликается с современностью? – спросил Рандалл, подходя к жене и падчерице.

Брайс не ответила. Ей совсем не улыбалось обсуждать с родителями события этой весны. Особенно посреди театрального фойе, забитого зрителями.

– О чем там сказано? – Рандалл кивнул на пояснительную надпись.

Сознавая, что мать следит за каждым ее движением, Брайс все так же бесстрастно пробежала глазами по строчкам на Древнем языке фэйцев.

Она вовсе не пыталась скрыть тяжесть пережитого. Несколько раз она говорила об этом с отцом и матерью. Но разговоры неизменно кончались слезами Эмбер или гневными упреками в адрес ваниров, поработивших множество ни в чем не повинных людей. Брайс хватало собственных эмоций, чтобы еще справляться с грузом материнских.

Легче было вообще не затрагивать эту тему. Если с кем и говорить об этом, так только с Аталаром. Или выгонять из себя душевную тяжесть танцами, обливаясь потом на занятиях у госпожи Кайры, к которой Брайс ходила дважды в неделю. Это были крошечные шаги по направлению к разговорной терапии, неустанно предлагаемой Юниперой, но пока Брайс хватало бесед с Хантом и танцев. То и другое изрядно ей помогало.

Брайс мысленно перевела текст:

– Это фрагмент более крупной коллекции. Вероятно, она занимала несколько стен. Каждый фрагмент рассказывал свою часть истории. Насчет этого сказано: «Так семеро принцев Хела с завистью смотрели на Мидгард, после чего обрушили свои нечестивые орды на наши объединенные армии».

– Ничегошеньки не изменилось за эти пятнадцать тысяч лет, – заключила Эмбер, и ее глаза потемнели.

Брайс молчала. Она никогда не рассказывала матери о принце Аидасе, который дважды ей помог. Похоже, он не подозревал о коварных замыслах своих братьев. Узнай мамочка, что ее дочь общалась с пятым принцем Хела, глагол «спятить» получил бы новое истолкование.

– Неужели ты не могла получить работу здесь? – вдруг спросила Эмбер. Смуглой рукой она обвела пространство фойе городского театра оперы и балета. В нем, а также в фойе верхних этажей постоянно устраивались художественные выставки. – У тебя достаточная квалификация. Это было бы идеально.

– Здесь нет вакансий.

Это было правдой. Брайс не хотела козырять своим положением принцессы, чтобы получить место. Если художественный отдел театра сам пригласит ее на работу, тогда другое дело.

Что касается работы в Фэйском архиве... Брайс туда взяли, поскольку фэйцы признали ее принцессой. Но она вовсе не жаждала работать там.

– Ты хоть попыталась?

– Мама! – уже резче произнесла Брайс.

– Что, Брайс? – в тон ей спросила Эмбер.

– Девочки, вы не дома, – напомнил им Рандалл, стараясь непринужденно произнесенной фразой разрядить растущую напряженность.

Брайс благодарно ему улыбнулась. Эмбер продолжала хмуриться. Брайс подняла глаза к сверкающим люстрам в форме звезд с лучами, что висели над морем зрителей.

– Все в порядке, мама. Закружи тему.

– Какую тему? – с наигранным простодушием спросила Эмбер.

– Тему твоего мнения о моей работе, – скрипнув зубами, ответила Брайс. – Ты годами грызла меня за то, что я работаю «какой-то помощницей». Теперь у меня работа получше, но и она тебя не устраивает?

Разговор происходил совсем не в том месте. Такие вещи не обсуждают среди толпы, когда острые фэйские уши слышат каждое твое слово. Но у Брайс не было выбора.

Чувствовалось, Эмбер это ничуть не смущает.

– Дело не в том, что меня устраивает или не устраивает. Я о месте, где ты работаешь.

– Фэйский архив – учреждение независимое и с ним никак не связано.

– Да? А я помню, как он хвастался, что архив – это его личная библиотека.

– Мама, позволь тебе напомнить, что галереи больше нет, – сухо ответила Брайс. – Мне нужна работа. Прости, если мне не предлагают место в корпорациях, где нужно торчать с девяти до пяти. И прости художественный отдел театра за отсутствие у них вакансий.

– Не понимаю, почему ты не можешь продолжить работу у Джезибы. У нее же осталось хранилище. Не знаю, чем она там занимается, но ей явно нужна помощница.

Брайс подавила желание закатить глаза. На следующий же день после весенней атаки на город Джезиба закрыла галерею. Драгоценные книги и свитки – остаток Большой библиотеки Партоса – бесследно исчезли. Большинство других экспонатов Джезибы нынче находились на складе, многие – в ящиках. Брайс не представляла, куда колдунья спрятала книги из Партоса – последние немногочисленные остатки человеческого мира, каким он был до появления астериев. Спросить напрямую она не осмеливалась. Просто чудо, что астерии не пронюхали о существовании запретных книг.

– Я не могу постоянно спрашивать о работе и не выглядеть при этом просительницей.

– А мы не можем допустить, чтобы принцесса торчала в каком-то архиве.

Брайс уже не помнила, сколько раз твердила матери, что никакая она не принцесса и не хочет быть таковой. Король Осени тоже этого не хотел. Здесь их желания – то есть нежелания – совпадали. С высокомерным придурком, своим биологическим отцом, Брайс не виделась и не говорила с момента его внезапного появления в галерее, что было незадолго до ее столкновения с Микаем. Тогда она показала бывшему губернатору, какая сила течет в ее жилах.

Брайс едва удержалась от желания заглянуть в вырез своего светло-голубого полупрозрачного платья. Там, чуть ниже груди, располагался знак, появившийся у нее после весеннего сражения с демонами, – звезда с восьмью лучами. К счастью, выреза на спине не было, и никто не видел вытатуированный там Рог Луны. Словно старый шрам, белый рисунок татуировки выделялся на золотистой веснушчатой коже. С момента атаки прошло три месяца, а звезда никуда не исчезла и даже не потускнела.

Со вчерашнего вечера, едва приехав, мать то и дело поглядывала на эту звезду.

Мимо неспешно прошла стайка красивых женщин, судя по запаху кедров и мха – лесные нифмы. Каждая держала фужер с шампанским. Брайс понизила голос:

– Что ты хочешь от меня услышать? Что я вернусь в Нидарос и буду изображать из себя обыкновенную девицу, живущую нормальной жизнью?

– А чем плохо жить нормальной жизнью? – Красивое лицо матери озарял внутренний огонь, который никогда не гас. – Думаю, и Хант согласился бы там поселиться.

– Мама, Хант по-прежнему служит в Тридцать третьем легионе. Он там непосредственный заместитель командира... на свою голову. Может, он из учтивости и скажет тебе, что с радостью жил бы в Нидаросе, только ни в коем случае не принимай его слова за чистую монету.

– Поселить его в Нидаросе – все равно что отдать на растерзание демонам, – сказал Рандалл, демонстративно глядя на информационный стенд.

– И не думай, будто я не заметила, что ваши отношения подозрительно странные, – заявила Эмбер раньше, чем Брайс успела ответить на предыдущий материнский упрек.

Да, только ее мамочка умела за пять минут поднять сразу две темы, на которые Брайс не хотелось говорить.

– В каком смысле странные?

– Вы вроде бы вместе и не вместе, – отчеканила Эмбер. – Как это понимать?

– А вот это тебя не касается.

Так оно и было. Хант будто почуял, что разговор о нем. Мобильник в ее сумочке завибрировал, сигнализируя о новом сообщении. Брайс вытащила телефон и уставилась в экран.

«Могу лишь надеяться, что однажды и у меня будут такие же брюшные мышцы, как у этого парня», – написал Хант.

Не пряча улыбку, Брайс вновь посмотрела на мускулистого фэйца на фризе, затем ответила: «По-моему, кое-что есть у тебя и сейчас».

– Не уходи от ответа, Брайс Аделаида Куинлан.

Пришло новое сообщение, однако Брайс не стала его читать.

– Мама, мы можем не говорить об этом в театре? И прошу тебя, не заводи этот разговор, когда появится Хант.

Эмбер открыла рот, но Рэндалл ее опередил:

– Согласен. Когда придет Хант, никаких разговоров о работе и об их отношениях.

Эмбер насупилась, явно не собираясь отступать.

– Мама, давай сменим тему. Хорошо? Меня ничуть не тяготит моя работа, и отношения между мною и Хантом такие, какие нас с ним устраивают. В моей жизни все прекрасно. Давай на этом поставим точку.

Нельзя сказать, чтобы она соврала. Но сказанное не было полной правдой.

Ей и в самом деле нравилась ее работа. Очень даже нравилась. В частном крыле Фэйского архива была собрана настоящая сокровищница древних артефактов. Веками никто не обращал на них внимания. Но сейчас они требовали тщательного обследования и каталогизации, чтобы отобрать экспонаты для передвижной выставки, запланированной на весну будущего года.

У Брайс был свободный график, и она подчинялась лишь начальнику исследовательского отдела – оборотню-сове, одному из немногих нефэйцев, работающих в архиве. Он приходил в архив под вечер и работал до рассвета, так что они редко пересекались. Самым отвратительным в ее работе было то, что, когда она приходила во внушительное здание архива, охранники на нее пялились. Некоторые даже кланялись. Далее ее путь лежал через атриум, где библиотекари и посетители тоже имели привычку слишком пристально на нее смотреть.

Нынче на нее глазели везде и повсюду, и это жутко доставало. Но рассказывать матери о чем-либо подобном она не собиралась.

– Ладно, – вздохнула Эмбер. – Ты же знаешь, я за тебя волнуюсь.

Льдинки в груди Брайс растаяли.

– Знаю, мама. И еще я знаю... – Она мучительно подбирала слова. – Очень здорово, когда знаешь, что можешь вернуться домой, если захочешь. Но не сейчас.

– Вполне честный ответ, – похвалил Рэндалл и, обняв жену за талию, повел ее к другому фризу.

Брайс тут же вынула мобильник и прочла сообщение Ханта: «Хочешь пересчитать мышцы на моем брюхе, когда вернемся домой после балета?»

У нее свело живот. Сейчас она, как никогда, радовалась тому, что родители обладали человеческим обонянием и не заметили, как изменился ее запах. От вопроса Ханта у нее даже пальцы ног зашевелились.

Она послала соответствующий смайлик, затем сообщение: «Пооооожалуйста, появись побыстрее. Меня тут мурыжат вопросами о работе. И о тебе».

Ответ пришел мгновенно: «А что именно обо мне?» Брайс прочтала его на ходу, идя к фризу, возле которого стояли родители.

– Брайс, взгляни-ка на этого красавца. – Эмбер указала на фриз. – Совсем как твое Желанное Желе.

Брайс подняла голову от телефона и улыбнулась:

– Отважный воин Желанное Желе.

На фризе был изображен пегас, готовый вступить в бой. Правда, не единорог-пегас, как любимая игрушка ее детства. На пегасе восседал воин в тяжелых доспехах. Опушенное забрало не позволяло разглядеть лица. Правая рука с мечом была высоко поднята. Брайс сделала снимок и послала Ханту.

«Желанное Желе эпохи Первых войн отправляется в бой».

Она уже собиралась ответить на вопрос Ханта, когда мать сказала:

– Хватит флиртовать по телефону. Напиши Ханту, чтобы поторапливался.

Брайс хмуро посмотрела на Эмбер и молча убрала мобильник в сумочку.

С тех пор как в городе узнали, что она – дочь Короля Осени и Звезднорожденная, многое в ее жизни изменилось. На нее смотрели повсюду. Спасаясь от назойливых взглядов, Брайс надевала темные очки и шляпу. Это давало ей хоть какой-то уровень анонимности на улице и в Фэйском архиве. Много изменилось, но по крайней мере ее мать осталась прежней.

Брайс так и не могла решить, радоваться этому или нет.

Ложи для ангелов находились слева от сцены, сразу над портером. Войдя в ту, что заказала им Юнипера, Брайс с улыбкой посмотрела на тяжелый золотистый занавес. До начала спектакля оставалось десять минут. Через десять минут мир узнает, насколько безумно талантлива Юнипера.

Эмбер изящно уселась в красное бархатное кресло первого ряда ложи. Соседнее кресло занял Рандалл. Эмбер сидела с каменным лицом. Ни тени улыбки. Учитывая, что напротив находились королевские фэйские ложи, Брайс не упрекала мать. А учитывая, что там собралась разнаряженная, сверкающая драгоценностями знать, которая беззастенчиво гладела на Брайс... словом, это чудо, что Эмбер не отреагировала каким-нибудь вызывающим жестом.

Рандаллу места очень понравились. Он даже присвистнул, глядя через золоченые перила:

– Отличный вид.

Воздух за спиной Брайс вдруг ожил, наполнившись электричеством и гулом. Волоски у нее на руках встали торчком.

– Крылья дают преимущество, – слышался из коридора мужской голос. – Никто не хочет сидеть у тебя за спиной.

У Брайс выработалось острое чутье на присутствие Ханта. Так в налетевшем ветре порою ощущается молния. Он еще только собирался войти в помещение, а по ее телу уже разливалась магическая сила. Не только ее магия, но и кровь отзывалась на него.

Хант стоял возле двери ложи, поправляя черный галстук.

Зрелище... просто неотразимое.

Он пришел в черном костюме и белой рубашке, сшитыми на заказ для его могучего мускулистого тела. Выглядел он сногшибательно. Добавить к этому серые крылья за спиной. Увидишь и пропадешь.

Хант понимающе усмехнулся, но заговорил не с Брайс, а с Рандаллом:

– Чудесно выглядишь, дружище. Прошу меня извинить за опоздание.

Брайс едва слышала ответ отца, созерцая величественного малакима в костюме и при галстуке.

В прошлом месяце он коротко подстригся. Не слишком коротко, поскольку Брайс вмешалась в процесс стрижки и поспорила со стилистом-дракийцем, не дав тому окончательно искромсать прекрасные локоны, но волос, ниспадавших на плечи, не стало. Короткая прическа шла Ханту, однако Брайс и сейчас еще не могла привыкнуть к изменению его облика. Теперь волосы доходили ему до затылка. Несколько непокорных прядок торчали из отверстия его бейсболки. Правда, сегодня Хант тщательно причесался, и ни одна волосинка не лезла ему на лоб.

Другим потрясением для Брайс оставалось исчезновение рабской татуировки. Теперь ничто не напоминало о годах издевательств, которые претерпел Хант. Вместо клейма раба на правом запястье появился знак, указывающий, что теперь он свободен. Не полноправный гражданин, но находящийся к этому статусу ближе, нежели перегрины.

Сейчас этот знак скрывался под манжетой рубашки. Брайс посмотрела на лицо Ханта, и у нее пересохло во рту. В его темных, чуть раскосых глазах светился откровенный любовный голод.

– Ты тоже неплохо выглядишь, – сказал ей Хант.

Рандалл кашлянул и уткнулся в программку. Эмбер сделала то же самое.

– В этом-то старье? – Брайс коснулась своего голубого платья.

Хант усмехнулся и снова стал поправлять галстук.

– Пожалуйста, скажи мне, что ты не относишься к крутым особям мужского пола, которые ненавидят нарядную одежду, – вздохнула Брайс.

Теперь уже Эмбер кашлянула. Глаза Ханта сверкнули.

– Хвала богам, что я наряжаюсь не часто.

Ответить Брайс помешал негромкий стук в дверь ложи. Вошел официант-сатир с подносом, уставленным фужерами, в которых искрилось шампанское.

– От госпожи Андромеды, – пояснил он, постукивая копытцами.

– Фантастика, – улыбнулась Брайс.

Она завязала мысленный узелок: завтра она пошлет Юнипере букет вдвое больше того, что собиралась. Она взяла фужер, но прежде, чем успела поднести к губам, Хант осторожно коснулся ее руки. После весны она отменила для себя сухой закон, действовавший два года. Однако прикосновение Ханта не было напоминанием пить медленными глотками, а не залпом.

Дождавшись, пока официант уйдет, она спросила:

– Хочешь произнести тост?

Хант полез во внутренний карман пиджака и достал коробочку с мятными пастилками. Во всяком случае, внешне содержимое напоминало мятные пастилки. Не успела Брайс вымолвить хоть слово, как Хант бросил ей в фужер белую таблетку из коробочки.

– Что за Хел...

– Обыкновенная проверка. – Хант посмотрел на фужер. – Если шампанское отравлено или в него подмешан какой-нибудь дурман, оно позеленеет.

– Хотя сатир и говорил, что шампанское прислала Юнипера, можно ли ему верить? – тут же встряла Эмбер. – Мало ли что туда добавили? Спасибо за предусмотрительность! – Она кивнула Ханту.

Брайс собиралась возразить, но... Хант был по-своему прав.

– И как теперь это пить? Твоя таблетка испортила вкус.

– Таблетка на вкус не влияет. – Убедившись, что шампанское в фужере Брайс осталось золотистым, он чокнулся с нею. – Пей до дна.

– Это еще надо проверить, – буркнула Брайс, но выпила.

Вкус шампанского не изменился, словно и не было растворившейся таблетки.

Бра в ложе и люстры в зале дважды мигнули, предупреждая, что до начала спектакля осталось пять минут. Брайс и Хант заняли второй ряд ложи. Отсюда первый ряд партера был едва виден, но она все-таки разглядела сидящую там Фьюри.

Туда же посмотрел и Хант:

– Она не захотела сидеть с нами?

– Угу. – Брайс видела, что Фьюри даже в театр явилась в своей обычной одежде, почти сливавшейся с блестящими черными волосами. – Захотела видеть каждую капельку пота, которую Юнипера уронит во время танца.

– По-моему, она их видит каждую ночь, – игриво заметил Хант.

Брайс лишь двинула бровями. И тут повернулась Эмбер. Мать улыбалась – по-настоящему, без сарказма.

– Как дела у Фьюри с Юниперой? Они же теперь съехались?

– Две недели назад. – Брайс вытянула шею, чтобы получше рассмотреть Фьюри; та листала программку. – Дела у них идут отлично. Думаю, на сей раз Фьюри останется в городе.

– А как твои отношения с Фьюри? – осторожно спросила мать. – Я знаю... у вас были какие-то трения.

Чтобы не смущать Брайс, Хант уткнулся в свой телефон. Брайс рассеянно листала программку.

– Мы постепенно обретаем взаимопонимание, но сейчас вполне ладим.

– Акстар по-прежнему занимается тем, что у нее получается лучше всего? – спросил Рандалл.

– Ага, – коротко ответила Брайс, не желая дальше говорить о ремесле наемницы, каковой была Фьюри. – Но она довольна. Главное, что Юна и Фьюри счастливы вместе.

– Рада слышать, – улыбнулась Эмбер. – Они такая чудесная пара!

На этом можно было бы и остановиться, но надо знать мамочку. Эмбер смерила взглядом дочь и Ханта и без всякого стеснения заявила:

– И у вас была бы чудесная пара, если б вы преодолели свою дурь.

Брайс заерзала на кресле и загородила программкой вспыхнувшее лицо. И почему до сих пор не погасили свет? Однако Хант ничуть не смутился и сказал:

– Знаешь, Эмбер, хорошие события происходят с теми, кто умеет ждать.

От его беззастенчивого, самоуверенного тона Брайс поморщилась и, бросив программку на колени, заявила:

– Сегодня знаменательный день для Юниперы. Давайте не портить его пустой болтовней. Эмбер молча коснулась коленей дочери и отвернулась к сцене.

Хант допил свое шампанское. У Брайс снова пересохло во рту при виде его широкого, сильного кадыка, словно помогающего проталкивать шампанское в горло.

– А я-то думал, ты любишь поговорить ни о чем.

Выбор у Брайс был невелик: или дальше глазеть на Ханта, пуская слюни, или отвернуться. Не желая портить платье, она перевела взгляд на зрительный зал. Публика торопилась занять места. Многие смотрели в сторону их ложи.

Особенно из фэйских лож справа от сцены. Ни ее настоящего отца, ни Рунна в театре не было, но несколько холодных фэйских физиономий были ей знакомы. Среди них родители Тристана Флинна – провинциальный правитель Хоторн и его жена, а также их дочь Сатия, жуткая снобка, которая сидела между отцом и матерью. Никто из этой сверкающей драгоценностями знати не был обрадован присутствием Брайс. Отлично.

– Напоминаю: сегодня знаменательный день для Юниперы, – пробормотал Хант, лукаво изогнув уголки губ.

– Ты это к чему? – сердито спросила Брайс.

Хант кивнул на напыщенную знать в фэйских ложах:

– Я же чувствую, как ты изыскиваешь способ их позлить.

– И неправда.

– Правда. – Хант наклонился к ее шее. – Я это знаю, поскольку думаю о том же.

В партере и на верхних ярусах замелькали вспышки камер мобильных. Брайс понимала: зрители фотографируют отнюдь не театральный занавес.

Она повернулась к Ханту, лицо которого знала, как собственное. Несколько секунд, показавшихся ей вечностью, они смотрели друг на друга. Брайс сглатывала, однако не могла заставить себя пошевелиться и отвести глаза.

У Ханта дрогнул кадык, но он не произнес ни слова.

Три долбанных месяца этой пытки. Дурацкое соглашение, которое они заключили. Они – больше чем друзья. Больше, но без каких-либо телесных удовольствий.

– Очень здорово, что ты пришла поддержать Юниперу, – наконец произнес Хант.

– Ты так говоришь, будто я принесла большую жертву, – усмехнулась Брайс, откинув волосы за плечо.

Подбородком Хант указал на фэйскую знать, продолжающую глазеть и морщиться:

– Поскольку здесь не посидишь в темных очках и шляпе... да, это жертва.

– Уж лучше бы Юнипера заказала нам места на галерке.

Но Юнипера, желая, чтобы Ханту было удобно, заказала им эту ложу, где каждый мог разглядывать Звезднорожденную принцессу и падшего ангела.

Из оркестровой ямы донеслись звуки оживших скрипок и флейт. Брайс повернулась к сцене. Ее мышцы напряглись сами собой, словно готовясь к движению, к танцу.

Хант снова наклонился к ней и промурлыкал:

– Ты потрясающе выглядишь. Просто красавица.

– Знаю, – ответила Брайс, кусая нижнюю губу, чтобы не улыбнуться. Свет начал гаснуть, и потому можно было плюнуть на всех глазающих. – Аталар, так когда я смогу пересчитать мышцы на твоём брюхе?

Ангел кашлянул, потом еще раз и заерзал на кресле. Брайс понимающе ухмыльнулась.

– Куинлан, потерпи еще четыре месяца.

– И три дня, – добавила она.

Его глаза сверкнули в сгущающейся темноте.

– О чем вы там шушукаетесь? – спросила Эмбер.

– Ни о чем, – поспешила ответить Брайс, не сводя глаз с Ханта.

Здесь она соврала. Они с Хантом заключили дурацкое соглашение: вместо того чтобы нырнуть в постель, они выждут до Дня зимнего солнцестояния и тогда дадут волю своим желаниям. За лето и осень они получше узнают друга, не опасаясь ни архангела-психопата, ни подстерегающих их демонов.

Так они и сделали. Мучили друг друга дозволенным флиртом, но иногда... особенно сегодня, Брайс по-настоящему жалела, что предложила это соглашение. Эх, утащить бы сейчас Ханта в раздевалку и показать ему воочию, как ей нравится этот костюм.

Четыре месяца, три дня и... Брайс посмотрела на свои часики. И четыре часа. Когда в день зимнего солнцестояния часы пробьют полночь, она будет ласкать...

– Пылающий долбаный Солас, – прошипел Хант, опять ерзя на кресле.

– Извини, – ответила Брайс и в очередной раз порадовалась, что обоняние родителей не различает перемену в ее запахе.

Но Хант засмеялся, провел рукой по спинке ее кресла. Пальцы коснулись кончиков ее волос. Кажется, он был доволен. Уверен в месте, какое занимал в ее жизни.

Брайс посмотрела на родителей, сидящих рядом, и невольно улыбнулась. У матери с Рандаллом был период, когда та тоже обуздывала свои желания. Наверное, поначалу у них все-таки что-то было. Брайс не особо позволяла себе раздумывать об интимных отношениях родителей. Но она знала: прошел почти год, прежде чем Эмбер и Рандалл начали жить вместе. И их союз оказался на редкость прочным.

Брайс дорожила месяцами, проведенными с Хантом, как дорожила уроками танцев у госпожи Кайры. Только Хант по-настоящему понимал, через что она прошла, поскольку только он находился тогда возле ворот.

Она скользила взглядом по его прекрасному лицу, и ее губы вновь изгибались в улыбке. Сколько вечеров провели они, засиживаясь допоздна, говоря обо всем и ни о чем? Заказывали обеды, смотрели фильмы, реалити-шоу или матчи по солнечному мячу, играли в видеоигры или сидели на крыше дома, глядя на малакимов, ведьм и дракийцев, проносящихся мимо, словно метеоры.

Он много рассказывал ей о своем прошлом – грустном, ужасном и одновременно радостном. Брайс хотелось знать обо всем. И чем больше она узнавала, тем больше рассказывала о себе и тем больше...

Из звезды на ее груди хлынул свет.

– Не надо было надевать это идиотское платье, – пробормотала она, прикрывая свет ладонью.

Пальцы Брайс едва могли закрыть звезду. В затемненный зал струился яркий белый свет, освещая лица, которые поворачивались в ее сторону. Оркестр затих, ожидая появления дирижера.

Брайс не осмеливалась взглянуть в сторону фэйских лож. Ей не хотелось видеть презрение и отвращение на лицах знати.

Эмбер и Рандалл повернулись к ней. Вид у отца был встревоженный. В глазах Эмбер светился страх. Она не хуже дочери представляла выражение лиц в фэйских ложах. Всю свою жизнь она прятала Брайс от них, поскольку хорошо знала, как они отнесутся к магической силе, проявившейся у полукровки.

– Эй! Выключите свет! – крикнул из партера какой-то придурок.

Брайс густо покраснела. Несколько зрителей усмехнулись, но быстро замолчали.

Скорее всего, Фьюри сумела их утихомирить.

Брайс зажала звезду обеими руками. И угораздило же ту вспыхнуть в самое неподобающее время. Ее охватил страх.

– Я не знаю, как погасить свет, – пробормотала она и уже хотела встать и выбежать в коридор.

Но Хант прикрыл звезду своей широкой теплой ладонью, коснувшись пальцами груди Брайс. Свет больше не вырывался наружу, но просвечивал сквозь ладонь, превращая его светло-коричневую кожу в розово-золотистую. Главное, свет больше не заливал зал.

– Признайся: ты ведь хотела, чтобы я тебя потрогал, – прошептал Хант.

Брайс было не удержаться от дурацкого довольного смеха. Она уткнулась лицом в плечо Ханта. Ткань его костюма приятно холодила ей щеки и лоб.

– Поддержать так еще? – спросил он, хотя Брайс видела, как его глаза мечут молнии в зрителей, продолжавших пялиться в сторону их ложи.

Фэйская знать перешептывалась. Острый слух Брайс ловил слова «бесчестье» и «никаких приличий».

– Может, нам уйти? – спросила обеспокоенная Эмбер.

– Нет, – хрипло возразила Брайс, кладя ладонь поверх ладони Ханта. – Со мной все в порядке.

– Вы не можете сидеть... в такой позе, – возразила Эмбер.

– Мама, со мной все в порядке.

Хант и не думал убирать ладонь.

– Мы привыкли к чужим взглядам. Правда, Куинлан? – спросил он и улыбнулся Эмбер. – Скоро у них отпадет охота глазеть.

В его улыбке было что-то зловещее. Напоминание каждому любопытному, что его, Ханта Аталара, не зря прозвали Умбра Мортис – Тень Смерти.

Это имя он заслужил.

Эмбер одобрительно кивнула. Рандалл тоже кивнул, благодаря Ханта. К счастью, в этот момент появился дирижер, и зал наполнился аплодисментами.

Брайс глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Она совершенно не управляла звездой; та вспыхивала и гасла по собственному желанию. Брайс глотнула шампанского и нарочито небрежным тоном сказала Ханту:

– Завтра на сайтах светских сплетен появится заголовок «Сексуально озабоченный Умбра Мортис лапает Звезднорожденную принцессу прямо в театре».

– Отлично. Это упрочит мое положение в Тридцать третьем легионе.

Брайс невольно улыбнулась. Хант обладал многими дарованиями, среди которых было и умение ее рассмешить даже в те моменты, когда окружающий мир стремился поиздеваться над нею и унижить.

Пальцы Ханта у нее на груди потемнели. Брайс облегченно вздохнула.

– Спасибо, – прошептала она, глядя, как дирижер поднял палочку.

Хант очень медленно убрал руку с ее груди:

– Не стоит благодарности, Куинлан.

Она искоса взглянула на него, удивляясь перемене в интонации. Но оркестр уже заиграл увертюру, занавес стал раздвигаться, и Брайс подалась вперед, с замиранием сердца ожидая знаменательного выступления подруги.

2

Когда они поднимались по истертым ступенькам крыльца дома Рунна, Хант проехался крылом по ее спине. Брайс понадобилась вся сила воли, чтобы не вздрогнуть от удовольствия.

«Маленький междусобойчик» – так сказал Рунн, когда позвонил ей и пригласил зайти к нему после балета. Приглашение оказалось как нельзя кстати, иначе мать замучила бы Брайс новой чередой вопросов о работе, интимной жизни и статусе принцессы, отчего ей захотелось бы выпить вдрызг. И потому Брайс с Хантом проводили ее родителей до отеля, заскочили домой («Я должен вылезти из этого панциря», – заявил Хант) и полетели сюда.

На Старой Площади яблоку было негде упасть. Фэйцы, оборотни и люди из всех Домов выпивали, танцевали и просто разговаривали. На жалком клочке зелени, именуемом лужайкой, кучка зеленовласых речных нимф и фавнов обоего пола играли в «мешочки». Неподалеку собрались несколько фэйцев, судя по мускулам и характерной манере держаться – члены Вспомогательных сил. Эти увлеченно играли в шары.

Знойный день сменился прохладным вечером, впрочем достаточно теплым, и потому все бары, кафе и клубы вокруг Старой Площади были битком набиты. Особенно те, что располагались на улице Лучников. Из дома Рунна доносилась оглушительная музыка, но острый фэйский слух ловил все окрестные звуки, включая ухающие басы, низвергающиеся из окон других домов, музыку из ближайшего бара и шум проезжающих машин.

Все праздновали то, что остались живы после весеннего кошмара.

Так оно и должно быть.

Крыльцо дома Рунна было не только шатким, но и вдобавок залитым пивом.

– Фьюри и Юна уже здесь, – сообщила Брайс, перекрывая уличный шум. – Юна сказала, что они в гостинной.

Хант кивнул, хотя его внимание было сосредоточено на приглашенных. Даже здесь, на шумном сборище (других в доме Рунна не бывало), все сразу отметили появление Звезднорожденной принцессы и Умбры Мортиса. Гости расступились, а кое-кто даже попятился. Брайс несколько оторопела, но Хант непринужденно прошел дальше. Он привык к такому вниманию, и хотя официально уже не являлся Тенью Смерти, жители Города Полумесяца не забыли, кем он был когда-то. И кому служил – тоже.

Дверь в гостиную находилась в дальнем конце просторной передней, слева. Хант направился туда. Внушительные мышцы его плеч и рук шевелились на ходу. Поскольку он сменил ненавистный костюм на облегающую черную майку, их было трудно не заметить. Это Брайс

еще выдержала бы, но от его бейсболки, надетой, как всегда, козырьком назад, все внутри ее исходило на желание.

Но уж лучше эта смешная шапочка, чем тот модный костюм.

К ее изумлению, Хант ничуть не возражал, когда какой-то шаловливый воздушный спрайт наградил его, а затем и ее светящимися ожерельями из первосвета. Брайс сняла пластовый обруч и превратила в браслет, перевесив себе на руку. Хант оставил свой болтаться на груди, освещая и делая более рельефными его грудные мышцы и рисунок плеч. Да хранят ее боги.

Хант едва успел войти в гостиную, когда из фойе послышался громогласный голос Тристана Флинна:

– Рунн, Хел тебя подери!

Брайс усмехнулась. Сын провинциального фэйского правителя стоял возле стола для игры в пиво-понг, на котором он в свое время нарисовал огромную голову фэйца, заглатывающую ангела.

У другого конца стола стоял Рунн. Оба его средних пальца были направлены в сторону противников. В нижней губе болталось кольцо, поблескивая в неярком свете фойе.

– Платите, придурки, – требовал брат, покачивая сигаретой, зажатой между губами.

Брайс протянула руку к Ханту. Ее пальцы коснулись мягкого пушка его крыльев. Хант застыл, повернув голову к ней. Крылья у ангелов отличались повышенной чувствительностью. С таким же успехом она могла бы схватить его за яйца.

Покраснев, Брайс указала на брата.

– Передай Юне и Фьюри, что я скоро приду, – попросила она Ханта. – Я только поздравляюсь с Рунном.

Увидев ее, Флинн приветственно завопил. Чувствовалось, он уверенно движется к состоянию «напиться и отрубиться» – его обычному для вечера вторника. Брайс подумала, не послать ли фото оттопыренной задницы Флинна его родителям и сестрице. Возможно, тогда они перестали бы язвительно ухмыляться, косясь в ее сторону.

– Приветик, Би, – произнес стоявший рядом с Флинном Деклан Эммет, который был чуточку потрешнее.

Брайс помахала ему, не желая перекрикивать гул толпы в фойе. Странное название для бывшей столовой, превращенной в бильярдную и комнату для игры в дартс. Вполне подходящее место для наследного принца вальбарских фэйцев, каковым являлся Рунн. Эта мысль заставила Брайс усмехнуться.

– Привет, Марк, – поздоровалась она еще с одним гостем.

Это был оборотень-леопард. Высокий, поджарый. Под его темно-коричневой кожей слегка проступали мышцы. Выразительные глаза цвета топаза вспыхнули. Звали его Марк Росарэн. Деклан встречался с ним уже месяц, познакомившись с этим айтишником на вечеринке, устроенной одной из многочисленных инжиниринговых компаний Центрального делового района.

– Привет, принцесса, – отозвался Марк.

– С каких это пор ты позволяешь Марку называть тебя принцессой? – спросил Флинн.

– С тех самых, когда решила, что он мне нравится больше, чем ты, – не задумываясь, ответила Брайс, заработав от Марка одобрителное похлопывание по плечу, а от Рунна – улыбку. – И это называется «небольшой междусобойчик»? – ехидно спросила она брата.

Рунн пожал плечами, отчего колыхнулись татуировки на его руках:

– Флинн виноват. Вечно притащит толпу.

Флинн потряс банкой пива, подтверждая, что так оно и есть, затем залпом выпил содержимое.

– А где Аталар? – спросил Деклан.

– В гостиной, с Юной и Фьюри.

– И как тебе балет? – спросил у сестры Рунн, махнув кому-то из гостей.

– Потрясающе. Юна бесподобно солировала. Заставила весь театр аплодировать стоя.

От выступления подруги ее бросало то в жар, то в холод, а когда зрители встали и устроили Юнипере длительную овацию, Брайс не могла сдержать слез. Она не помнила, чтобы в театре кого-нибудь так приветствовали. Судя по покрасневшему, сияющему лицу Юниперы, выходявшей кланяться, подруга это тоже сознавала. Теперь наверняка Юну сделают солисткой, причем очень скоро.

– Билетов было не достать, – присвистнув, сообщил Марк. – Половина моего отдела продала бы душу, чтобы попасть на спектакль.

– Ты бы мне раньше сказал. У нас в ложе было несколько свободных мест.

– В следующий раз непременно учту, – заулыбался Марк.

Флинн вновь начал расставлять кружки для пиво-понга.

– Как твои мамочка с папочкой? – спросил он у Брайс.

– В лучшем виде. Перед тем как отпустить меня сюда, дали мне рожок с теплым молоком и прочитали сказочку на ночь.

Рунн хмыкнул. С недавних пор он восстановил дружеские отношения с Эмбер.

– Родительский допрос вчера был жестким?

– Шесть кругов. Потому-то я и собираюсь оттянуться с друзьями и подругами. – Брайс обвела рукой фойе и помахала в сторону гостиной.

– Бар к твоим услугам, – с величественным жестом сказал Деклан.

Брайс махнула ему тоже и отправилась в гостиную. Когда рядом не было внушительной фигуры Ханта, на нее заглядывались гораздо реже. А когда они шли рядом, вокруг разливалось молчание. Она пыталась не обращать на это внимания. Сейчас она облегченно вздохнула, заметив пару знакомых рожек, проглядывающих из-под шиньона – обычной прически Юниперы. Подруга сидела на замызганном секционном диване гостиной. Рядом сидела Фьюри. Их руки были сплетены.

Хант разговаривал с ними, стоя возле дивана, его крылья были небрежно сложены. При виде Брайс его черные глаза вспыхнули.

Сдерживая радость, Брайс подошла к дивану и села рядом с Юниперой.

– Привет, моя талантливая, блистательная и прекрасная подруга, – сказала она, ткнув носом в плечо балерины.

Юнипера засмеялась и мягко ущипнула Брайс за плечо:

– То же могу сказать и о тебе.

– Я переговорила с Фьюри, – усмехнулась Брайс.

Юнипера хлопнула Брайс по коленке. Фьюри засмеялась, заметив подруге:

– Ты уже ведешь себя как балетная прима.

Брайс театрально вздохнула:

– Жду не дождусь, когда Юна начнет закатывать скандалы из-за состояния ее гримерной.

– Какие же вы обе несносные, – сказала Юнипера, но тоже засмеялась. – Во-первых, у меня никогда не было своей гримерной. А во-вторых...

– Опять за старое, – буркнула Фьюри, а когда Юна попыталась возразить, лишь усмехнулась и чмокнула фавну в висок.

Непринужденная и нескрываемая интимность их отношений заставила Брайс оглянуться на Ханта. Тот улыбнулся. Вот бы им усестись куда-нибудь, прижаться друг к другу и целоваться. Она тут же подавила будоражащие мечты.

– Что тебе принести, Куинлан? – сипло спросил Хант и кивнул в сторону бара.

Бар находился в самом конце громадной гостиной. Двоих официантов окружала толпа гостей.

– Виски, имбирное пиво и лайм.

– Заказ принят.

Отдав шутовской салют, Хант двинулся к бару.

– И как твоя жизнь, начисто лишённая секса? – язвительно спросила Фьюри, подаваясь вперед и вглядываясь в лицо Брайс.

Брайс вжалась в подушки дивана и вполголоса выругалась. Смех Юны показался ей обжигающим. Фавна потрепала ее по бедру и спросила:

– Напомни, почему вы перестали трахаться?

Брайс удостоверилась, что Хант по-прежнему стоит в очереди к бару, и только тогда ответила:

– Потому что я – долбаная идиотка, и вы, две ехидины, это знаете.

Юнипера с Фьюри хмыкнули. Фьюри отхлебнула из своего бокала. Она пила водку, разведенную содовой.

– Скажи ему, что ты передумала, – предложила наемница, ставя бокал на колено, обтянутое черной кожаной штаниной.

Брайс не представляла, как Фьюри может носить кожаную одежду в такую жару. Сама она пришла в футболке, шортах и сандалиях – единственной одежде, терпимой в этот жаркий вечер.

– И нарушить наше соглашение, не дождавшись Дня зимнего солнцестояния? – прошипела Брайс. – Он мне потом всю плешь проест.

– Аталар и так знает, что ты не прочь нарушить соглашение, – процедила Фьюри.

– Наверняка знает, – подхватила Юнипера.

– Мы можем не говорить об этом? – не выдержала Брайс.

– И чего тебя вообще потянуло на это соглашение? – не унималась Фьюри.

Брайс лягнула кожаный сапог Фьюри и поморщилась, когда ее нога, обутая в золотистую сандалию, ударилась о жесткий металл.

– У твоих сапог стальные носки. Здесь-то зачем?

– Не доверяю я этим дружеским сборищам, – усмехнулась Фьюри. – А так найдется чем угостить придурков, которые вздумают клеиться к моей подружке.

Услышав слово «подружка», Юнипера вся засияла.

Брайс не знала, кем она является для Ханта. «Подружка» звучало как-то нелепо, когда дело касалось Ханта-долбаного-Аталара. Как будто Хант был способен на нормальные отношения, включающие ухаживание.

– Я спросила не из праздного любопытства. – Юнипера похлопала Брайс по руке. – Почему вам обоим нужно дожидаться Дня зимнего солнцестояния, чтобы заняться приятными делами?

Брайс ссутулила плечи и сползла на несколько дюймов по спинке дивана. Ногами она задела пустые пивные банки, и те с лязгом покатались под кофейный столик.

– Просто я...

За спиной появилось знакомое ощущение мужской силы, вызывающее легкий гул в ушах. Брайс закрыла рот. Через мгновение Хант протянул ей пластиковую чашку с янтарной жидкостью. К краю чашке был прикреплен клинышек лайма.

– Ваш заказ, принцесса, – вкрадчиво произнес Хант, и Брайс сдавило пальцы ног.

В его присутствии у нее почему-то всегда сводило пальцы ног.

– Вы оба привыкли к этому титулу? – обрадованно спросила Юна. – А то меня подмывало...

– Ни в коем случае. – Брайс сделала глоток и чуть не подавилась. – Аталар, сколько виски вкатил сюда официант?

Она закашлялась и стала ловить ртом воздух, успокаивая жжение в горле.

– Я думал, ты любишь виски, – пожал плечами Хант.

Фьюри фыркнула. Брайс встала с дивана, качнула чашкой в сторону Ханта, затем наклонилась к Юне:

– За новую прима-балерину городского театра оперы и балета.

Сказав это, она залпом выпила чашку, позволив виски обжечь не только горло, но и душу.

Хант всего на мгновение разрешил себе взглянуть на Брайс. Восхититься четким ритмом, который отбивала ее обутая в сандалию нога, следуя ритму музыки; полюбоваться ее длинными мускулистыми ногами, сверкающими в неоновых огнях первосвета, белыми шортами, подчеркивающими бронзовый загар. Все шрамы, полученные Брайс весной, давно исчезли, за исключением звезды на груди. А вот шрам двухлетней давности по-прежнему вился по ее бедру.

Его неукротимая, сильная, красивая Брайс. Хант изо всех сил старался не смотреть на ее круглые ягодицы под шортами, на длинные волосы, достигающие поясицы, и, конечно же, на покачивание ее роскошных бедер.

Рядом с нею он всегда ощущал себя тупым примитивным животным.

В театре он едва смотрел на выступление Юны, потому что Брайс выглядела такой... вкусной в этом голубом платье. Только присутствие ее родителей, сидящих в нескольких футах, удерживало его от желания скользнуть рукой под полупрозрачную ткань платья.

Но это нарушило бы их соглашение. Весною такая договоренность его вполне устраивала. Его и тогда снедало желание, однако он согласился с ее предложением получше узнать друг друга и только тогда вводить секс в уравнение их отношений. Увы, с каждым месяцем телесная тоска по Брайс только нарастала. Совместная жизнь в квартире была медленной пыткой для обоих.

Глаза Брайс цвета виски переместились на него. Она открыла рот и тут же закрыла, не сказав Ханту, что увидела в его взгляде.

Память о весенних событиях и гибели Микая и Сандриелы охладила нарастающее желание Ханта.

«Давай не будем никуда торопиться, – предложила ему тогда Брайс. – Нас швырнуло во все эти события, но теперь, когда жизнь возвращается в нормальную колею, я хочу, чтобы у нас с тобой все было по-настоящему. Хочу узнать тебя в спокойной обстановке, а не носясь по городу в поисках убийц».

Он согласился. Что ему оставалось? И пусть в тот вечер он вернулся из Комитиума с намерением соблазнить Брайс и утратить до полусмерти... он не успел дойти до поцелуев, когда она объявила, что хочет нажать на тормоза.

Хант понимал: его двигало не только желание познакомиться получше. Сюда же примешивалось чувство вины перед тысячами погибших, которых не удалось спасти. И позволить себе наслаждение с Хантом, позволить себе быть счастливой... Ей требовалось время, чтобы во всем разобраться. И Хант был готов дать ей время. Дать все, чего Брайс хотела и в чем нуждалась. Теперь, когда с его запястья исчезла татуировка раба, он был свободен это сделать.

Но в такие вечера, как сегодня, глядя на Брайс в этих белых шортах... сохранять договоренность было чертовски тяжело.

Фьюри торопливо загружала себе на телефон страницу электронной газеты «Вестник Города Полумесяца», где успела появиться рецензия на выступление Юниперы. Брайс встала с дивана и подошла к Ханту, оставив подруг разговаривать.

– Что ты хотела сказать? – спросил он, когда Брайс уселась рядом.

– Тебе действительно нравится ходить на эти сборища? – она указала на шумную толпу гостей. Браслет на ее запястье ярко светился. – Тебе не противно?

– Почему мне должно быть противно? – спросил он, складывая крылья.

– Потому что ты вдоволь навидался дерьма и дерьмового отношения к тебе со стороны таких, как они... – Она перекинула волосы через плечо. – Многие из них и понятия не имеют, что ты перенес. Или им попросту наплевать.

– Зачем мы тогда ходим на эти сборища, если они тебя раздражают? – спросил Хант, взглядываясь в напряженное лицо Брайс.

– Ну, сегодня мы пошли, чтобы выскользнуть из-под назойливого внимания моей мамочки. – Хант усмехнулся, но она продолжила: – И еще потому, что мне хотелось воздать должное таланту Юны. – Она улыбнулась, взглянув на подругу, воркующую с Фьюри. – Третья причина: Рунн нас пригласил. А вообще... не знаю. Мне хочется чувствовать себя нормальной, но потом появляется чувство вины. Его сменяет злость на всех этих тусовщиков, которым наплевать на вину. Наверное, таблетка, которую ты бросил мне в виски, имеет примесь безнадеги. Иначе не объяснить, почему я вдруг раздумываю обо всем этом.

– Примесь безнадеги? – со смехом переспросил Хант.

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я! – вспыхнула Брайс. – Неужели сборища вроде этого тебя не коробят?

– Нет. – Хант обвел глазами беспорядочно развлекающихся гостей. – Мне даже приятно смотреть, как горожане наслаждаются жизнью. Их приход сюда еще не означает, что им на все наплевать. Среди них наверняка найдутся те, у кого весной погибли родные и друзья. Но и фэйцам, и людям иногда требуются встряски, чтобы вновь почувствовать себя живыми. Это сброс напряжения.

Неправильные слова. Уж он-то сбрасывал напряжение не иначе как собственной рукой. Он старался не думать о том, часто ли Брайс открывает ящик в левой тумбочке, где хранит свои игрушки, вернее, так же часто, как он дрожил, стоя под душем.

До Дня зимнего солнцестояния оставалось четыре месяца. Всего четыре.

Брайс кивнула, продолжая думать о предмете их разговора:

– Мне кажется... Иногда я ловлю себя на странном ощущении. Я радуюсь жизни, и вдруг меня охватывает беспокойство: а не слишком ли я радуюсь? Понимаешь? Как будто если я позволю себе быть слишком счастливой, если привыкну к счастью, кто-то придет и отнимет у меня все это.

– Знакомое чувство. – Хант наматывал ее волосы себе на пальцы. Удержаться от этого он не мог. – Со временем мы приспособимся.

Он до сих пор приспособлялся к своей новой жизни. Было непривычно ходить без грызущего чувства в животе и ожидания ужасов, которые принесет очередной день. Было непривычно распоряжаться собой, своим будущим... Если астерии пожелают, они могут все это отобрать. Они позволяли ему жить лишь потому, что он и Брайс приобрели необычайную известность. Убийство их наделало бы много шума. Астерии выдвинули свое требование: живите, но не высывайтесь. Никогда. А если высунутся... Ригелус, позвонивший Брайс вскоре после весеннего кошмара, высказался с предельной ясностью: он – Светлая Рука астериев – убьет всех, кто дорог Брайс и Ханту, если только они переступят черту. Значит, придется жить, не высываясь.

Ханту такая жизнь даже нравилась. Ходить на балет, на сборища вроде этого и делать вид, будто он никогда не знал иной жизни. И что татуировка на спине Брайс не содержит измельченный в порошок Рог Луны.

Но каждое утро, надевая черную форму Тридцать третьего легиона, он вспоминал о своей прежней жизни. После смерти Микая Исаяя попросил его помочь в руководстве легионом, и Хант охотно согласился. Он оставался неофициальным командиром Исаяи; неофициальным лишь потому, что не хотел обременять себя писаниной и прочей бюрократией, которую влекло за собой официальное вступление в должность.

Все эти месяцы в городе было спокойно. Город Полумесяца залечивал весенние раны. У Ханта не было причин жаловаться.

В кармане черных джинсов Ханта завибрировал мобильник. Он достал телефон, прочел сообщение Исайи и застыл. Сердце ушло в пятки, затем вернулось на свое место.

– Что случилось? – Брайс заглянула ему через плечо.

Хант передал ей телефон. Его рука была на удивление твердой.

– На места Микая и Сандриелы назначены новые архангелы. Новые губернаторы.

– Кто? – У Брайс округлились глаза. – Насколько они отвратительны?

Хант кивком предложил ей прочитать электронное сообщение Исайи. Брайс, на запястье которой до сих пор болтался дурацкий светящийся браслет, согласилась.

«Расстилаем ковровую дорожку для торжественной встречи», – написал Исайя, сопроводив лаконичным комментарием пересланное письмо из имперской канцелярии астериев, извещающее о новых назначениях.

– Они совсем не отвратительны, – сказал Хант, отрешенно глядя на гостей; те сгрудились возле фэйца, выполнявшего стойку на пивной бочке. – И в этом-то вся проблема.

Брайс вчитывалась в каждое слово письма, отправленного имперским секретарем.

– Про Эфраима я знаю. Вроде бы вполне порядочный архангел. Он сейчас вместе с Жакопом управляет Родинией. Но его отправляют на северную Пангеру. А сюда... Слушай, кто эта Селистена?

Хант нахмурился:

– До сих пор она держалась в тени. Руководила Неной. Населения там – тысяч пятьдесят. Под ее командованием находился один легион. Всего один. У нее не было даже триариев. По сути, ее легион управлялся астериями и играл роль сторожевых псов Северного Разлома. Она просто марионетка.

– В таком случае она взлетела очень высоко.

– Все отзывы, какие я о ней слышал, на редкость положительны, – проворчал Хант.

– А вдруг это правда?

– Когда это касается архангелов? Ни в коем случае.

– Знаешь, Аталар, я о ней тоже не слышала ничего плохого, – сказала Фьюри.

– Получается, нам повезло? – простодушно спросила Юнипера.

Хант покачал головой. Такие разговоры не ведутся среди шумного сблища, но он сказал:

– Не могу понять, почему астерии решили назначить ее сюда, когда до сих пор она управляла небольшой территорией. Должно быть, она и впрямь их марионетка.

Брайс наклонила голову и посмотрела на него пристальным всевидящим взглядом, от которого ему свело яйца. Боги, ну какая она красивая.

– Хант, может, нам действительно повезло. Мы так привыкли ко всяким гадостям, что уже не верим в хорошее. Вдруг нам стоит порадоваться назначению Селистены?

– Я усматриваю в этом милосердную руку Урды, – подхватила Юнипера, соглашаясь с Брайс.

Фьюри Акстар промолчала. Судя по сверкающим глазам, она обмозговывала услышанную новость. Наемница была единственной, кто полностью понимал замыслы астериев. Только она никогда не раскрывала подробностей своего сотрудничества с ними.

– Селистена по прибытии хочет встретиться с остатками триариев Микая. Нам наверняка стоит ожидать каких-то пертурбаций. – Хант забрал у Брайс свой телефон. – Об остальном пока можно лишь гадать. Официальное сообщение о ее назначении появится завтра утром. Так что советую не распространяться об этом.

Все трое кивнули, однако он чувствовал, что Фьюри не сдержит обещания. Кому бы она ни подчинялась, каких бы важных персон ни обслуживала, они узнают об этом раньше официального пресс-релиза.

– И когда же Селистена появится в городе? – спросила Брайс, закидывая свои рыжие волосы за остроконечные фэйские уши.

– Завтра вечером, – ответил Хант, и ему сдавило горло.

Юнипера и Фьюри вновь заговорили о своем. Брайс, угадывая состояние Ханта, сказала, понизив голос:

– Хант, ты теперь свободный ангел. Она не сможет заставить тебя действовать против твоей воли и желания. – Теплые пальцы Брайс сомкнулись вокруг его запястья, там, где когда-то чернели ненавистные буквы «С. И. Н. М.» – Ты добровольно вернулся в Тридцать третий легион. Ты обладаешь правами свободного гражданина. Если Селистена тебе не понравится и ты не захочешь служить под ее началом, просто уйдешь, не называя ей причины ухода. Ее позволения тебе не требуется.

Хант что-то пробурчал в знак согласия, однако проклятый узел в горле не исчез.

– Селистена может сильно усложнить нам жизнь.

Брайс подняла руку. Полился звездный свет, отчего ее кожа стала переливчатой. Какой-то пьяный придурок, оказавшийся рядом, завопил от удивления. Не обращая внимания на его вопли, Брайс сказала:

– Пусть она только попробует. Ты не забыл, что я – сверхмогущественная и наделенная особыми магическими дарами Звезднорожденная принцесса?

Хант понимал – это шутка, однако Брайс добавила сквозь неплотно сжатые губы:

– Я сумею тебя защитить.

– Как я могу забыть, магически могущественная и сверхособая... словом, все твои регалии.

Брайс улыбнулась и опустила руку. Раз в неделю она встречалась с Рунном, чтобы учиться управлять своей магией и способностями, полученными из разных источников. Ее собственная магия проявлялась только как звездный свет. Ни теней, которыми владел Рунн, ни огня, как у ее настоящего отца. Но движущая сила ее магии вобрала в себя крупинки магии всех, кто за долгие годы отдавал частичку своей силы Воротам. И это усиливало мощь ее звездного света. Что-то вроде этого. Брайс пыталась объяснить Ханту, почему ее магия проявляется как фэйский дар, однако Ханта не интересовали подробности. Главное, эта магия ее оберегала.

Магия служила защитой в мире, норовившем ее убить. Желających хватало, начиная с Короля Осени, явно вынашивающего планы избавиться от угрозы в лице дочери, хотя бы незначительно превосходящей его по силе.

Хант до сих пор не мог понять, каким образом Брайс оказалась могущественнее Короля Осени. Сила самого Ханта превосходила силу Брайс и силу Короля Осени, но если вспомнить о Роге Луны, впечатанном в ее спину... кто знает о настоящих глубинах ее силы? Учитывая приказ Ригелуса залечь на дно и не высовываться, Брайс не могла экспериментировать с воздействием Рога на ее магию. Впрочем, достаточно вспомнить о ее весеннем подвиге... Хант сомневался, что Брайс потянет на подобные эксперименты.

Он поймал взгляд Акстар, брошенный на Брайс, но наемница ничего не сказала.

И тогда Хант продолжил, уже громче, чтобы слышали Юнипера и Фьюри:

– Не знаю, чем вызвана затея с назначением Селистены, но астерии ничего не делают по доброте душевной.

– Для этого им нужно иметь души, – с нехарактерной язвительностью прошептала Юнипера.

– Война на Пангере набирает обороты, – тихо сказала Фьюри. – Вальбара – лакомый кусочек, полный ресурсов. Назначение той, о ком все отзываются на редкость благоприятно, – просто идиотизм.

Юнипера изогнула брови. Не из-за слов об астериях. Скорее всего, Фьюри намеренно упомянула о войне на другом континенте. Наемница крайне редко говорила на эту тему – о

том, чем она там занималась и что видела. Хант, достаточно повоевавший на Пангере, хорошо представлял себе то и другое.

– Может, им и впрямь понадобилась марионетка, – сказала Юнипера. – Номинальная правительница, которая не воспротивится отправке вальбарских войск на войну.

Фьюри откинула прядку волос со лба. Внешне Акстар выглядела как человеческая женщина. Но она явно была ванилкой, но какой породы и к какому Дому принадлежала, об этом Хант мог лишь гадать. Скорее всего, к Дому Пламени и Тени. На этом его предположения заканчивались.

– Даже Микай не согласился бы с подобным приказом.

При упоминании имени убитого губернатора Брайс побледнела. Хант подавил желание заслонить ее крылом. Он не рассказывал Брайс о кошмарах, мучивших его по ночам. Ему снова и снова снилось, как Микай издевается над нею. В других кошмарных снах он видел Брайс несущейся по улицам, а над нею кружились тучи демонов, прорвавшихся из нижних слоев Хела. Третьим типом кошмаров было видение Старой Площади и серных ракет, которыми стреляли по Брайс.

– Мы можем всю ночь строить предположения, – сказала Брайс, беря себя в руки. – Но пока Хант завтра не встретится с Селистеной, мы ничего не узнаем. Главное – пойти на эту встречу без предубеждений.

– Ты хочешь сказать, не затевай драку раньше времени, – криво усмехнулся Хант.

– Я хочу сказать, не играй в Испуганного Придурка. – (Фьюри тоже усмехнулась.) – Попробуй другую роль. Скажем, Дружелюбного Придурка.

Юнипера засмеялась. Хант и сам не удержался от смеха. Он все-таки коснулся Брайс крылом и пообещал:

– Хорошо, Куинлан. Поиграю в Дружелюбного Придурка.

3

Вот три момента, в которых Рунн Данаан был абсолютно уверен.

1. Он настолько обкурился «корнем радости», что не ощущает собственного лица. Позор, конечно, поскольку сейчас на его лице восседает женщина.

2. Он влил в себя до неприличия много виски, отчего не знал ни как зовут эту женщину, ни как они оказались в его спальне, ни почему его язык пролез ей между ног.

3. Ему чертовски нравилась такая жизнь. По крайней мере... сейчас.

Рунн уткнул пальцы в нежные пятнистые бока прелестного создания, стонущего над ним, а губным кольцом коснулся места, которое, как он знал...

Да. Он не промахнулся. Стон нескрываемого наслаждения передался его члену, который все еще томился внутри черных джинсов. Рунн даже не раздевался, а сразу повалился в постель вместе с этой милой фавной, застенчиво подошедшей к нему возле стола для пиво-понга. Ему было достаточно заглянуть в ее большие зеленые глаза, окинуть взглядом длинные ноги, оканчивающиеся очаровательными копытцами, увидеть кремовую белизну ее шеи и высокие остроконечные грудки, и он понял, где и как хочет закончить этот вечер.

Хорошо, что фавна разделяла его намерение, о чем без обиняков и поведала Рунну нежным шепотом.

Рунн провел языком по твердому бутончику ее клитора, наслаждаясь душистыми соками. Они пахли полевыми цветами. Фавна выгнула спину, ее бедра напряглись, и она несколько раз хрипло простонала, отчего Рунн едва не кончил прямо в джинсы.

Он обхватил ее голую задницу и позволил женщине гарцевать на его лице и получать волны наслаждения. Он и сам постанывал, водя языком по ее лону и заставляя сжиматься нежные внутренние мышцы.

Черт, это было так горячо. И она была горячее. Невзирая на дурман от наркотика и выпивки, он был готов удовлетворить ее по-настоящему. Достаточно, чтобы ее полные губы прошептали «да», и он мгновенно в нее войдет.

На мгновение, подобно ослепительно-яркой стреле, пронзившей ночную тьму, его мозг прошибло напоминание: вообще-то, он помолвлен. И не с какой-нибудь капризной фэйской девицей, чьи родители возмутились бы такому поведению, а с самой королевой вальбарских ведьм. Правда, они с суженой не приносили друг другу клятв верности. На Встрече и в последующие месяцы они едва общались, но... не переступил ли он некую черту, позволив себе трахаться неведомо с кем?

Рунн знал ответ. Помолвка давила на него тяжелым грузом. Возможно, потому-то он и затащил фавну в постель. Да, он переступил черту, но помолвка была устроена не по его воле. Он вообще не имел права голоса. Да, он уважал Гипаксию Энадор и восхищался ею, на редкость красивой, смелой и умной девушкой. Но до тех пор пока верховная жрица Храма Луны не соединит их руки и на его пальце не появится титановое кольцо, он будет наслаждаться последними месяцами свободы.

Он надеялся, что впереди у него еще остаются месяцы. Гипаксия не намекала его отцу на какие-то временные рамки.

Фавна застыла. Ее грудь вздымалась. Рунн прогнал мысли о суженой и проглотил слюну вместе с соками фавны.

– Ктона милосердная, – прошептала фавна, поднимая колени и намереваясь слезть с его лица.

Рунн отпустил ее тугие ягодицы и встретился с нею взглядом. Фавна пристально смотрела на него. Ее выступающие скулы заливал румянец.

Рунн подмигнул ей и провел языком по уголку рта, слизывая последние капли ее соков. Боги, какая же она милашка. У фавны дрогнуло горло, а пульс застучал призывным барабаном.

Руки Рунна скользнули вверх по ее голым бедрам, погладили тонкую талию.

– Хочешь... – успел произнести он.

Дверь комнаты настежь распахнулась. Рунн, прижатый к постели телом фавны, мог лишь повернуть голову и уставиться на вошедшего.

Тристан Флинн и глазом не моргнул. Зрелище наследного принца вальбарских фэйцев, на лице которого гарцевала женщина, было достаточно привычным. Он даже не усмехнулся, хотя фавна, испуганно запищав, спрыгнула с Рунна и спряталась за кроватью.

– Спускайся, – только и произнес Флинн.

Смуглое, с золотистым оттенком лицо его необычно побледнело. Он был на удивление трезв, словно пил только воду. Карие глаза смотрели цепко и жестко.

– Зачем? – спросил Рунн, сожалея, что так и не поговорил с фавной, торопливо подбравшей свою одежду.

Он уже был возле двери, когда Флинн указал в дальний угол комнаты, где громоздилась груда грязного белья и торчал прислоненный к замызанной стене Звездный меч:

– Меч прихвати.

Хвала богам, к тому времени, когда Рунн добрался до лестницы, его каменная эрекция пропала. Внизу по-прежнему гремела музыка, гости по-прежнему пили, курили, флиртовали – словом, развлекались, как всегда на таких сборищах.

Никаких признаков опасности, ни единого намека на угрозу, кроме...

Вот оно. Покалывание в затылке и ощущение холодного ветра, промчавшегося над верхней частью спины.

– Новая система безопасности Дека засекла какую-то аномалию, – сообщил Флинн, обводя глазами веселящихся. Он был не только трезв, но и предельно собран, как и надлежало бойцу Вспомогательных сил. – Все сенсоры вывело из строя. Что-то вроде ауры. Дек сказал, похоже на бурю, окружившую дом.

– Потрясающе, – пробормотал Рунн, ощущая поясницей прохладу Звездного меча. – Может, какой-нибудь пьяный дятел решил побаловаться магией?

Флинн снова оглядел собравшихся:

– Дек так не думает. Судя по этим кружениям, больше напоминает разведку места.

Их друг и однокашник несколько месяцев разрабатывал систему безопасности, которую разместил вокруг дома, захватив и прилегающие улицы. Эта система могла улавливать появление всяких тварей вроде кристаллоса. Прежде этот вид демонов оказывался слишком быстрым, и электроника не успевала его засечь.

– Тогда посмотрим, понравится ли незваному визитеру, что за ним тоже следят, – сказал Рунн.

Вокруг него за клубились тени. Рунн запоздало сожалел, что так нахлестался и накурился. Услышав его слова, Флинн лишь усмехнулся.

Действие «корня радости» продолжалось, отчего Рунн беспечно посмеивался, подходя к лестнице. Но веселье мигом пропало, когда он стал всматриваться в лица гостей. Хел побери, куда подевалась Брайс? Последний раз он видел ее в гостиной вместе с Фьюри, Юниперой и Аталаром. Но с места, где он стоял, ему было не увидеть сестру.

Рунн помчался вниз, перепрыгивая через три ступеньки. Из-под ног выскакивали пустые пивные банки, пластиковые чашки и чей-то полосатый лифчик.

Вдруг распахнутая входная дверь потемнела. Точнее, потемнело пространство вокруг двери. Совсем как весной, когда из ворот в город хлынули демоны.

На месте входной двери обнаружился портал, ведущий прямо в Хел. Рунн потянулся к мечу, кое-как прицепленному к спине. Вокруг другой руки он собирал тени, подгоняя свой недостаточно быстро трезвеющий мозг. Смех, пение и разговоры стихли одновременно с тем, как погас первосвет. Смолкла музыка, будто кто-то выдернул из розетки шнур музыкального центра.

В дверном проеме гостиной появились Брайс и Аталар. Сестра надела бейсболку Аталара. Ангел был вооружен пистолетом, торчащим из-за пояса. Хант был единственным, кому Рунн позволял приходить на здешние сборища с оружием. Пожалуй, еще Акстар, которая куда-то исчезла.

Выхватив меч, Рунн спрыгнул с лестницы, сумев не упасть и довольно сносно приземлиться рядом с сестрой. Тени окружали его левую руку, словно клубок змей.

От Брайс исходил слабый свет. Нет, это светился пластиковый браслет на ее руке.

Из темноты появилась фигура. Прямо из Хела. И тут Рунн осознал еще три момента.

1. Он смотрел вовсе не в портал Хела. Темнота состояла из теней. Знакомых шепчущих теней.

2. Свет исходил вовсе не от браслета Брайс. Переливчатый свет лился из-под ее футболки.

3. Увидев знакомого златовласого фэйца, вышедшего из теней и оказавшегося в фойе, Рунн понял, что его вечер испорчен.

4

– Уймись же, – прошипела Брайс, обращаясь к вспыхнувшей звезде меж грудей.

Вернее, к полоске света, выбивающейся из-под лифчика и выреза футболки. Звезда просвечивала сквозь двойной слой ткани. Если бы не высокий фэец, появившийся из облака теней, она бы задумалась, как и почему звезда вспыхнула снова.

Участники сборища стояли как вкопанные и ждали дальнейшего развития событий. Судя по началу, события намечались дерьмовые.

И какой ушлепок выключил музыку? Для большей остроты ощущений, что ли?

– Какого Хела приперся? – спросил Рунн, подходя к незнакомцу.

Загорелое лицо пришедшего можно было бы даже назвать красивым, если бы не полное отсутствие чувств. Его светло-карие глаза были мертвыми. Вероятно, чувство юмора у него тоже отсутствовало. Тонкий белый свитер, черные джинсы и армейские ботинки на шнуровке подсказывали, что он явился из более прохладных мест.

Толпа гостей почуяла опасность и рассеялась, пока рядом с незнакомцем не остались лишь Хант, Брайс, Рунн и друзья брата. Куда подевались Фьюри и Юнипера, Брайс не знала. Наверное, Фьюри увела Юну в гостиную, разместившись так, чтобы перехватить любую опасность, грозящую ее подружке. Хорошо.

Незнакомец шагнул вперед. Брайс внутренне сжалась. Хант как бы случайно встал между ней и златовласым фэйцем. Этот жест вызвал у Брайс улыбку, которая тут же погасла, когда незнакомец заговорил.

– Меня пригласили, – произнес он с сильным акцентом.

Потом он повернулся к ней и не улыбнулся, а усмехнулся. Сейчас он был похож на дохлую рыбу.

– Прежде мы не встречались, – добавил он и кивнул на освещенную грудь Брайс. – Хотя я, конечно же, знаю, кто ты. – Он скользнул по ней взглядом. – Выглядишь лучше, чем я ожидал. Не скажу, что ожидал многого.

– Какие демоны тебя принесли, Кормак? – прорычал Рунн, подходя ближе.

Меж тем Звездный меч он убрал в ножны.

Златовласый, которого звали Кормак, всмотрелся в ее брата, принялся и усмехнулся:

– От тебя пахнет, как от женской дырки.

Брайс едва не поперхнулась. Рунн взъерепенился, а Кормак невозмутимо продолжал:

– Я же тебе сказал: меня пригласили.

– Может, и пригласили, но только не в этот дом, – сказал Флинн, вставая рядом с Рунном.

Деклан встал с другого бока. Смертельно опасная троица.

– Ты называешь это домом? – Кормак осмотрелся. – Не думал, что твои стандарты опустились столь низко, господин Хоторн-младший.

– Убирайся прочь, Кормак! – прорычал Деклан.

Рядом с ним встал Марк и оскалил зубы.

Брайс знала: любого другого противника эта группа уничтожила бы не раздумывая, но незванный гость был авалленским фэйцем: сильным, с юности обученным воинским искусствам и безжалостным.

Видя, что Брайс пытается угадать, кто же он такой, Кормак представился:

– Брайс, я – твой двоюродный брат.

Хант-долбанный-Аталар хмыкнул.

– Нет у меня никаких дальних родственников среди фэйцев, – отрезала Брайс.

Ей отчаянно хотелось, чтобы эта дурацкая звезда перестала сиять, а гости продолжили бы веселиться.

– Твой свет говорит об обратном, – с непошибаемой уверенностью заявил Кормак. – С Рунном у меня, так сказать, двойное родство. Я прихожусь ему родственником по линии его матери. Но род вашего отца, короля Эйнара, еще в давние времена соединился с нашим.

Он поднял руку. Вокруг пальцев вспыхнуло и тут же погасло пламя.

Брайс смешалась. Мать никогда не говорила ей, как зовут Короля Осени. Брайс узнала его имя сама, из новостей, когда подросла и научилась пользоваться компьютером.

– И все-таки зачем ты здесь? – раздраженно спросил Рунн.

Краешком глаза Брайс видела молнии, появившиеся на пальцах Ханта. Один удар, и Хант поджарит этого наглеца.

Услышав вопрос, Кормак лишь улыбнулся и насмешливо поклонился Брайс. В безжизненных глазах мелькнуло презрение.

– Да вот зашел познакомиться со своей невестой.

Эти слова пронзили разум Ханта, загасив молнии, однако Брайс запрокинула голову и рассмеялась.

Ее смех никто не поддержал.

– Забавная шутка, – бросила она Кормаку, перестав смеяться.

– Это не шутка, – ответил Кормак, и его лицо потемнело. – Так было провозглашено.

– Кем? – сердито спросил Хант.

Авалленский фэец презрительно смерил его взглядом. Видно, не привык, чтобы ему задавали вопросы. Избалованный наглец.

– Ее отцом – Королем Осени, и моим – Верховным королем авалленских фэйцев.

Значит, этот кусок дерьма на двух ногах был наследным принцем Аваллена.

– Насколько помню, я не значилась на ярмарке невест, – холодно сказала ему Брайс.

Хант скрестил руки, став стеной мускулов рядом с Брайс. Если только этот Кормак приблизится к ней хоть на шаг, пусть знает, с кем ему придется иметь дело. Теперь щупальца молний вились не только вдоль пальцев ангела. Молнии потрескивали над плечами и крыльями.

– Ты – незамужняя фэйка, – невозмутимо продолжал Кормак. – А это значит, что твоей судьбой распоряжаются мужчины твоего рода, пока они не решат передать тебя кому-то другому. Решение было принято.

Из гостиной появилась худощавая темная фигура. Фьюри Акстар. В опущенной руке она сжимала пистолет. Юниперы рядом не было; скорее всего, Фьюри велела ей где-то спрятаться.

Кормак взглянул на наемницу, и даже его усмешка погасла.

Каждый более или менее влиятельный деятель Мидгарда знал, кто такая Фьюри Акстар и на что способна, если ей досадить.

– Пошел прочь из моего дома! – рявкнул Рунн, указывая Кормаку на дверь. – Мне все равно, унесут ли тебя твои тени или уйдешь ногами.

Кормак лишь взглянул на Звездный меч, выглядывающий из-за широкой спины Рунна:

– Ходят слухи, что и меч признаёт ее моей невестой.

На подбородке Рунна дернулась жилка. Хант не знал, как ко всему этому относиться.

Брайс шагнула вперед. Звезда на ее груди по-прежнему сияла.

– Я не твоя невеста, придурок, и никогда ею не буду. Так что возвращайся в дыру, из которой выполз, и скажи своим королям, пусть они тебе поищут другую кандидатуру. И еще скажи...

– А ты за словом в карман не лезешь, – пробормотал Кормак.

Ханта взбесил одобрительный тон фэйца, но он сдержал бурлящую силу. Даже проблеск молнии, направленной в сторону Кормака, означал бы объявление войны.

Фэйцам была присуща поистине детская капризность, вот только, в отличие от детей, они свои выходки могли продолжать веками.

Брайс учтиво улыбнулась Кормаку:

– Насколько понимаю, ты набиваешься ко мне в принцы-покровители, однако хочу тебя предупредить – больше не смей меня перебивать.

Кормак встрепенулся. Хант подавил усмешку, сознавая: Брайс вела себя в высшей степени непочтительно.

– Мой брат велел тебе покинуть его дом, – продолжала она; кожа Брайс начала светиться. – Не заставляй меня просить тебя о том же.

От этих слов у Ханта зашевелились волосы на затылке. Еще до Нырка Брайс была способна ослеплять противников своим звездным светом. Теперь, когда ее свет подкреплялся внушительной магической силой... Хант не представлял, как это проявится, но отчасти надеялся узнать. И если подопытным кроликом окажется авалленский придурок, он совсем не против.

Хант оглядел Флинна, Деклана и Марка. Все трое были напряжены и готовы ввязаться в драку. А Рунн...

Хант не понимал, почему его удивило явное удовлетворение на лице Рунна. Брайс распоряжалась в доме брата. Это могло бы ущемить мужское самолюбие Рунна. Но лицо наследного принца вальбарских фэйцев светилось гордостью. Казалось, он давно ждал, когда сестра войдет в полную силу, и теперь радовался, что она находилась на его стороне.

Внимание Ханта вновь переместилось на Кормака. Авалленский принц поднял руки и лениво улыбнулся Брайс. Улыбка была такой же мертвой, как и его глаза.

– Я увидел все, что мне требовалось увидеть.

– Что тебе требовалось? – спросил Рунн.

По его плечам скользили тени, резко контрастируя со светом, исходящим от Брайс.

Но тени клубились и за спиной Кормака, более темные и необузданные, чем тени Рунна. Они напоминали табун диких лошадей, готовых вырваться и потоптать всех.

– Я хотел убедиться, что у нее есть дар. Благодарю за показ.

Одной ногой Кормак ступил в пространство теней.

– Встретимся у алтаря, – слегка поклонившись Брайс, сказал он.

Он исчез, и звезда Брайс сейчас же погасла, оставив лишь переливающиеся искры.

Брайс смутно осознавала, как расходятся гости. Они торопились покинуть дом, и каждая пара глаз смотрела на Брайс, которая что-то набирала на телефоне.

– Есть утренний семичасовой поезд, – сообщила она Ханту, стоящему рядом, словно он боялся, что авалленский фэец вернется и похитит ее.

Не просто авалленский фэец. Принц Кормак. Ее... жених.

– Вряд ли твоя мама согласится уехать этим поездом, – сказал Хант. – Если случится чудо и она не заподозрит, что ты торопишься ее спроводить, перенося ее отъезд с полудня на раннее утро... Рандалл догадается.

Рядом с Брайс стояла Юнипера и тоже что-то листала на своем мобильнике.

– Пока социальные каналы пусты, но...

– Хватит одного сообщения, – закончила за нее Фьюри, которая, как и Хант, напряженно следила за входной дверью. – Думаю, я достаточно ясно высказалась о последствиях.

Благослови ее боги, Фьюри умела это делать.

– Если кто-нибудь из вас вздумает поместить сообщение, станет болтать или даже чрезмерно раздумывать о произошедшем здесь, я вас найду и заставлю сильно пожалеть, – тихо и властно заявила она оторопевшим гостям.

Никто не проронил ни слова, но Брайс заметила, как гости на ходу удаляли снимки со своих телефонов.

– Ты хочешь, чтобы родители покинули город на пять часов раньше, ничего не заподозрив и не узнав, – сказал ей Хант. – Затея весьма рискованная, и это еще мягко сказано. – Он склонил голову набок. – А не проще ли рассказать им?

– И сделать мою мамочку неуправляемой? Толкнуть на безрассудные поступки?

Брайс умолчала о том, как поведет себя Рэндалл, узнав, что Король Осени угрожает счастьем Брайс и пытается вмешиваться в ее жизнь. Если от короля что-то останется после Эмбер, пуля Рэндалла оборвет его бессмертную жизнь.

– Я не хочу рисковать.

– Они же взрослые люди, – сказала Фьюри. – Поверь, что они способны принимать разумные решения.

– Ты помнишь мою маму? – не выдержала Брайс. – Применимо ли слово «разумный» к ее поступкам? Она делает фигурки младенцев, лежащих в колыбельках из латука. И как тебе такая разумность?

– Они ведь все равно узнают, – задумчиво произнесла Юнипера. – Так, может, лучше, если из твоих уст? Раньше, чем услышат от посторонних?

– Ни за что, – замотала головой Брайс. – Когда они узнают, я хочу находиться как можно дальше от них. И чтобы они находились как можно дальше от Короля Осени.

Хант что-то буркнул в знак согласия, заработав ее одобрителный кивок.

Деклан шумно захлопнул входную дверь и привалился к ней спиной.

– Моя система безопасности официально уничтожена, – объявил он.

Флинн уселся на нижних ступеньках лестницы, покачивая бутылкой виски:

– Тогда начнем сооружать новую.

Прильнув к горлышку, Флинн передал бутылку Рунну. Тот стоял со скрещенными руками. Горящие синие глаза его стали почти фиолетовыми. Все это время он молчал.

Брайс не знала, с чего начать разговор с братом. С Кормака, с выплеска ее магической силы в доме Рунна, со звезды, вспыхнувшей при появлении авалленского принца... Все темы казались одинаково щекотливыми.

– Я так понимаю, это и есть твой дальний родственничек, с которым ты схлестнулся во время Испытания, – сказала она.

Рунн, Дек и Флинн мрачно кивнули. Брат припал к бутылке.

– Кормак действительно был близок к тому, чтобы убить тебя на Испытании? – спросил Хант.

Должно быть, летом Рунн сам ему рассказал.

– Весьма, – ответил Флинн, заработав сердитый взгляд Рунна.

– Погано все это было, – признался Рунн, стараясь не смотреть на Брайс. – Кормак столько лет мечтал, что однажды заполучит Звездный меч. Что войдет в Пещеру Принцев и покажет себя достойным меча. Он изучил все сказания и легенды, перешерстил все родословные, перечитал все отчеты, где говорилось, на какую именно магию откликается меч. И... ничего не помогло. Меч достался мне.

– А теперь на меч претендует и его невеста, – добавил Флинн.

Брайс сердито посмотрела на него. Только еще не хватало, чтобы кто-то так ее называл!

– Это правда, – подтвердил Рунн, заставив себя взглянуть на Брайс. Значит, видел, как она прошлась глазами по Флинну. – Меч настолько же твой, насколько и мой.

– Не волнуйся, я буду щеголять с ним по выходным и праздникам, – отмахнулась Брайс.

– С его помощью ты сотворишь сразу два зимних солнцестояния, а значит, и подарков будет вдвое больше, – вставил Хант.

Рунн и другие посмотрели на них так, словно у Брайс и Ханта было по десять голов. Но потом Брайс улыбнулась Ханту, и ангел улыбнулся в ответ.

Он ее понимал: этот юмор, страхи, стремление загородиться. Что бы с нею ни происходило, Аталар ее понимал.

– Так это правда? – спросила Юнипера, беря Брайс под руку и прижимаясь к ней. – Я о законности помолвки вопреки желанию Брайс?

Вопрос мигом прогнал улыбку с лиц Ханта и Брайс. Ее мозг лихорадочно заработал, и каждая мысль проносилась со стремительностью метеора.

– Рунн, скажи мне, что существует способ выбраться из всего этого.

Брайс подошла к брату и взяла у него бутылку. Звездный меч за спиной Рунна слегка засветился. Послышался легкий звон, какой бывает, если водить пальцем по кромке стакана.

Рунн вопросительно и настороженно посмотрел на сестру. Брайс отошла, и пение меча смолкло.

«Ты же знаешь, он не кусается».

Брайс едва не вздрогнула, когда в мозгу зазвучал голос брата. Рунн редко пользовался мысленным общением, и она успевала забыть, что он обладает этим даром.

«Это твой меч, а не мой. Ты ведь тоже Звезднорожденный принц».

Глаза Рунна вспыхнули как звезды. «Я не из тех мужчин, чье чувство гордости слишком хлипко и требует цепляться за сверкающее оружие. Если меч тебе нужен, бери».

Брайс покачала головой. «Ты вынес меч из пещеры Принцев. Преодолеl сопротивление Кормака. Одно это подтверждает, что меч должен находиться у тебя».

Ее мозг наполнился смехом Рунна. Чувствовалось, такой ответ порадовал его и вызвал облегчение. Но лицо брата оставалось серьезным, когда он вслух ответил на ее вопрос:

– Когда мы изучали фэйское право, я прогуливал занятия. Так что ничего толкового сообщить не могу. Прости.

– Я уже предпринял кое-какие действия, – сказал Марк. – Связался с помощниками моей фирмы и попросил исследовать этот вопрос. Они проверят все аналогичные дела и наличие прецедентов. Просмотрят все базы данных, за исключением астерийского архива.

– Я тоже пошустрю, – пообещал Деклан.

Но даже Дек, с его несравненным хакерским талантом, не мог взломать систему безопасности, окружавшую самый древний архив астериев.

– Спасибо, – сказала Брайс, не позволяя разрастаться зернышку надежды. – Когда что-то обнаружите, обязательно позвоните.

Рунн продолжал говорить, но Брайс его не слушала. Передав бутылку Юнипере, она открыла дверь и спустилась по шатким ступеням крыльца, обходя валявшиеся чашки и пустые пивные банки. Хант словно ураган следовал за нею. За маленькой лужайкой перед домом Рунна начиналась суетливая жизнь Старой Площади.

– Почему ты так спокойно к этому отнеслась? – спросил Хант.

Скрестив руки на груди, он шел рядом. Сухой и теплый ночной воздух ерошил ему волосы и шелестел в серых крыльях.

– Потому что появление Кормака – лишь ход в игре, которую ведет Король Осени, – ответила Брайс. – Он предполагает, что я помчусь к нему и устрою стычку. А я пытаюсь понять, зачем ему понадобилось выдавать меня замуж. Какова конечная цель его игры.

И какой может быть ее собственная.

– Объединить два могущественных фэйских королевских рода. Более чем ясная цель! – прорычал Хант. – Плюс твой дар Звезднорожденной. Ты говорила, что у тебя редкий дар, какой был у первых Звезднорожденных. Добавь к этому Рог Луны. Это делает тебя внушительным орудием в борьбе за власть.

– Для Короля Осени это слишком простая стратегия. Его игры длятся годами, если не веками. Эта помолвка – лишь первый шаг. Или же ей предшествовали еще несколько шагов.

Брайс ощущала необходимость узнать следующие шаги короля, не показывая своей вовлеченности в игру. На помолвку она никак не отреагирует. Пока.

– Давненько мы не купались в дерьме, – проворчал Хант.

Брайс выпрямилась:

– Сам знаешь, я беспечно наслаждалась нынешним летом. Но сегодня Хел решил сломать идиллию, причем для нас обоих.

– Ты еще скажи, что так было запланировано богами, – усмехнулся Хант, наклоняясь к ней. – Наверное, перед ними стояла задача: как однажды нагадить Брайс и Ханту.

Брайс усмехнулась:

– Может, назначение Селистены и благо для города. Но... Как ты думаешь, не нарочно ли Король Осени отправил сюда Кормака вскоре после того, как ты получил известие о Селистене?

– С какой целью?

– Позлить нас. Спровоцировать на необдуманные поступки. Может, рассчитывал, что ты набросишься на него и опозоришься перед архангелицей.

Хант замер. Они шли рядом, но между ними сохранялся узкий просвет. «Держим дистанцию между телами», – невесело подумала Брайс.

– Опять-таки с какой целью? – хрипло спросил Хант.

– Если ты сделаешь что-то противозаконное, – начала рассуждать она вслух. Хант придвинулся к ней, отчего ее сердце сразу забилося. – Что-то вроде...

– Убийства фэйского наследного принца?

Брайс жевала нижнюю губу.

– Селистена явно захочет продемонстрировать, как она намерена управлять. И наказание могущественного ангела, известного ангела, переступившего черту... прекрасный способ показать свою власть. Для Короля Осени одним противником меньше. Он знает, что твое наказание затронуло бы и меня. Мы же команда.

– Команда, – медленно повторил Хант, словно из всего, что он услышал от Брайс, это было самым главным.

– Ты знаешь, что я имею в виду.

– Сомневаюсь.

Никак у него дрогнул голос?

– Мы с тобой соседи по квартире, – сказала она.

Ее голос становился все более хриплым.

– Соседи, – повторил Хант.

– В данный момент – чемпионы по пиво-понгу?

Хант сорвал с ее головы бейсболку и надел на свою, как всегда козырьком назад.

– Да. И Король Осени всерьез боится нашего ужасного пиво-понгового союза.

Брайс улыбнулась. Слова Ханта немного разогнали тьму, притаившуюся в ее душе. Но Хант продолжал:

– Нельзя забывать, что у Аваллена есть собственные интересы. Почему он вошел в союз с Королем Осени?

– Знаешь что? А не много ли мы о них думаем? Пошлем-ка их подальше: и короля, и авалленских фэйцев. – Только с Хантом она могла себе это позволить. Что бы ни случилось, он ее поддержит. – Отложим эти заботы хотя бы до тех пор, пока не усадим моих родителей в поезд.

– Ты так и не выложила мне убедительный план, как ты собираешься это сделать. Риск, что они узнают об этом из новостей, никуда не делся.

– Если бы мать узнала, мой телефон уже разрывался бы. – Брайс провела по вздыбленным волосам. – Может, попросить Фьюри проникнуть к ним в номер и сломать их мобильники?

– Никудышная затея. Фьюри может проявить инициативу. Она попросту свяжет твоих родителей, затолкает в багажник и отвезет в Нидарос. Они окажутся дома раньше, чем мир узнает о помолвке. Я не исключаю такого сценария, если ты отправишь Фьюри в отель.

Брайс засмеялась, и смех отдавался во всем ее теле, как звон серебряных колокольчиков.

– Ладно, не будем трогать Фьюри. – Она взяла Ханта под руку, наслаждаясь близостью его мускулистого тела, и повела в сторону приземистых ворот, за которыми виднелся тротуар. – Давай пересмотрим старые эпизоды «Интрижки в пляжном доме» и поищем подсказку, как облапошить моих родителей.

Хант провел крылом по ее спине. Прикосновение было совсем легким, и каждый дюйм ее кожи вспыхивал, как первосвет.

– Вполне обычный вечер вторника.

Они неспешно брели домой. Вопреки легкомысленным словам Брайс все глубже погружалась во внутреннюю тьму, где яркими падающими звездами проносились мысли. Какой же дурой она была, думая, что можно прожить всю жизнь не высовываясь. Она была только рада последовать приказу астериев и вести скучную нормальную жизнь, но остальной мир имел на нее другие виды. И на Ханта тоже.

Войдя в лифт, Брайс достала телефон, чтобы позвонить родителям и скормить им порцию убедительного вранья: «Мамуля, мне так грустно тебе это говорить, но позвонила Джезиба и попросила завтра подойти на ее склад. Думаю, у меня появляется второй шанс работать с нею. Вы не возражаете уехать завтра пораньше?»

Выйдя из лифта, они с Хантом увидели, что дверь их квартиры приоткрыта.

Неужели мать с Рандаллом явились сюда, не предупредив?

Внутри тявкал Сирикс. Брайс рванулась к двери, и вдруг на нее нахлынуло воспоминание о другой ночи, окрасив все чувства в красный цвет. Как и тогда, сейчас в воздухе отчетливо пахло кровью. Этот запах ощущался в коридоре и возле порога.

Только не это! Только не ее родители!

Хант оттеснил ее и подошел к двери первым, держа пистолет наготове. Над пальцами его левой руки плясали молнии, крылья поднялись, а во всем теле отражалась готовность без сожаления уничтожить противника.

Потом его глаза удивленно вспыхнули. Он опустил пистолет. Брайс заглянула ему через плечо. При виде гостини она привалилась к Ханту, одновременно испытывая облегчение и ужас.

Да, боги хорошо постарались нагадить Брайс и Ханту.

На светлом паркете гостиниой лежал окровавленный Итан Холстром.

5

Тарион Кетос получил королевскую взбучку.

В буквальном смысле, поскольку Речная Королева была предельно рассержена.

По той же причине он сейчас пытался сохранять равновесие на качающемся рыбацьем суденышке. Море штормило так, что даже его луженый желудок не выдерживал. Вверх-вниз, вверх-вниз. Судно подсакивало на волнах, а сверху хлестал дождь. Ветер угрожал заживо содрать с него шкуру. Не спасали ни толстый черный свитер, ни надетый поверх бронежилет.

Ему бы сейчас нежиться на камне, выступающем над поверхностью Истроса, предпочтительно на виду у хорошеньких женщин, гуляющих по набережной. Ему всегда доставляли удовольствие собственные откровенные фото в социальных сетях, снабженные подписями вроде: «Такой горячий, что странно, как еще вода в Истросе не закипела!»

Снимок с той надписью ему особенно нравился. Скверно лишь, что из-за снимка он загремел сюда. Речная Королева наказала его за то, что снимок довел ее дочь до слез.

Он привык к холоду, привык забираться настолько глубоко, насколько позволяли его способности русала, – естественно, без риска расплющить себе череп от повышенного давления. Но здесь, в северной части Хальдренского моря, все обстояло по-другому. Это место высасывало жизнь, а серые волны заползали прямо в душу.

Хотя плавание было куда менее тошнотворным.

Хлещущий дождь заставил Тариона втянуть голову в плечи. Его темно-рыжие волосы прилипли к черепу, ледяная вода текла за шиворот. Боги, как же ему хотелось оказаться дома. Вернуться в сухое, знойное лето Лунатиона.

– Подводный аппарат почти достиг нужного места! – крикнула капитан, оборотень-дельфин. Сейчас она сидела в тепле рулевой рубки. Повезло тетке. – Начинается прямая трансляция.

Держась за мокрые перила борта и едва стоя на ногах, Тарион поспешил к рубке. Там помещалось лишь двое, и ему пришлось ждать, пока наружу выберется первый помощник – оборотень-акула. Тепло, окутавшее Тариона, было словно поцелуй Соласа. Он плотно задвинул дверь и впился взглядом в экранчик рядом со штурвалом.

Изображение, передаваемое с глубины, не отличалось четкостью. В сумраке мелькало что-то серое и бесформенное. Будь они на военном корабле или хотя бы на яхте, большие экраны показали бы каждую мелочь. Но проскользнуть мимо радара военно-морских сил Пангеры могло только это суденышко. Придется довольствоваться тем, что есть.

– Приближаемся к нужной глубине, – сообщила капитан, ткнув коричневым пальцем в правый верхний угол экрана, на котором мелькали возрастающие цифры.

Тарион плюхнулся на вращающийся стул, привинченный к полу. Вообще-то, это был капитанский стул, но русалу было плевать на субординацию. За плавание в этот забытый богами угол платил он. Кредитной карточкой, выпущенной Голубым Двором – подводной резиденцией Речной Королевы. Это позволяло ему сидеть там где вздумается.

– Ты хоть знаешь, как выглядит то, что мы ищем? – изогнув темную бровь, спросила капитан.

Тариону ее порекомендовали несколько шпионов из его окружения: женщина осмрительная и смелая, которая не даст деру при появлении имперских военных кораблей.

– Знаю, – ответил Тарион, всматриваясь в экран. – Тело.

Капитан присвистнула:

– Тогда ты должен представлять...

– Ей к ногам привязали свинцовые болванки и бросили в воду где-то в этих местах.

По приказу Лани.

– Если она не из Дома Многоводия, она давным-давно мертва.

Так оно и есть.

– Мне приказано найти ее тело.

Вернее, то, что осталось от тела за две недели пребывания на морском дне. Скорее всего, давление водяного столба расплющило кости, а само тело разорвало на куски.

О судьбе несчастной Речной Королевы нашептали реки и моря. Вода связывала Речную Королеву с ее сестрами, правившими водными стихиями в других частях Мидгарда. Судить о точности полученных сведений Тарион не мог. Королева лишь велела ему искать свинцовые болванки и указала место поисков, добавив, к какой породе принадлежала Зофи. К буревестникам. Да будет Огенас милостива ко всем им и к этой затее.

Возможно, ванирское тело Зофи выдержало погружение; возможно, морские глубоко-водные хищники еще не успели его растерзать. Потому-то Речная Королева и отправила Тари-

она на поиски. Почему-то королева считала, что Зофи даже мертвая представляет определенную ценность.

Никаких иных сведений от своей правительницы Тарион не получил. Она лишь приказала найти тело и доставить на Голубой Двор. Скорее всего, для извлечения ценных сведений и попыток использовать утопленницу в качестве оружия. Он молил богов, чтобы заниматься этим поручили не ему.

– Аппарат на дне, – сообщила капитан.

Движение камеры прекратилось. Теперь она поворачивалась по кругу, показывая окрестности унылого илистого дна.

– С чего начнем, капитан? – спросила оборотень.

Таково было звание Тариона. Капитан разведки. Это звание и сейчас казалось ему нелепым и вызывало болезненное чувство. Повышением по службе он был обязан делу, касавшемуся убийства его сестры. Он бы мигом отказался от звания, если бы это вернуло Лесию. Если бы хоть на мгновение он снова услышал залиvistый смех младшей. Убийцу он поймал и уничтожил, но легче ему не стало.

– Учитывая течения, она должна была достичь дна где-то здесь, – сказал Тарион.

Его водная магия тоже достигла дна, столкнувшись с безжалостностью океана. Ничего похожего на спокойную гладь Истраса. Конечно, и в Голубой реке (так переводилось с Древнего языка название реки) водилось немало чудовищ, но ее бирюзовая вода пела ему свои песни, смеялась и плакала вместе с ним. А море лишь ревело и неистовствовало.

– Поверни камеру на запад и перемести аппарат на десять ярдов, – распорядился Тарион.

На подводном аппарате вспыхнули прожекторы первосвета. Число белых бесформенных кусков, проплывавших мимо, увеличилось. Морская пучина стала местом заточения Виктории – призрака, навлекшего на себя гнев Микая. Бывший архангел поместил ее сущность в магически запечатанную коробку, лишив телесной оболочки, но сохранив ей сознание. Коробку отправили на дно впадины Мелиноэ.

Дно впадины было на пятнадцать миль глубже морского дна. Подумав об этом, Тарион содрогнулся своим полосатым телом. Коробка, куда поместили Викторию, не превышала размеров обувной. Особые заклинания предохраняли ее от чудовищного давления. Виктория, не нуждавшаяся в пище и воде, могла жить там вечно. Плененная. Одинокая. В темноте и вечном безмолвии, не имея возможности утешаться даже звуками собственного голоса.

Участь хуже смерти. Трудно сказать, на какой городской свалке нынче валялось то, что осталось от самого Микая. Отважится ли кто-то освободить призрака? Аталар не проявлял никаких признаков бунтарства, а Брайс Куинлан, насколько знал Тарион, с радостью вернулась к нормальной жизни.

Хел побери прошедшую весну. Разве всем не хотелось вернуться к нормальной жизни?

Получается, не всем, иначе Речная Королева не отправила бы его искать останки шпионки, работавшей на мятежников. Не приказала бы достать со дня «труп особого назначения».

Сами поиски трупа мятежницы уже ставили Речную Королеву под удар. И не только ее.

Первый залп ударит по нему. Однако Тарион не решился перечить королеве. Его наказали за то, что он довел королевскую дочку до слез. А если наказание кончится для него смертью или пытками, ее дочка не будет плакать?

Капризностью эта особа пошла в мать. Ревнивостью – тоже. Если она превратилась в чудовище с собственническими замашками, мамино воспитание не прошло даром.

Неужели десять лет назад он был настолько глуп, что не увидел последствий? Получается, что так. Он лишил королевскую дочку невинности и принес ей клятву верности, сделав это еще до помолвки и став возлюбленным дочери Речной Королевы. Будущим принцем.

Долбаный кошмар.

Поскольку за эти десять лет его не поперли со службы и даже повысили, потенциальная теща так и не знала, как с ним быть. А может, дочка хлопотала за него, уберегая от бед. Посему ее нельзя злить и превращать во врага. Эта мысль удерживала Тариона от интрижек, а его член – в штанах. Одно дело красоваться на камне, но плавников он не распускал.

Он покорно сносил наказания от королевы, какими бы несправедливыми, незаслуженными и опасными они ни были.

– Ничего не вижу, – призналась оборотень, пытаясь отрегулировать резкость.

– Продолжать движение. Просканировать каждый дюйм внутри одномильного периметра.

Тарион не собирался возвращаться к королеве с пустыми руками.

– Мы застрянем здесь надолго, – проворчала капитан.

Тарион лишь удобнее устроился на стуле, мельком взглянув на первого помощника, который примостился под навесом и вжался спиной в стену рубки.

Они знали, что ждет их в здешних водах, какие штормы бушуют здесь в это время года. Если первый помощник устанет от ветра и дождя, пусть ныряет в воду.

Ужасов здесь хватало, и акула была бы наименьшим из них.

Спустя три с половиной часа Тарион поднял руку:

– Возвращайся вправо. Нет... Вон туда. Можешь приблизиться?

Глубоководный аппарат двигался мимо мест выхода подземных газов, заставляющих воду бурлить, мимо сгустков ила, камней и странных обитателей морского дна. Но там, куда указывала рука Тариона, среди красно-белых моллюсков... виднелось что-то квадратное.

Такое могли сделать только руки людей или ваниров.

– Поглоти меня Хел, – пробормотала капитан, наклоняясь к экрану. Отсветы падали на ее вытянутое лицо. – Это же свинцовые болванки.

Тарион подавил дрожь. Речная королева была права. До мелочей.

– Обогни их.

Но... Цепи, тянущиеся по дну, ничего не удерживали.

– Тела, которое ты ищешь, нет, – заметила Тариону капитан. – либо его съели обитатели дна, либо оно разорвалось, не выдержав давления.

Глядя на цепи, Тарион кивнул. Но его взгляд зацепился еще кое за что.

Он оглянулся на капитана – не заметила ли она некую странность. Лицо оборотня не выражало признаков удивления. Тарион промолчал и распорядился поднять аппарат на поверхность, чем и занялся первый помощник.

Через два часа, уже на суше, насквозь промокший от дождя и забрызганный грязью, Тарион дождался, когда зубы перестанут стучать, и позвонил королеве.

Речная Королева ответила сразу:

– Докладывай.

Привыкший к ее тихому, хотя и грубоватому голосу, Тарион доложил:

– Я нашел свинцовые болванки с прикрепленными к ним цепями.

– Дальше.

– Тела на дне не было. – Тарион услышал разочарованный вздох и вздрогнул, не только от холода. – Но кандалы оказались разомкнутыми.

Возникла пауза. Тарион научился распознавать паузы своей повелительницы, по разнообразию не уступавшие жизни в реке.

– Ты в этом уверен?

Он не стал спрашивать, почему водные течения не сообщили ей столь важную подробность. Возможно, они были столь же капризны, как и сама королева.

– Следов повреждения не обнаружено, – продолжал Тарион. – Во всяком случае, я их не увидел на дрянном экране этого суденышка.

– Думаешь, Зофи Ренаст сумела освободиться?

– Не знаю. – Тарион забрался в черный внедорожник и включил обогреватель на полную мощность. Его дальнейший путь лежал на север Пангеры, к небольшому частному аэродрому. Ехать туда около часа, и он успеет согреться. – Но я уверен, как Хел, что она вообще не опускалась на дно.

Тарион покатил по раскисшему проселку. Из-под колес летела грязь. Мягко шелестели стеклоочистители.

– Либо нас кто-то опередил, либо... Зофи жива, – сказала королева. – Странно, что вода не сообщила мне об этом. Как будто воду заставили молчать.

Тарион уже знал, чем кончится этот разговор.

– Разыщи ее, – приказала Речная Королева. – Держу пари на свой двор, что она ищет брата. Зофи крупно рисковала, освобождая его из Каваллы. Море нашептало, что дарованиями он не уступает сестре. Найди мальчишку, и мы найдем ее. И наоборот. Но даже если мы найдем только мальчика... он нам очень пригодится.

Тарион не осмелился спросить, зачем королеве понадобились Зофи и ее брат. Допустим, взрослая Зофи еще может представлять какой-то интерес, но ребенок... Да, Эмиль Ренаст обладал таким же даром, как и сестра. Могущественным даром. Но мальчишке всего тринадцать. Он даже еще не совершил Нырок. А насколько Тариону было известно, его королева не превращала детей в солдат. Однако русалу не оставалось иного, как сказать:

– Я незамедлительно начну поиски.

6

Брайс рылась в шкафчике под раковиной. На пол летели пластиковые флаконы со средствами для волос, засохшие косметические палетки, сломанные фены. Ну куда же она засунула эту штуку?

Вот. Брайс вытащила белую сумочку с аптечкой первой помощи. Сиринкс затанцевал вокруг нее, будто сам нашел искомое. На редкость самоуверенный химер с золотистым мехом.

Брайс уселась на пол. Сиринкс тут же прыгнул ей на колени. Расстегнув молнию, Брайс принялась вытаскивать содержимое аптечки: антисептические мази, бинты и флакончик с болеутоляющим средством.

– Эта штука не портится годами, правда? – спросила она, косясь на химера.

Сиринкс поморщился и запыхтел, словно говоря: «Такое не по моей части».

Брайс почесала ему подбородок и вернулась в гостиную. Хант сидел на корточках перед Итаном, которого они уложили на кофейный столик. Лицо Итана... Плавающий Солас!

Он находился в сознании и даже говорил. Брайс надеялась, что он не слышал их с Хантом спор о том, куда положить избитого. Хант хотел устроить его на диване, однако Брайс взвилась и закричала, что тогда с белыми диванными подушками можно попрощаться. И Итана положили на кофейный столик.

Хант с Итаном говорили почти шепотом, а при ее появлении умолкли. Брайс казалось, что воздух вокруг ангела трещит от молний, хотя самих молний она не видела. Или это присутствие Ханта проделывало фокусы с ее ощущениями.

– Вот, нашла. – Брайс помахала аптечкой.

– Это... это не так скверно, как кажется, – пробурчал Итан.

– Ты только шевельнул губами, и у тебя снова пошла кровь, – ответила Брайс.

Аптечку она поставила на соседний столик и достала оттуда стерильные салфетки. Итана она не видела с самой весны. И ни разу не говорила с ним по телефону.

Брайс взмахнула рукой над распухшим, окровавленным лицом, потерявшим всякое сходство с обаятельным лицом прежнего Итана, столь хорошо знакомым ей.

– Даже не знаю, с какой стороны подступиться к этому... хаосу, – призналась она, имея в виду не только лицо.

– Я тоже, – пробормотал Итан и зашипел, когда Брайс приложила салфетку к рассеченной брови. Он сдвинул голову. – Бровь заживет. Рана уже затягивается.

– Думаю, без когтей тут не обошлось, – сказал Хант, стоя со скрещенными руками.

Сиринкс прыгнул на диван, трижды покрутился и затих, свернувшись калачиком.

Итан молчал. Брайс снова потянулась к его ране, но он отстранился, морщась от боли.

– Итан, а как вообще ты здесь очутился? – спросил Хант.

Голос ангела был похож на хруст щебенки.

Взгляд Итана переместился на Брайс. Один его карий глаз заплыл, во втором пылал гнев.

– Я не просил их тащить меня сюда. Перри... омега моей стаи... Это она.

Брайс смутно помнила девицу с каштановыми волосами. Перри... Равенскрофт. Младшая сестра Амелии.

– Она тебе помогла?

Итан хрипло рассмеялся и сразу же поморщился от боли. Должно быть, ребра...

Брайс задрала серую окровавленную футболку Итана, обнажив до неприличия рельефную брюшную мускулатуру.

– Итан, как же они тебя...

– Заживет, – ответил он, вновь опуская край футболки.

– Похоже, у нашего гостя сломаны ребра, – невозмутимо заметил Хант.

– Ты попал в точку, Аталар. – Брайс уселась на корточки. – И сломанная рука, иначе Итан не баюкал бы ее.

– Перелом черепа зажил, – констатировал Хант все с той же отрешенностью, словно они с Брайс смотрели его любимый ванирский детективный сериал.

Глаза Итана снова вспыхнули.

– Я чувствую враждебность и изрядную долю мужской гордости, – сказала Брайс.

– Добавь к этому немного упрямства, и я скажу, что мы вляпались в классически дурацкую историю, – ответил Хант.

– Что у вас за шизованные словечки? – не выдержал Итан.

Брайс улыбнулась Ханту. Все мысли о навязанном женихе, ее настоящем отце и астериях исчезли при виде лукавства, сверкающего в глазах ангела. Но стоило ей взглянуть на Итана, и улыбка пропала.

– Обещаю: я быстренько промою и смажу твои раны, а потом ты свободен.

– Не торопись. Мне некуда идти.

Хант замер:

– Амелия вышвырнула тебя из отряда?

– Сабина вышвырнула меня из стаи! – прорычал Итан. – Она, Амелия и другие... Результаты налицо.

– Почему? – оторопело спросила Брайс.

– А ты как думаешь – почему?

Брайс покачала головой, чувствуя нарастающее отвращение к поступку Сабины и остальных.

– Ты знаешь, как действует Сабина... Недели две, а может, три назад ко мне в баре пристал какой-то журналист. Начал расспрашивать о весеннем нападении демонов. Ну, я и рас-

сказал... правду. О том, как я тебе помог. Сегодня утром вышла статья. Восторга у Сабины она не вызвала.

– Совсем? – усмехнулся Хант.

У Итана дрогнул исцарапанный кадык.

– Я не стану повторять весь ее словесный понос. Поберегу твои уши.

Брайс удержалась от желания вытащить телефон и найти статью. Следом пришла мысль: зачем? Это никак не изменит случившееся.

– Вообще-то, Сабина входит в правительство города. У нее нет других дел, чтобы тратить время на какие-то статьи?

– Волки не говорят гадостей о других волках.

– Но ты же сказал, – возразил Хант.

– И Сабина тоже, – печально выдохнул Итан и устало посмотрел на Брайс. – Предводитель назвал тебя волчицей. Я посчитал это хорошим знаком. Я... Сабине это пришлось не по вкусу. И статья тоже. Я же отклонился от удобной ей версии событий. Вот меня и прогнали.

Брайс выдохнула.

– А почему ты оказался здесь? – спросил Хант.

Итан поморщился от боли.

– Перри вспомнила, что мы с Брайс когда-то дружили. – Он попытался встать и тут же рухнул на столик. – Дай мне немного времени. Я отлежусь и уйду.

– Ты останешься здесь, – сказала Брайс.

Честно говоря, ей меньше всего хотелось оставлять Итана у себя. Особенно сейчас, когда она еще не позвонила матери и не убедила ту уехать из города пораньше. Боги, если Эмбер узнает, что Итан здесь, она никуда не поедет. Она любила Итана, как сына. Брайс прогнала эту мысль.

– Тебе еще повезло, что Сабина тебя не убила.

– Она очень хотела, – с горечью сообщил Итан. – Но моя жизнь не стоила всей головной боли с законом, которая бы обрушилась на нее.

Брайс сглотнула. Когда-то младший брат Коннора был ее лучшим другом. Разумеется, после Даники. Потом уже шли Фьюри и Юна. Боги, сколько сообщений они с Итаном написали друг другу за те годы? Сколькими подростковыми шуточками обменялись? А на скольких матчах по солнечному мячу она вскакивала с места и орала во всю мощь легких, поддерживая его?

Итан, лежащий на столике, был для нее чужим.

– Мне надо двигать, – напряженно произнес Итан.

Похоже, и он помнил, чем кончилась их дружба. Это читалось на его лице.

– Лежи-ка лучше, – сказал Хант. – Ты даже ходить не можешь.

– Ладно, – согласился Итан. – Одну ночь.

В его словах и облике сквозило отчаяние.

Брайс сдавило грудь. Стремясь сбросить напряжение, она достала телефон.

– Так, – сказала она, взглянув на время. Почти полночь. Родители если не легли, то уже ложатся. – Мне надо позвонить.

Вид окровавленного Итана не лучшим образом действовал на Ханта. Чтобы чем-то себя занять, ангел решил приготовить чашку кофе без кофеина. Из коридора, где Брайс вела разговор с родителями, доносились обрывки фраз.

«В следующий раз мы запланируем длинные выходные. Может, даже приедем с Хантом к вам. Думаю, он с удовольствием наконец-то побывает в Нидаросе».

Губы Ханта дрогнули в усмешке. Привезти его в дом ее родителей? И не важно, что Брайс на голубом глазу врала матери.

Кофемашина просигналила о готовности. Следом послышались завершающие фразы телефонного разговора Брайс:

– Я подойду в отель к шести часам... Да... Ничего, что рано, я выплусь... Хорошо. Люблю вас. Пока.

Хант дул на горячий кофе. Брайс вернулась в гостиную.

– Все в порядке?

– Если не брать в расчет, что спать мне осталось всего ничего, то да. – Брайс положила мобильник на кухонный стол. – Билеты уже поменяли.

Она взглянула на Итана. Тот лежал с закрытыми глазами, однако Хант не сомневался, что волк все слышит.

– Укладываемся спать, – объявила Брайс.

– Мне хватит дивана в гостиной, – прохрипел Итан.

Хант был склонен согласиться с ним, но Брайс сказала:

– Нет. Ляжешь в моей комнате. Не хочу, чтобы ты заляпал кровью мой чудесный белый диван.

– На диване лягу я, – напряженно произнес Хант. – Холстром, можешь спать в моей комнате.

– Ничего подобного, – возразила Брайс. – Будет спать у меня. Кровать широкая.

– Тогда сама ложись на диване, а кровать уступи Холstromу, – немедленно отреагировал Хант.

– С моей несчастной спиной? – Раньше чем Хант успел спросить, откуда у нее взялись проблемы со спиной, Брайс сказала: – Я устала и не хочу спорить. Дискуссия окончена.

Итан приоткрыл глаз. Хант едва удержался, чтобы не зарычать от досады.

Через пятнадцать минут Хант уже лежал в своей постели, скрипел зубами и глядел в потолок. Рядом в качестве «утешительного приза» храпел Сиринкс.

Все прекрасно. Долбически прекрасно: Итан Холстром делит с Брайс кровать.

Прекрасно, как на самом дне Хела. Даже прекраснее.

«Это твоя кровать», – гневно напоминала ему кровь. Даже если между ними несколько месяцев не было интимной близости. Его кровать, его Брайс, которая вышла из ванной в спальнях шортах и выцветшей поношенной футболке, пурпурная ткань которой слишком тонка и не скрывает выпирающих сосков. К счастью, глаза Холstromа сейчас не в том состоянии, чтобы пялиться на нее. Это вообще не имеет значения. Хант доверял Брайс. Точно знал, чего... и кого она хочет.

Но... не важно, что во время весенней атаки Холstrom пришел Брайс на помощь. И дурацкая статья тоже ни при чем. Два года назад Итан отвратительно повел себя по отношению к Брайс и не обуздал Амелию, когда та сорвалась с цепи и начала упрекать ее в гибели Коннора.

Если отбросить вопрос доверия или недоверия... он малость ревнует. Холstrom-младший, пока стая не отделала его, был вполне симпатичным парнем. Звездой команды солнечного мяча в университете Города Полумесяца. Хант вспомнил, как смотрел несколько матчей с его участием в казарменной комнате отдыха Тридцать третьего легиона, восхищаясь скоростью и проворством Итана. После гибели брата парень оставил спорт, но и сейчас еще находился в очень приличной форме.

«Ты просто ревнивый идиот», – мысленно сказал себе Хант. Холstrom в постели Брайс волновал его больше, чем придурок Кормак, вознамерившийся на ней жениться.

Еще какое-то время помаявшись ненавистью к себе, Хант взял с тумбочки телефон и ввел в поисковик: «Итан Холstrom*Сабина Фендир*Брайс Куинлан».

На экране мобильного мигом появилась статья.

Хант пролистал ее. Журналист привел обе точки зрения. Читая высказывания Сабины, Хант следил за дыханием, чтобы не взмыть в небо и не растерзать неофициальную предводительницу волков на куски.

«Брайс Куинлан – не более чем избалованная тусовщица, шляющаяся по сборищам, которой повезло оказаться в момент атаки в нужном месте. Невинных горожан спасла не она, а мои волки. Она же не более чем жалкая искательница славы». Хант до боли стиснул челюсти. В самом конце статьи он нашел слова Итана, так взбесившие Сабину.

«Только благодаря Брайс волки появились на Лугах Асфоделя. Она запросила помощи и держала оборону, пока не подошло подкрепление. Она спасла наш город. По моему мнению, она – настоящая героиня, и пусть никто не пытается уверить вас в обратном. Особенно тех из вас, кто в момент атаки находился вне города».

Что ж, Хант не винил Сабину во вспышке ярости. Правда причиняет боль.

Хант вздохнул и уже собирался вернуть телефон на тумбочку, когда от Исайи пришло сообщение: «Твои соображения???»

Он знал, что Исайя спрашивает о назначении Селистены. «Пока слишком рано говорить, – ответил Хант. – И питать надежды тоже».

Исайя ответил мгновенно: «Она прибудет завтра к пяти часам вечера. Хант, постарайся быть учтивым. Она – не Микай».

Хант ответил смайликом с изображением больших пальцев, поднятых вверх. Теперь можно и спать, но сон к нему не шел.

Брайс смотрела в потолок спальни, прислушиваясь к хриплому, натужному дыханию Итана.

Мать с отцом купились на ее вранье, как говорится, с потрохами. Пусть ей придется встать в четыре часа, но маневр стоил такой жертвы. Новости о ее помолвке еще нигде не просочились. Оставалось лишь молить богов, чтобы родители спокойно покинули город.

Итан слегка повернулся. В ночной тишине шелест простыней показался ей слишком громким. Странно, что он лежал рядом; странно, что ее ноздри полны его запахом, таким схожим с запахом Коннора.

– Я бы прекрасно мог спать на диване, – слышался в темноте голос Итана.

– Я не доверяю Аталару. Еще придушит тебя подушкой.

– Он имеет на меня зуб? – невесело засмеялся Итан.

– Еще какой.

И вновь стало тихо. Тишина была глухой и гнетущей. Нет уж, пусть Итан лежит здесь, у нее на виду. Так проще. Невзирая на охранительные заклинания, которыми была окружена квартира, она не хотела оставлять Итана без присмотра. Вдруг Сабина с Амелией решат его прикончить, не побоявшись всей последующей судебной канители? Одного Холстрома она уже потеряла.

– Даника снабдила меня ключами от этой квартиры, – пояснил Итан. – Накануне... тех событий. Даже водила сюда, показывала. Хотела, чтобы я поохал и поахал. Это ответ, как я сюда попал.

– Понятно.

При упоминании Даники у нее сдавило горло.

– Это правда, что Даника помогла тебе совершить Нырок?

Поскольку ворота транслировали ее голос во все части города, горожане знали, что Даника Фендир чем-то помогла Брайс с Нырком, однако подробностей никто не знал, и это давало простор слухам.

– Да, – ответила Брайс. – Она... была моим якорем.

– Я и не знал, что такое возможно.

– Я тоже не знала.

Его дыхание замерло.

– Я... – начала Брайс. – Итан, когда по время Поиска я видела Данику, она мне рассказала, что остальные: Коннор, Натали и вся Стая Дьяволов... сдерживали жнецов, давая ей возможность побыть со мной. Получается, они тоже меня спасли. Коннор меня спас.

Итан надолго умолк. Когда они с ним в последний раз говорили так? Тихо, спокойно, без язвительности, пронизывающей каждое слово?

– Он любил тебя больше, чем кого-либо, – сказал Итан.

У Брайс зашлось сердце.

– Ошибаешься. Это тебя он любил больше, чем кого-либо.

– Он думал, что ты станешь его истинной парой.

Брайс зажмурилась. Слова Итана были сродни удару ногой в живот.

– В волчьем понимании этого слова?

– А какое еще понимание могло быть? Конечно в волчьем.

Существовало несколько толкований слов «истинная пара», хотя для Итана – волка-оборотня – правильным было только одно. Так называли настоящего возлюбленного или возлюбленную, предназначенных самой Урдой.

Схожее понятие существовало и у фэйцев. Узы истинной пары были крепче брачных. Связанные такими узами не могли управлять ими по своему усмотрению. Ангелы, насколько она знала, легче относились к понятию истинной пары; для них оно было сродни браку. У ангелов истинные пары даже составлялись для рождения желаемого потомства. Совсем как у животных в зоопарке.

Но для Коннора, если он считал Брайс своей истинной парой... Ей снова свело живот.

– Ты любила его? – шепотом спросил Итан.

– Сам знаешь, что любила, – хрипло ответила Брайс.

– Мы понапрасну тратим уйму времени. Возможно, это проклятие бессмертных – воспринимать время как доступную роскошь, неиссякаемый океан... Я столько времени растратил зря, – со вздохом признался Итан.

Брайс не понимала, к чему именно относятся его слова.

– Очень поэтичное признание, – сказала она.

Итан тихо засмеялся. И снова тишина, нарушаемая едва слышимым гудением кондиционера.

– Почему ты перестал играть в солнечный мяч? – спросила Брайс.

Она почувствовала, как Итан напрягся. Он даже заерзал по матрасу.

– Потому что это глупая игра, – ответил он и со стоном повернулся на бок.

Брайс не знала, как ему ответить. И потому просто закрыла глаза и, водя пальцем по шраму на груди, попросила Луну послать ей тяжелый сон без сновидений.

7

– Это какая-то дерьмовщина. – Рунн расхаживал по узорчатым коврам отцовского кабинета. Напольные часы в углу пробили два часа ночи. – Ты и сам знаешь, что это полнейшая и отвратительнейшая дерьмовщина.

Король Осени, восседавший в малиново-красном кожаном кресле у погасшего камина, молчал. Днем и вечером его кабинет был полон звуков: что-то кипело, шипело и бурлило, свидетельствуя о его пустых и бессмысленных экспериментах, которыми он неустанно занимался на протяжении многих лет. Сейчас в кабинете царила тишина, если не считать негромкого ровного гудения.

– В чем дело, братец? – усмехнулся Кормак. – Обуяли собственнические чувства по поводу сестры?

Он стоял, прислонившись к черной мраморной каминной доске. Белый свитер плотно облегал его мускулистую грудь. Золотистые волосы были тщательно расчесаны.

Поганец.

Пропустив издевательский вопрос Кормака мимо ушей, Рунн сказал отцу:

– Мы живем в современном городе. В современную эпоху. Здесь десятки юристов с неограниченными возможностями оспорить посягательство на свободу Брайс. Да и суды охотно ухватятся за новую возможность поднять вопрос о защите прав фэйских женщин.

– Брайс добровольно пойдет к брачному алтарю, – сказал отец. – И ты тоже.

Уголки рта Кормака изогнулись.

– Слышал, ты помолвлен с Гипаксией Энадор. Мои поздравления.

Рунн хмуро покосился на него. Кормак смерил двоюродного брата взглядом и продолжал:

– Конечно, брак неординарный, учитывая семью твоей невесты и ее родословную.

Рунн замер:

– Вижу, ты нарыл грязи на Гипаксию. Давай вываливай.

– Он что, не знает? – спросил у Короля Осени Кормак.

Отец, сидящий со скучающим видом, ответил:

– Мне это показалось излишним. Мой приказ – закон.

– Так чего я не знаю? – спросил Рунн, глядя то на отца, то на Кормака.

Лицо короля презрительно поморщилось, словно его разочаровало, что Рунн не выяснил этого сам.

– У покойной королевы Гекубы были две дочери от разных отцов. Отцом Гипаксии, как впоследствии выяснил ковен Гекубы, был могущественный некромант из Дома Пламени и Тени. Похоже, помимо материнских дарований, Гипаксия унаследовала и отцовские.

Рунн оторопело заморгал. Значит, Гипаксия способна воскрешать мертвых и общаться с ними. Хорошо. Это он как-нибудь переживет.

– Круто.

Над волосами и плечами отца плясали языки пламени.

– Отцом ее старшей сестры был оборотень, превращающийся в оленя.

– И что?

– Сводная сестра Гипаксии более известна под прозвищем Лань, – усмехнулся Кормак.

Рунн вытаращил глаза. Как он раньше не узнал об этом?

– Она не унаследовала никаких ведьминских даров, и ее передали отцовской родне, – продолжал Кормак. – После смерти Гекубы корона, естественно, досталась Гипаксии. Но с тех пор как твоя невеста стала королевой ведьм, вопрос ее некромантических способностей стал для них... очень щекотливым.

– Это не касается содержания нашего разговора, – сказал отец. – Рунн женится на ней, а некромантия и наличие одиозной сестры – дело десятое.

– Мой отец счел происхождение Гипаксии источником проблем, – сообщил Кормак.

– В таком случае хорошо, что твой отец на ней не женится, – отрезал Король Осени.

Кормак заткнулся. Рунн наградил его довольной улыбкой.

– Рунн женится на Гипаксии, а Брайс Куинлан выйдет за тебя, принц Кормак. И больше никаких дебатов на эту тему.

– А ты не забыл, что Брайс и Аталар живут вместе? – спросил Рунн. – Попробуй вклиниться между ними, и тебе напомнят, почему его называют Умброй Мортисом.

– Согласно последним донесениям моих шпионов, на ней по-прежнему нет его запаха. Из этого я делаю вывод, что они не вступили в брачные отношения.

Сам разговор с отцом об этом был для Рунна тошнотворен.

– В один прекрасный день она станет королевой Аваллена, – вмешался Кормак. – Надо быть душой, чтобы променять это на какого-то ублюдочного ангела.

– Ты Брайс не нужен, зато она тебе очень нужна, – бросил ему Рунн. – И ты прекрасно знаешь почему. Потому что она – Звезднорожденная.

Король Осени сверкнул зубами:

– Если Брайс хотела оставаться свободной от обязательств нашего дома, не надо было направо и налево демонстрировать свою силу.

– Так вот в чем дело? – По венам Рунна заструился огонь. – Испугался за свою репутацию? Не вынес, что ее сила превосходит твою? Решил поставить ее на место?

– Ты заблуждаешься, – злое улыбку Кормак. – Для меня женитьба на твоей сестре – это шаг вниз. Многие в моем окружении сочтут этот союз порочающим меня.

– Выбирай выражения, – предупредил его Король Осени, в чьих глазах цвета виски вспыхнул неподдельный гнев. – Независимо от ее человеческой родословной Брайс – наследница Звезднорожденных. В большей степени, чем мой сын. – Король презрительно посмотрел на Рунна. – Тысячи лет мы не видели звездного света такой силы. Я очень серьезно отношусь к ее дальнейшим действиям в Аваллене.

– Какая долбаная выгода для тебя во всем этом? – выкрикнул Рунн, чувствуя поднимающуюся желчь.

– Твоя сестра ценна для меня одним – способностью к деторождению. Оба наших королевских дома выиграют от этого союза. Он будет способствовать дальнейшему сближению наших народов и укреплению союза.

– Против кого?

Никак все вокруг спятили?

– Против ослабления магических способностей в королевском роду, – сказал Кормак. – Последние поколения это наглядно показали.

Рукой, обрамленной языками пламени, авалленский принц махнул в сторону Рунна и его теней.

– А иди ты, – прошипел Рунн. – Не касается ли это войны на Пангере? Или мятежников?

До него доходили слухи, что Офион недавно потопил на севере четыре подводные лодки класса «омега». Четыре. Должно быть, заваруха в тех краях набирает обороты. Отец намекал на это поздней весной, объявляя о помолвке Рунна. Король тогда говорил, что грядет война и нужно крепить союзнические отношения.

– Это касается укрепления позиций фэйцев, сохранение нашей власти и прав, принадлежащих нам от рождения, – сказал отец. Слушая ледяной голос Короля Осени, никто бы не поверил, что в его крови полыхает безжалостное пламя. – И потомство твоей сестры от Кормака будет весьма способствовать решению этой задачи.

Кормак одобрительно хмыкнул и погасил свои огоньки.

– Еще раз прошу, не приплетайте Брайс к вашим затеям, – потребовал Рунн. – У нас что, мало особ королевской крови, способных наплодить потомства?

– Не помню, чтобы ты, Рунн, так много скулил, – усмехнулся Кормак.

– До или после того, как ты попытался меня убить? Или когда ты вогнал меч в живот Дека?

Глаза Кормака вспыхнули, как раздутые угли.

– Просто хотел проверить, на что вы способны. – Оттолкнувшись от каминной доски, авалленский принц двинулся к закрытым дверям. – Сам знаешь, у Звезднорожденных приняты родственные браки. Брат женится на сестре, тетка выходит за племянника и так далее. И все ради сохранения чистоты крови. Раз уж ты так серьезно озабочен тем, кто делит постель с Брайс, взял бы и возродил с нею древнюю традицию.

– Убирайся в Хел! – прорычал Рунн.

Вокруг его пальцев клубились тени, щупальца которых были готовы сомкнуться вокруг шеи авалленского принца.

– Можешь бунтовать сколько угодно, но ты, Рунн Данаан, такой же наследный принц, как и я. Наши судьбы одинаковы. Но я знаю, кто из нас поднимется навстречу судьбе.

С этими словами Кормак ушел.

«Наши судьбы одинаковы». Кормак имел в виду, что они оба станут королями, однако Рунн знал: его судьба куда сложнее.

«Ваш королевский род прервется на тебе, принц». От слов Оракула, промелькнувших в мозгу, все внутри его сжалось. Возможно, он не доживет до коронации. У Рунна похолодела кровь. И не Кормак ли станет причиной, устроив какой-нибудь переворот?

Прогнав тяжелые мысли, Рунн повернулся к отцу и спросил:

– Зачем ты это делаешь?

– Сам твой вопрос показывает, что ты не являешься моим настоящим сыном.

Слова отца прожгли Рунна насквозь. Казалось бы, уже ничто не должно его будоражить. Он вытерпел всевозможные отцовские издевательства. Татуировки на руках Рунна делались не для красоты, а чтобы скрыть шрамы, оставленные отцовским «воспитанием». Но слова... они по-прежнему ранили.

Нет, этого старый придурок не увидит. Такого Рунн ни за что ему не покажет.

– Ты, видно, думаешь, что Кормак, женившись на Брайс, станет для тебя настоящим сыном.

Губы короля изогнулись в усмешке, глаза стали мертвыми, как Яма Хела.

– В Кормаке я всегда видел сына, какой должен был бы родиться у меня. Но судьба навязала мне на шею совсем другого.

8

– У тебя сегодня знаменательный день?

Услышав вопрос Брайс, Хант перестал смотреть на кофемашину, размалывающую зерна. Ему хотелось, чтобы гудение мельничных жерновов унесло с собой мысли, бурлящие в голове. Брайс стояла, прислонясь к белой мраморной столешнице, облаченная в легинсы и старую футболку.

– Дружелюбный Придурок собирается на службу, – отсалютовал Хант, сложив серые крылья.

Брайс усмехнулась.

– Как прошла операция по отправке родителей? – спросил он.

Он даже не проснулся, когда Брайс ушла их провожать.

– Операция прошла отлично. – Брайс смахнула с плеча воображаемую пылинку. – О помолвке вообще ни гугу. Думаю, Рандалл что-то заподозрил, но он всегда мне подыгрывает.

– Ставлю пять золотых марок, что твоя мамочка еще по полудня позвонит и начнет вопить.

Улыбка Брайс была ярче утреннего солнца, светящего в окна.

– Пари принято. – Она наклонила голову, осматривая повседневную форму – боевое облачение Тридцать третьего легиона. – Ты бы видел, какое праздничное убранство соорудили за ночь. Город жаждет встретить Селистену и не жалеет денег на всю эту мишуру. Баннеры, цветы, сверкающие улицы даже возле Старой Площади. Ни одного пьянчуги и ни капли блевотины.

– Назначение нового губернатора – это и впрямь событие, – ответил Хант, пока не зная, куда клонит Брайс.

– Ага, – согласилась Брайс и непринужденно спросила: – Хочешь, я пойду с тобой? Вот так. У него потеплело в груди.

– Нет, Куинлан, меня не надо водить за ручку. Но спасибо за предложение.

Глаза Брайс вспыхнули, показывая истинно фэйского хищника, затаившегося внутри.

– Не забывай, Хант, как мы обошлись с прежними архангелами, – тихо сказала она. В этих словах не было ничего нового. Новой была первозданная сила, ощущавшаяся за ними. – Если Селистена сделает какую-нибудь пакость, мыотреагируем соответствующим образом.

– Крови жаждешь, Куинлан?

Она не улыбнулась:

– Ты хоть и пойдешь один, но я буду рядом. На расстоянии звонка.

У него защемило в груди. А ведь она это делает – поддержит его, если дело дойдет до противостояния с архангелицей.

– Принято к сведению, – пробормотал Хант и покосился в сторону ее комнаты. – Как наш гость?

– Утром выглядел получше, но сломанные ребра еще не зажили. Когда я уходила, он дрых без задних ног.

– И каков план? – спросил Хант, стараясь выдерживать нейтральный тон.

Спал он отвратительно и просыпался от каждого шороха. Зато Брайс выглядела свежей, словно и не было раннего подъема.

– Итан может оставаться здесь сколько захочет, – без обиняков сказала она. – Я не намерена отдавать его Сабине на растерзание.

– Рад слышать, – сказал Итан, неожиданно появившись за спиной Брайс.

Так неожиданно, что даже Хант вздрогнул.

Парень подкрался к ним совершенно бесшумно. Он и в самом деле выглядел получше. В золотисто-каштановых волосах еще темнела запекшаяся кровь, но припухлость вокруг глаз исчезла. Осталось лишь несколько пурпурных полосок. Большинство царапин тоже зажили; исключение составляла глубоко рассеченная бровь. На это уйдет еще день-другой.

– Кофе готовите? – Итан кивнул в сторону пофыркивающей кофемашины.

Хант налил три чашки. Первую протянул Куинлан:

– Капелька кофе в чашке молока. Как ты любишь.

– Придурок, – усмехнулась она, покачав кружкой. – Не знаю, как ты хлещешь крепчайший кофе.

– Потому что я большой мальчик.

Вторую кружку Хант передал Итану. Крупные руки волка обхватили белую керамическую кружку с надписью: «Я пережила выпускную недельку в 15 032 году, а получила всего-навсего эту дурацкую кружку!»

– Я помню эту кружку, – сказал Итан, и у него дрогнули губы.

Хант настороженно умолк, а Брайс тихо засмеялась:

– Странно, что помнишь, учитывая, насколько ты тогда был пьян. Милый малыш-первокурсник.

Итан усмехнулся. Хант отдаленно представил, как выглядел его симпатичный, амбициозный старший брат.

– Вы с Даникой заставили меня в десять утра делать стойку на бочке¹. Как я мог оставаться трезвым? – Волк отхлебнул кофе. – Последнее, что я помню из того дня... Вы с Даникой отрубились на койке, которую вытащили на самую середину двора.

---

¹ *Стойку на бочке* (Keg stand) автор позаимствовала из времяпрепровождения американской студенческой молодежи. Участник состязания делает стойку на руках на пивной бочке и старается выпить как можно больше пива из крана бочки. Другие поддерживают его за ноги, поскольку одновременно стоять на руках и пить – занятие не из легких. – *Здесь и далее примеч. перев.*

– А почему это твое последнее воспоминание? – с любопытством спросила Брайс.

– Потому что я отрубился вслед за вами. – Итан улыбнулся.

Брайс улыбнулась в ответ. Улыбка ее задела сердце Ханта; в ней ощущалась боль и радость, утрата и тоска, а также надежда. Но Брайс откашлялась и посмотрела на часы:

– Мне надо в душ и на работу, иначе опоздаю.

Она удалилась, покачивая бедрами.

Сиринок царапал Ханту ногу, требуя еду.

– И не мечтай, – прошипел химеру Хант. – Ты уже завтракал.

Возможно, дважды, если Брайс накормила его перед уходом, отправляясь провожать родителей. Сиринок поковылял к своей пустой стальной миске и заскулил. Хант сделал вид, что не слышит.

Он вдруг поймал на себе пристальный взгляд Итана.

– Что? – без какого-либо намека на учтивость спросил Хант.

– Ничего, – ответил Итан, делая очередной глоток.

Хант припал к кружке. Потом взглянул в сторону коридора, убедившись, что Брайс ушла к себе. Голос ангела превратился в негромкое рычание.

– Повторю то, что говорил тебе вчера: ты навлек беду на это жилище и на Брайс. Я с тобой разберусь.

– Я уже трясусь, Аталар, – усмехнулся Итан.

Хант не улыбнулся:

– Ты теперь любезничаешь с нею, потому что она принцесса? Из-за Рога Луны и наследия Звезднорожденной?

– Плевать мне на все это! – прорычал в ответ Итан, поморщившись.

– Тогда какого Хела ты решил защищать ее в той статье? Ты должен был представлять, как на этоотреагирует Сабина. Ты практически бросил Сабине вызов.

– Даника помогала Брайс во время Нырка. Мой брат и вся Стая Дьяволов помогали ей весной. Если у них не было злости на нее, с чего мне злиться?

– Значит, сам изменить отношение к ней ты не мог? Понадобилось разрешение от погибшего брата?

Итан зарычал так, что в шкафах зазвенела посуда:

– Сам знаешь: Брайс была моей лучшей подругой. Да, она дружила еще и с Даникой, а у меня, кроме нее, не было никого. Давно ли ты знаком с Брайс? Несколько месяцев. А мы с нею дружили пять лет. Так что нечего говорить обо мне, Конноре и о ней так, как будто ты что-то знаешь о нас. Ничего-то ты не знаешь, Умбра Мортис.

– Я знаю, что потом ты два года относился к ней как последний засранец. Помню, как Амелия Равенскрофт издевалась над нею, а ты стоял и смотрел. Слова поперек сказать этой суке боялся.

Итан оскалил зубы. В ответ Хант оскалил свои. К нему на колени прыгнул Сиринок и вновь начал клянчить еду. Ханту не оставалось иного, как сокрушенно засмеяться.

– Ладно, пусть у тебя пузо лопнет, – сказал он химеру и потянулся к контейнеру с гранулированным кормом.

Взгляд Итана следил за каждым его движением и жег, как клеймо. Такой же свирепый взгляд был у него во время матчей по солнечному мячу, которые транслировались по телевидению.

– Ты знаешь, все эти пять лет Коннор ее любил. – Волк прошел к дивану и устроился на подушках. – Пять лет, и только перед самой гибелью ему удалось добиться ее согласия на свидание.

Лицо Ханта оставалось непроницаемым. Сиринок уписывал свой второй или третий завтрак.

– И что?

Итан включил выпуск утренних новостей, вытянул ноги на кофейный столик и заложил руки за голову.

– Ты только на пятом месяце этого пути, братан. Удачи.

В Фэйском архиве было шумно от множества сотрудников и посетителей. Настолько шумно, что Брайс привыкла весь день не вынимать из ушей наушники. Даже здесь, закрыв дверь кабинетки на первом подземном этаже.

Нельзя сказать, чтобы ее особо донимал шум. Ни в одной библиотеке не бывает абсолютной тишины. Но громада атриума, заполненная теми, кто пришел работать, учиться или по какому-то делу, усиливала звуки, объединяя их в один общий гул. К этому добавлялось шарканье шагов, водопад, низвергавшийся с потолка в чашу фонтана, стук клавиатур, шелест перелистываемых страниц, приглушенные возгласы туристов, такие же приглушенные всплески смеха и щелчки фотокамер.

Это и доставало Брайс.

Нет больше ее одиноких дней в галерее, когда она запускала музыку на полную мощность и наслаждалась звуками, отражавшимися от всех углов выставочного зала.

И Лехабы тоже больше нет.

Нет нескончаемой болтовни про очередную серию «Страхов и трахов». Нет нытья огненной спрайты, жалующейся на невозможность выйти наружу, и ее монологов о жестокости Брайс.

Брайс смотрела на темный экран монитора на стеклянной столешнице. Она вытянула ногу, чтобы погладить Сирикса, однако под пальцами был только воздух. Химер остался дома – следить за Итаном.

Интересно, помнил ли Сирикс Лехабу?

После атаки на город Брайс несколько дней подряд ходила к Черному причалу, где совершался ритуал Отплытия. Она всматривалась в черные лодки, надеясь увидеть маленькую лодочку и понимая, что ничего не увидит.

От Лехабы ничего не осталось. Жизнь огненной спрайты оборвалась, как исчезает пламя задутой свечи. Это произошло, когда на нее обрушилось сто тысяч галлонов воды.

Брайс не раз мысленно возвращалась к гибели Лехабы. Обычно это происходило во время урока танцев у госпожи Кайры, когда она напрягалась и потела, выполняя требуемые движения. И всякий раз она приходила к одному и тому же выводу: ей было не по силам предотвратить смерть Лехабы.

Брайс это понимала и могла вполне разумно об этом говорить, однако... Мысли продолжали кружиться, словно танцуя вместе с нею: «Ты могла бы найти способ. Показала бы раньше свою магию Звезднорожденной. Велела бы Лехабе улететь и спрятаться, пока сама разбиралась с Микаем».

Она говорила об этом и с Хантом. И он отвечал: любые иные действия привели бы ее к собственной гибели, но... Брайс искала и не находила ответа на вопрос: почему жизнь Леле менее ценна, чем ее собственная? Ее титул Звезднорожденной принцессы ничего не значил. Уж если на то пошло, Леле была лучше, чем она, и десятки лет страдала в плену. Огненная спрайта должна была бы уцелеть и наслаждаться жизнью и свободой.

Брайс сняла трубку стационарного телефона, набрала номер. Джезиба ответила после третьего гудка:

– У тебя опять вопрос, Куинлан? Это уже третий за неделю.

– Меня попросили атрибутировать бюст Турра. Возраст скульптуры – девять тысяч лет. Доставлен из Родинии.

Задумчивое мужское лицо. Почти забытое второстепенное божество морских бурь. В их культуре о нем напоминала лишь громадная планета, названная в его честь. И еще название четвертого дня недели. Брайс успела заснять бюст и отправить снимок Ханту с надписью: «Брайс Куинлан представляет. Очаровательный альфа-придурок древности».

– Один музей заинтересован в его приобретении, но их настораживает, что прежний владелец фальсифицировал ряд документов, касающихся истории бюста. Администрация музея хочет убедиться в подлинности этой древности, прежде чем показывать зрителям. Вы, случайно, не знаете, с кем в Родинии можно было бы связаться на предмет верификации?

– Если я делаю твою работу, почему мне за это не платят?

Брайс скрипнула зубами.

– А разве мы не подруги?

– Мы... подруги?

– Вы мне так сказали.

Джезиба прыснула со смеху. Эта колдунья, в свое время порвавшая с кланом ведьм и принесяшая клятву верности Дому Пламени и Тени, до сих пор находилась в Лунатионе, однако Брайс вот уже несколько месяцев ее не видела. Последняя их встреча произошла в тот день, когда Джезиба застала Брайс копающейся в развалинах залитой водою галереи. Колдунья спровела ее, велев не возвращаться.

Все было сказано достаточно мягко, без угроз. «Галерея закрыта навсегда, а книги, которые ты ищешь, спрятаны там, где их никто не найдет». Как-то так.

– Наверное, я должна бы считать за честь называться подругой Звезднорожденной принцессы, дочери Короля Осени, – сказала Джезиба, сделав паузу; Брайс уже знала, какие слова последуют. – И будущей королевы Аваллена.

Брайс включила компьютер и машинально открыла первый попавшийся сайт.

– Кто вам рассказал?

– Если не забыла, у меня в услужении остаются несколько людей и фэйцев, которых я превратила в животных. Они рассказывают мне обо всем, что подслушали на улицах. Особенно крысы, что обитают в канализационных каналах и надеются однажды вернуть себе прежний облик.

Брайс не знала, считать ли это шуткой, или Джезиба говорит всерьез. Она снова вздохнула:

– Вряд ли у вас есть догадки насчет того, зачем Королю Осени вдруг понадобилось ломать мне жизнь.

Джезиба цокнула языком.

– Мужчины всегда пытались и будут пытаться контролировать женщин, которых боятся. Брак и деторождение – их лучшие способы контроля.

– Как бы мне ни льстила мысль о том, что отец меня боится, я в это не верю.

– А почему? Прошло несколько месяцев. Ты никак не распорядилась ни своей новой силой, ни титулом. Ни Рогом Луны на твоей спине. Он устал ждать. Не удивлюсь, если он это сделал лишь из желания узнать, как ты отреагируешь.

– Возможно, – буркнула Брайс.

Оторвав квадратик бумаги для заметок, она нарисовала сердечко, написав внутри: «БК + ХА».

– И как ты собираешься действовать? – спросила Джезиба, словно ее это по-настоящему интересовало.

– Может, лучше делать вид, что ничего не случилось, пока это меня не допечет?

Джезиба снова усмехнулась:

– Когда я узнала, что ты – Звезднорожденная, я встревожилась. Я пересмотрела многих, кто подпадал под чары избранности. Возможно, у вас с братом больше общего, чем я думала.

– Мне считать это комплиментом?

– Можешь считать. Рунн Данаан – один из немногих, которому хватило силы наплевать на свой титул и положение. – (Брайс хмыкнула.) – Ты ведь тоже не собираешься что-то делать со всем этим? – почти шепотом спросила Джезиба. – Со своим талантом. Или с Рогом.

– Уж только не с Рогом. Похоже, главная ценность меня как Звезднорожденной заключается в потенциальной способности продолжить королевский род. – Брайс выпрямилась, вертя в руке карандаш. – И что хорошего в умении ослеплять противников? Конечно, этому можно найти применение, но на свете хватает более смертоносных видов оружия.

Например, молнии Ханта.

– Ты убила архангела, когда не имела доступа к твоей нынешней силе. Представляю, Куинлан, какие чудеса ты могла бы творить сейчас.

Брайс оцепенела, удивляясь, как Джезиба столь открыто говорит об этом по линии, которая наверняка прослушивается. Она не знала, куда колдунья спрятала Убийцу Богов. Честно говоря, ей не хотелось снова увидеть ту винтовку.

Зная, что рядом с ее подземным кабинетом нет никого, Брайс все равно понизила голос:

– Астерии приказали мне залечь на дно и не высовываться. Никогда.

– Представляю, какая это жуткая скукотень – подчиняться их приказам.

Брайс открыла рот, но на столе зажужжал интерком.

– Госпожа Куинлан, вас просят подойти в северное крыло. Доктор Патрус хочет знать ваше мнение о скульптуре, которую мы получили из Дельсуса.

– Я буду через пять минут, – сказала Брайс и отключилась. – Я все-таки пошлю вам несколько снимков этого бюста, – продолжила она разговор с Джезибой. – Буду вам очень признательна, если вы выскажете свое мнение. И пожалуйста, сообщите мне, есть ли у вас кто-то в Родинии, кто мог бы помочь установить подлинность бюста.

– Я занята.

– Я тоже.

– Наверное, я все-таки превращу тебя в жабу.

– По крайней мере, жабам не нужно являться на работу в дурацких туфлях на высоком каблуке, – сказала Брайс, надевая свои белые «стилетки», которые всегда сбрасывала в кабинете.

Джезиба опять засмеялась, негромко и язвительно:

– Мой тебе совет, Куинлан: хорошенько обдумай преимущества брака с Кормаком Донналом, прежде чем решишь превратиться в полную заурядность.

Брайс встала, зажимая трубку плечом:

– А кто сказал, что я не обдумываю?

Возникла пауза.

– Вот и умница, – сказала колдунья и отключилась.

9

– Ну и как?

– Пока вообще ничего. Но насчет изобилия украшений ты оказалась права. Утром, пока летел сюда, чуть не врезался в шесть баннеров и гирлянд. Однако нового губернатора пока не видать. И никаких новостей. Если честно, обычный рабочий день.

Негромкий голос Ханта невидимыми потоками растекался в пространстве вокруг Брайс, пока она доедала остатки пирога с мясом и соусом, принесенные из местного кафетерия.

– Впрочем, день не совсем обычный, если учесть твои картинки. Этот мраморный брюшной пресс пришел как нельзя вовремя. Я показывал Наоми снимки с места преступления. А тут – приятное разнообразие.

– Я так и думала, что эти мышцы тебе понравятся.

В динамике телефона загремел смех Ханта. Он обволакивал Брайс, словно звездный свет. Если Хант сегодня смеется, хорошо. Она бы сделала что угодно, только бы сохранить улыбку на его лице.

– А этот Турр неплохо накачался, правда?

– Я хочу обратиться к руководству выставки за разрешением продавать копии в магазине сувениров. Думаю, престарелые дамы будут с ума сходить.

Ее слова были встречены еще одним всплеском смеха. Брайс улыбнулась во весь рот, затем спросила:

– Значит, Селистена должна появиться в шесть?

Губернатор опаздывала на целый час.

– Ага.

Веселости в голосе Ханта как не бывало.

Брайс снова включила компьютер. На всех новостных сайтах не было никаких известий. Только скупые строки о том, что Лунатион и вся Вальбара получают нового губернатора.

Брайс потратила целый час, просматривая изображения прекрасной архангелицы и думая, какой начальницей станет эта женщина для Ханта. Она не нашла ни одного упоминания о романтических пристрастиях Селистены. Ничего удивительного. Микай тоже не распространялся о том, кого трахает. Брайс волновало совсем не это, хотя внутри что-то заскребло, когда она увидела, насколько обворожительна эта Селистена. Но... ей требовалось составить четкий ментальный образ той, кого Хант отныне будет видеть день за днем.

Пустая коробка из-под пирога отправилась в мусорную корзину рядом со столом.

– Могу подойти после работы, – предложила Брайс. – Вместе бы посмотрели церемонию.

– Все в порядке. Не волнуйся, я тебе потом расскажу. Возможно, придется задержаться.

Так что ешь спокойно без меня.

– Но сегодня «вечер пиццы».

Хант засмеялся:

– Рад, что твои приоритеты не меняются. – Из динамика донесся шелест его крыльев. – Есть что-нибудь про Авалленского Придурка?

– В новостях ничего. Мама тоже молчит.

– Уже легче.

– Ты мне проспорил пять золотых марок.

– Запиши их на мой счет, Куинлан.

– Не забывай, что мамочка может рассердиться на тебя за утаивание информации.

– Я уже собрал чемоданчик на случай бегства и готов в случае чего улететь в далекие края.

– Тогда тебе придется лететь в Нену, – засмеялась Брайс, и Хант засмеялся вместе с нею. – Неужели ты думаешь...

Звезда на ее груди вспыхнула.

– Брайс, что там у тебя? – резко спросил Хант.

– Я... это...

Брайс хмуро смотрела на сверкающую звезду, видимую в низком вырезе ее платья. Только не это. Звезда крайне редко светилась, но после вчерашнего вечера...

Она подняла глаза.

– Слушай, тут мой начальник подошел. Я перезвоню, – соврала она и отключилась, не дождавшись ответа Ханта.

Но в дверном проеме стоял Кормак Доннал.

– Если ты ищешь древний трактат «Как не быть придурком», он находится между трактатами «Прощай, неудачник» и «Пошел вон отсюда», – бросила ему Брайс.

Наследный принц Аваллена переоделся сообразно местному климату, однако его серая футболка почти не скрывала мускулистых рук. Левый бицепс окружала татуировка со странным символом. Яркое верхнее освещение заставляло ее чернила блестеть.

Кормак смотрел на ее кабинетик с типично фэйским высокомерием и презрением.

– Твоя звезда вспыхивает в моем присутствии, поскольку наш союз предопределен. Это так, на случай если ты раздумываешь о причинах.

– Кто это сказал? – нарочито громко расхохоталась Брайс.

– Оракул.

– Которая из них?

В мире было двенадцать сфинксов-оракулов, все женского пола, одна противнее другой. Самая отвратительная обитала на дне Пучины, при дворе Океанской Королевы.

– Какая разница?

Повернувшись, Кормак скользнул оценивающим взглядом по перламутрово-белому платью Брайс, золотым браслетам и, конечно же, глубокому вырезу. Или он смотрел на звезду? Брайс решила, что особой разницы нет.

– Просто хочу знать, чью задницу начистить.

Уголки рта Кормака изогнулись в улыбке.

– Не понимаю, почему я ожидал, что полукровка будет столь же послушной, как и чистокровная фэйка.

– Как видишь, не прокатило.

– Я не сказал, что мне предпочтительнее более покладистая женщина.

– Потрясно. И что именно тебе сказала Оракул?

– А что она сказала тебе, прежде чем схватиться за свои ослепленные глаза?

Брайс не желала знать, откуда Кормаку это известно. Возможно, Король Осени ему рассказал, предупреждая о характере невесты.

– Слышано-переслышано. Я спросила первой.

Глаза Кормака вспыхнули.

– Оракул Аваллена сказала, что мне суждено соединиться с принцессой, у которой в сердце звезда. И что этот союз сулит невиданное процветание нашему народу.

Пальцы Брайс забарабанили по стеклянной поверхности стола.

– Весьма широкое поле для толкований.

Вероятно, под «союзом» Оракул понимала секс и деторождение.

– Я не согласен.

Брайс вздохнула:

– Говори, зачем пришел, а потом будь любезен исчезнуть. Я сижу здесь не просто так. Мне работать надо.

Кормак внимательно разглядывал небольшой торс Турра на ее столе.

– Хотел посмотреть, где работает моя суженая. Хотел получше понять... твою жизнь.

– Ты так говоришь, будто работающая женщина – это что-то запредельное.

– Для Аваллена – да. – Он прислонился к дверному косяку. – Мой народ не посягает на старые традиции. Тебе придется приспосабливаться.

– Благодарю покорно, но я привыкла смотреть телевизор и говорить по мобильнику. И еще мне нравится, когда меня считают личностью, а не племенной королевой.

– Как я уже сказал вчера вечером, у тебя нет выбора.

Голос Кормака звучал сухо. В глазах – пустота.

Брайс скрестила руки, но затем поняла, что так Кормаку удобнее глазеть на ее вырез и звезду. Она снова опустила руки.

– Я могу... тебе заплатить, чтобы ты вообще отказался от этой помолвки?

Кормак засмеялся:

– У меня столько золота, что я не знаю, куда его девать. Деньги не играют для меня никакой роли. – Подражая ей, он тоже скрестил руки. – Тебе открывается шанс помочь своему народу и всему миру. Когда ты родишь мне нескольких наследников, заводи себе хоть целый гарем любовников. Я сделаю то же самое. Этот брак не должен тяготить никого из нас.

– За исключением той его части, где я должна спать с тобой и жить в твоём захолустье.

– Думаю, первое тебе очень понравится, – усмехнулся наследный принц.

– Каждое слово так и нашпиговано чисто мужской самоуверенностью.

Кормак пожал плечами, явно уверенный, что Брайс будет в восторге от его мужских качеств.

– До сих пор никто не жаловался. И если наш союз поможет обоим народам и укрепит королевские роды, я двумя руками за него.

– Фэйцы – не мой народ.

Они никогда не были ее народом. Нырок ничего не изменил. Во время весеннего нападения на город фэйцы заботились о спасении собственных шкур, отказывая ни в чем не повинным людям в помощи и обрекая их на гибель.

– Прощай, – отрезала Брайс, кивнув на открытую дверь.

Кормак презрительно усмехнулся:

– Твой отец слишком долго позволял тебе бегать без узды.

– Моего отца зовут Рандалл Силаго. Король Осени – всего лишь мужчина, давший мне генетический материал. Ему не было и не будет места в моей жизни. И тебе тоже.

Кормак отошел от двери. Вокруг него закружились тени. Золотистые волосы светились, как расплавленный металл.

– Нынче ты – бессмертная и Звезднорожденная. Пора действовать подобающим образом. Брайс захлопнула дверь.

Хант смотрел на прекрасную архангелицу, сидящую за столом, который некогда принадлежал Микаю. Сверкающая кожа цвета черного оникса подчеркивала ее светло-карие глаза, а маленький рот, казалось, постоянно улыбался. Улыбка была спокойной, терпеливой. Именно эта добрая и даже кроткая улыбка насторожила его.

– Прошу садиться, – предложила Селистена, обращаясь к нему, Исаяе и Наоми.

Хант едва не поперхнулся, услышав это «прошу». В лексиконе Микая таких слов не было. Исаяя выглядел столь же ошеломленным. Все трое уселись на стулья с внешней стороны простого дубового стола. Наоми, шелестя черными крыльями, сохраняла бесстрастное выражение лица.

За сверкающими белыми крыльями нового губернатора тянулся ряд окон. За окнами виднелось скопление парящих в воздухе ангелов. Все надеялись хотя бы мельком увидеть женщину, полчаса назад переступившую порог Комитиума.

Замешательство охватило Ханта еще во время церемонии в вестибюле. Вместо того чтобы величественно прошествовать мимо собравшейся толпы, эта пышнотелая сексапильная архангелица никуда не торопилась. Она здоровалась с малакимами, спрашивала их имена и говорила: «Очень рада с вами познакомиться». Или: «С нетерпением жду, когда мы начнем вместе работать». Да храни его Ктона, но Хант всерьез подумал, что Селистена говорит правду.

Естественно, он не потерял бдительности. Ни во время знакомства Селистены с малакимами, ни позже, когда она подошла к лифту, где он стоял вместе с Исайей и Наоми, готовый сопровождать губернатора в ее новую резиденцию и рабочий кабинет. Бдительность не остав-

ляла его в момент рукопожатия – вполне теплого и искреннего. Внутренняя настороженность Ханта сохранялась и сейчас, во время этой встречи за закрытыми дверями.

Селистена внимательно оглядела всех троих. Проницательность ее взгляда еще более насторожила Ханта.

– Вы трое – это все, что осталось от триариев Микая.

Никто из них не ответил. Хант не осмеливался заикнуться о Вик и попросить архангелицу вернуть несчастного призрака из вечной тьмы впадины Мелиноэ, избавив от такого же вечного ада. Прошло несколько месяцев. Не исключено, что Вик повредила рассудком и каждый миг своего нахождения в этой коробке молила о смерти.

Губернатор наклонила голову. Ее густые выющиеся волосы качнулись. Одежда из полупрозрачной ткани приглушенных розово-сиреневых тонов. Серебряные браслеты на руках, серебряное ожерелье на шее. Украшения неброско светились, словно на них падал лунный свет. Если Микай излучал властность и могущество, от Селистены исходило ощущение женственности и красоты. Ростом она едва была Ханту по грудь, однако... что-то в ее облике заставляло его с некоторой опаской поглядывать на эту женщину.

– Никто не хочет высказаться? Или вы чего-то опасаетесь? – Голос у нее был музыкальным, похожим на перезвон серебряных колокольчиков. – Полагаю, правила моего предшественника весьма отличались от моих. – Она побарабанила пальцами по крышке стола. Ее ногти были покрыты бледно-розовым лаком. – Тогда позвольте мне высказаться с предельной ясностью: мне не нужно вашего слепого подчинения. Я хочу, чтобы мои триарии были моими партнерами. Хочу, чтобы вы вместе со мной защищали этот город и континент и помогали разрабатывать громадные потенциальные возможности Вальбары.

Краткая, складная речь. Хант по-прежнему молчал. Знала ли она, как он поступил с Сандриелой, а Брайс – с Микаем? И каковы были методы Микая, якобы направленные на защиту города и континента?

Селистена намотала локон на палец. Ее безупречно белые крылья качнулись.

– Чувствую, мне придется изрядно потрудиться, прежде чем я заработаю ваше доверие.

Хант сохранял бесстрастное лицо, внутренне желая, чтобы Селистена оказалась такой же прямолинейной, как Микай. Он ненавидел прежних хозяев, прятавших свои мертвые души за мишурой красивых речей. Слова Селистены вполне могли быть частью игры: заручиться их доверием, сделать так, чтобы они бросились в ее нежные объятия, а потом захлопнуть ловушку и обречь на страдания.

Наоми подняла острый подбородок:

– Мы не хотим вас обидеть, ваша светлость...

– Называйте меня Селистеной, – перебила ее архангелица. – Терпеть не могу формальности.

Микай однажды сказал то же самое, а Хант по глупости купился на его слова.

Исайя шевельнул крыльями. Видно, и соратник Ханта думал схожим образом.

Лоб Исаяи до сих пор уродовала татуировка раба. По мнению Ханта, Исайя был лучше его, был более умелым командиром, но по-прежнему оставался рабом. В месяцы, предшествующие гибели Микая, ходили слухи, что губернатор вскоре его освободит. Возможность свободы умерла вместе с Микаем.

Наоми кивнула. У Ханта сжалось сердце при виде робкой надежды, мелькнувшей в черных глазах соратницы.

– Мы не хотим вас обидеть... Селистена. Мы и весь Тридцать третий легион призваны служить вам.

Хант подавил вспыхнувшее недовольство. Служить.

– Единственный способ меня обидеть, Наоми Бореас, – это скрывать свои мысли и чувства. Если вас что-то тревожит, я хочу об этом знать, даже если виной тому мое поведение. –

Селистена снова улыбнулась. – Мы – партнеры. На своем легионе в Нене я убедилась, что партнерские отношения творят чудеса. В противоположность... методам, которые предпочитают мои коллеги-архангелы.

В противоположность наказаниям, пыткам и смерти. Усилием воли Хант подавил картину, вспыхнувшую в его мозгу: раскаленные железные прутья, ударяющие его по спине, поджаривающие кожу, разрывающие ее до самых костей. Сандриела смотрела на это с дивана, неспешно бросая в рот спелые виноградины.

– В таком случае мы почтем за честь работать с вами, – сказал Исая.

Хант окончательно вытолкнул из мозга картину кровавых ужасов прошлого. Губернатор снова приветливо улыбнулась:

– Я слышала много удивительных историй о тебе, Исая Тибериан. Мне бы хотелось, чтобы ты и дальше оставался командиром Тридцать третьего легиона, если, конечно, ты сам этого хочешь.

Исая в знак благодарности склонил голову и осторожно улыбнулся. Хант старался не смотреть на друга. Неужели он – единственный упрямец, не верящий в правдивость всего этого?

Селистена посмотрела на него:

– Ты пока еще не произнес ни слова, Хант Аталар. Или тебе больше нравится именоваться Орионом?

– Меня вполне устраивает Хант.

Только матери позволялось называть его Орионом, и он не хотел что-либо менять.

Селистена вновь пристально посмотрела на него. Изяществом движений она была похожа на лебедя.

– Насколько понимаю, у тебя с Микаем часто возникали трения.

Хант едва удержался от желания прорычать, что так оно и было. Селистена уловила его состояние:

– Как-нибудь ты мне расскажешь о своих отношениях с Микаем и о том, что у вас пошло не так. Это поможет мне не повторять его ошибок.

– Что пошло не так? Он пытался убить мою... убить Брайс Куинлан, – вырвалось у Ханта. Селистена, конечно же, заметила, как он споткнулся на слове «мою».

Брови удивленной Наоми выгнулись почти в дугу. Селистена вздохнула:

– Я слышала об этом. Сочувствую страданиям, которые вы с госпожой Куинлан претерпели от действий Микая.

Слова губернатора били по нему, как камни. «Сочувствую». За все годы жизни он ни разу не слышал, чтобы архангел сказал такое.

– Насколько я понимаю, вы решили жить в квартире госпожи Куинлан, а не в здешней казарменной башне.

Хант старался не давать воли нараставшему внутри напряжению.

– Да, – коротко ответил он.

– Меня вполне устраивает ваш выбор.

Хант едва не упал со стула. Исая тоже был близок к этому, особенно когда архангелица обратилась к нему и Наоми:

– Если вы тоже хотите жить вне казарм, я ничуть не стану возражать. Казарма хороша для выковывывания дружеских уз, но я уверена, что ваши узы и так достаточно крепки. Вы вольны жить так, как вам нравится.

Селистена посмотрела на Исая и его татуировку на лбу:

– Я не держу рабов. – Впервые за время разговора она поморщилась. – И хотя астерии считают тебя, Исая, рабом, в моих глазах ты свободен. Я продолжу то, что начал Микай, и постараюсь добиться твоего освобождения.

У Исайи задергался кадык. Хант дипломатично отвернулся к окну, откуда открывался вид на украшенный город. Наоми последовала его примеру.

Ханту не верилось в серьезность намерений Селистены. Это какая-то уловка.

– Я бы хотела взяться за дело без промедления, – продолжала губернатор. – Предлагаю каждое утро собираться здесь. Вы будете сообщать мне обо всех новостях и ваших планах на день. Если у меня появятся задания для вас или для легиона, я сообщу о них на этих встречах. – Она сложила руки на коленях. – Я знаю, что все вы – опытные охотники на демонов и в прошлом вам приходилось этим заниматься. Если – да уберегут нас боги – такое случится снова, я хочу, чтобы вы возглавили сражение против незваных гостей и уничтожили их. Прежде всего ты, Хант.

Хант кивнул. Это достаточно легко. Хотя весенняя охота за кристаллосом оказалась далеко не легкой.

– А если возникнет что-то неотложное, не надо ждать нашей завтрашней встречи. Мой телефон всегда включен, – закончила Селистена.

Наоми снова кивнула.

– Завтра в какое время? – спросила она.

– Скажем, часов в девять. Незачем проявлять усердие в ущерб сну. – (Хант удивленно посмотрел на Селистену.) – И пусть остальные отдохнут с дороги.

– Остальные? – переспросил Исайя.

– Остальные триарии. – Архангелица слегка нахмурилась. – Из-за плохой погоды на севере им пришлось запоздать на несколько часов.

Все трое замерли.

– О ком речь? – тихо спросил Хант.

– Вам же было отправлено официальное письмо. – Селистена взглянула на Исайю.

Тот покачал головой. Селистена нахмурилась еще сильнее:

– Обычно астерийский министр коммуникаций не допускает ошибок. Приношу извинения от их имени. Как вы понимаете, потеряв двух архангелов, астерии оказались в затруднительном положении. Вы трое – всё, что осталось от триариев Микая, тогда как численность триариев Сандриелы осталась прежней. Своих триариев у меня не было, поскольку легион в Нене фактически подчинялся астериям, а Эфраим захотел взять его триариев с собой. Чтобы не раздувать его группу, было принято решение: часть триариев Сандриелы отправить сюда.

У Ханта зашумело в голове. Триарии Сандриелы. Настоящие отбросы вселенной, каких еще поискать.

И теперь эти отбросы появятся здесь. В Городе Полумесяца. Войдут в состав личной гвардии Селистены.

В дверь постучали. Хант напрягся.

– Входите, – ответила Селистена.

На кончиках пальцев Ханта затрещали молнии. Дверь открылась. В кабинет неторопливо вошли Поллукс Антониус и Баксиан Аргос.

Молот и Изверг.

10

В кабинете губернатора стало совсем тихо. Хант и соратники смотрели на вошедших.

Один, Изверг, был темноволосым, смуглокожим, высоким и мускулистым. Его черные крылья слабо блестели, как блестят вороны перья. Но в глаза сразу бросался уродливый шрам, змеящийся по шее и опоясывающий горло.

Хант помнил этот шрам – след, оставленный его молниями. Помнил и стычку с Извергом, произошедшую тридцать лет назад. Есть силы, от которых даже бессмертие не уберегает.

Обсидиановые глаза Баксиана вспыхнули, встретившись с глазами Ханта.

Зато кобальтовые глаза Поллукса засветились звериным наслаждением. Он смерил взглядом Наоми, затем Исайю и, наконец, Ханта. Хант не пытался унять свои молнии, глядя на золотистые волосы и такую же золотистую кожу бывшего командира триариев Сандриелы. На самого жестокого садиста, когда-либо ходившего по земле Мидгарда. Оъявленного мерзавца номер один.

Поллукс довольно ухмыльнулся. Селистена что-то говорила, но Хант не слышал ее слов.

Он не слышал ничего, кроме небрежно произнесенного Поллуксом:

– Привет, друзья.

Еще через мгновение Хант вскочил со стула и ударом свалил Поллукса на пол.

Итан приложил мокрую тряпку к последней затягивающейся ране на лице и поморщился. Ванная Брайс оказалась такой, как он и ожидал. Три сорта шампуней и кондиционеров, флаконы со всякими гелями и муссами для волос, щетки, бигуди двух видов, фен, не выдернутый из сети, полусгоревшие свечи и всякие косметические штучки, раскиданные по мраморной поверхности стола, словно блестящие осколки бомбы.

Почти так же выглядела ванная в ее прежней квартире. От одного присутствия здесь у него щемило в груди. Запахи этого места, запахи Брайс. Они и теснили грудь Итана.

Он бесцельно провел день, не ища себе развлечений. Сидел на диване вместе с ее химером (кажется, Хант называл этого зверя Сиринксом) и смотрел дневные телепередачи, почти умирая со скуки. Его не тянуло прыгать по новостным каналам, ожидая появления новой архангелицы. То, что шло по спортивным каналам, его не интересовало, не говоря уже о приурочной болтовне политологов.

Итан повернул лицо, чтобы в зеркале была лучше видна рассеченная бровь. Эту рану ему нанесла лично Сабина, волчьими когтями.

Похоже, она метила в глаза. Конечно, они бы восстановились через несколько дней или недель. Может, и раньше, если бы он обратился к медицинской ведьме, но даже временная слепота не входила в число ощущений, которые он хотел бы испытать.

Сейчас он вообще не хотел что-либо испытывать.

Его мобильник на столе завершал. Итан покосился на экран. Экспресс-сообщения и первые фотоотчеты о прибытии Селистены. Если бы не избиение, затеянное Сабиной, он бы сейчас наряжался по случаю торжественной встречи прекрасной архангелицы. Волкам полагалось участвовать в таких церемониях. Демонстрация своей лояльности и прочая лабуда.

Но теперь он был свободен как ветер. Волк без стаи.

Такое случалось редко и все же случалось. Существовали одинокие волки. В основном они рыскали по глухим местам, брошенные на произвол судьбы. Итану и в голову не приходило, что он станет одним из них.

Итан вернул телефон на стол, затем повесил тряпку на и без того перегруженную вешалку для полотенец.

Ему захотелось принять обличье волка. Резко вдохнув, он приказал телу трансформироваться. Как всегда, появилось ощущение, что у него плавятся кости и рвется кожа.

Став волком, он быстро ощутил, насколько тесна ванная.

Взмах хвоста – и на мраморный пол полетели сшибленные бутылочки. Когти царапали плитки. Итан поднял морду к зеркалу и снова посмотрел на свое отражение.

Оттуда на него глядел крупный, величиной с лошадь, волк с опустошенными глазами. Из-за шерсти порезы и ссадины были не так заметны, за исключением брови.

Он вдохнул, и дыхание застряло между ребрами, попав в странный пустой карман.

Волк без стаи. Сабина с Амелией не просто избили его; они изгнали его из своей жизни, из Логова. Итан уперся спиной в вешалку для полотенец, мотая волчьей головой.

Это хуже, чем занимать самое последнее место в стае. Без друзей, без родни, никому не нужный.

Итан вернул себе гуманоидный облик. Тяжело дыша, облокотился на столик ванной и ждал, пока тошнота утихнет. Мобильник подал новый сигнал. Все мышцы тела Итана напряглись.

Перри Равенскрофт.

Он оставил бы ее вызов без внимания, если бы не первая часть сообщения: «Пожалуйста, дай знать, что ты жив».

Итан вздохнул. Младшая сестра Амелии, омега в стае Черная Роза. Это благодаря ей Итан оказался здесь. Когда ее сестра и Сабина терзали его, Перри не смела вмешаться, но затем доставила его сюда. Только она удосужилась вспомнить о нем. Одна из всей стаи.

«Просто напиши „да“ или „нет“», – добавила Перри.

Итан долго смотрел в экран с ее сообщением.

Волки – существа социальные. Волк без стаи... страдал от душевных ран, сгубивших немало волков. Но Итан еще два года назад получил тяжелейшую душевную рану, однако выжил.

Вскоре он уже не сможет в любое время принимать волчье обличье.

Итан обвел глазами ванную с разбросанными баночками, флакончиками и прочей женской дребеденью, необходимой Брайс. Она тоже была волчицей без стаи и тоже два года. Конечно, у нее есть Фьюри и Юнипера, но они не заменят ей Данику, Коннора и Стаю Дьяволов. Ничто уже не будет как прежде.

Итан ответил коротким «да» и убрал мобильник в карман. Вскоре должна возвратиться Брайс. Кажется, она что-то говорила про пиццу.

Итан побродил по просторной квартире. Сиринкс, лежащий на диване в гостиной, поднял голову и некоторое время следил за ним, потом одобрительно фыркнул и снова опустил голову, помахивая львиным хвостом.

Тишина жилища давила на Итана. У него никогда не было своей квартиры. Он привык к хаосу и сутолоке Логова, к комнате в университетском общежитии, дверь которой вообще не закрывалась, к гостиничным номерам, где он останавливался на выездных матчах университетской команды. Жилье Брайс с таким же успехом могло находиться на другой планете.

Он помассировал грудь, словно это могло прогнать оттуда тяжесть.

Итан четко знал, почему весной откликнулся на призыв Брайс о помощи, нарушив приказ Сабины. Ему было невыносимо слушать ее срывающийся, умоляющий голос. А когда она упомянула детей, которым грозит опасность, в мозгу Итана что-то взорвалось. Он ничуть не жалел о своем поступке.

Но выдержит ли он последствия? Нет, не избиение; его и раньше били. Речь о том, чтобы находиться вот здесь, одному, в подвешенном состоянии... Так паршиво ему не было с самой гибели Коннора и остальных. С того момента, когда он ушел из своей команды и перестал отвечать на звонки.

Итан совершенно не представлял, чем вообще будет теперь заниматься. Может, пока и не требуется искать себе какое-то масштабное занятие, способное изменить его жизнь. Пока достаточно просто переставлять ноги.

«Вот к чему тебя привело подчинение таким, как Амелия, – раздался внутри сердитый голос, очень похожий на голос Коннора. – В следующий раз, волчонок, думай над выбором. Оценивай. Решай, что нужно именно тебе».

Но пока... просто переставлять ноги. На это он способен. Во всяком случае, сейчас.

Итан подошел к входной двери и снял с крючка поводок химера.

- Хочешь прогуляться? – спросил он у Сиринкса.
- Зверюга перевернулся на бок, словно говоря: «Лучше брюхо мне почеси».
- Ладно, почесу, – пообещал Итан, вешая поводок обратно.

– И это называется Дружелюбный Придурок?

Брайс прижалась к прутьям безупречно чистой камеры под Комитиумом и хмуро посмотрела на Ханта. Ангел сидел на стальной койке, свесив голову. Услышав ее слова, он выпрямился и сложил серые крылья. При виде его лица Брайс чуть не вскрикнула.

– Хант, это как понимать?

Синяк под глазом, распухшая губа, царапины на висках, а лоб...

– Я в полном порядке, – угрюмо заявил он, хотя вид у него был такой же, как у Итана вчера. – Кто тебе сообщил?

– Твоя новая начальница. Она рассказала, где тебя искать. Кстати, очень приятный голос. – Брайс еще плотнее прижалась к прутьям решетки. – Приятная женщина, раз она не вышвырнула тебя пинком под зад.

– Достаточно того, что она запихнула меня в эту камеру.

– Не она, а Исая.

– Какая разница?

– Не говори со мной таким тоном!

Боги, она сейчас вела себя совсем как Эмбер.

– Встретимся дома, – еще угрюмее произнес Хант. – Тебе незачем торчать в этом месте.

– А тебе было незачем затевать дурацкую потасовку, однако ты не сдержался, отчего и попал сюда.

По крыльям Ханта скользнула молния.

– Брайс, иди домой.

Неужели его всерьез злило ее присутствие здесь?

– Ты что, сегодня намеренно попытался испортить впечатление о себе?

Хант вскочил на ноги и тут же вздрогнул от боли в избитом теле.

– За каким Хелом мне это делать?

– Потому что ты редкостный придурок, – послышался низкий мужской голос.

Брайс поморщилась. Она совсем забыла про Поллукса.

– Не хочу слышать твой поганый голос! – прорычал Хант.

– Придется привыкнуть, – раздался еще один мужской голос, на этот раз со стороны лифтового блока в конце белого коридора.

Брайс увидела высокого худощавого ангела, идущего в их сторону. Он двигался с изяществом, присущим ангелам. Далеко не красавец; чертами лица он уступал Ханту, Исаяе и даже Поллуксу, однако... в нем что-то было. Целеустремленность и сосредоточенность.

Баксиан Аргос по прозвищу Изверг. Ангел, наделенный редкой способностью превращаться в исчадие Хела, откуда и его прозвище.

Хант рассказывал ей и про него. Насколько она знала, Баксиан никогда не пытал Ханта и других узников. Он творил другие, не менее жуткие дела во имя Сандриелы. Он был главным шпионом и ищейкой покойной архангелицы.

Подойдя, Баксиан оскалил зубы в свирепой улыбке. Хант напрягся.

Брайс решила, что без Ханта отсюда не уйдет. Ишь напугать ее вздумали.

– Брайс Куинлан, а почему бы тебе не подойти ближе? – вкрадчиво спросил Поллукс, слащавая физиономия которого была в не лучшем состоянии, чем у Ханта.

– Не смей говорить с ней! – уже громче зарычал Хант.

– Оставь свои замашки оберегающего альфа-придурка, – огрызнулась на него Брайс и, раньше чем Хант успел ответить, подошла к камере Поллукса.

Поллукс устроил спектакль, пристально оглядев ее с головы до высоких каблуков туфель:

– Я думал, особы твоего круга обычно работают в ночную смену.

– Это все устаревшие воззрения, какие ты решил обрушить на меня? – усмехнулась Брайс. Поллукс молчал. Тогда она сказала: – В Городе Полумесяца труд на ниве секса является уважаемой профессией. Я не виновата, что Пангера застряла в прошлом.

В Поллуксе вспыхнула злоба.

– Жаль, что Микай еще тогда тебя не убил.

Брайс сверкнула глазами. Пусть видит, что она знает, как он обращался с Хантом и как он ей противен.

– Это вершина твоих измышлений? А я-то думала, Поллукс – гений утонченного садизма.

– А я думал, что шлюхи-полукровки обычно держат язык за зубами. Но к счастью, я знаю отличный способ заставить тебя заткнуться.

– Поосторожнее. – Брайс кокетливо ему подмигнула. – У меня есть зубки.

Хант кашлянул. Брайс подалась вперед. Она находилась совсем рядом с решеткой камеры. Стоит Поллуксу протянуть руку, и его пальцы сомкнутся у нее на горле. Глаза Поллукса вспыхнули. Он почуял такую возможность.

– Не знаю, кого ты рассердил наверху, что тебя отправили сюда, но, если ты снова тронешь его хоть пальцем, я превращу твою жизнь в Хел наяву, – мелодичным, учтивым голосом пообещала она.

Рука Поллукса метнулась вперед. Пальцы потянулись к горлу Брайс.

Она ответила вспышкой магической силы, достаточно яркой, ибо Поллукс попятился назад, прикрывая глаза.

– Так я и думала, – ехидно скривила губы Брайс.

Она отошла на несколько шагов и снова повернулась к Ханту. Ангел изогнул бровь. Глаза восхищенно сверкнули на избитом лице.

– Впечатляет, Куинлан.

– Я и собиралась произвести впечатление.

Сзади послышался негромкий смех. Брайс увидела, что Изверг стоит у противоположной стены, рядом с большим телевизором.

– Я так понимаю, мне придется видеть тебя чаще, чем хотелось бы, – сказала ему Брайс.

Баксиан отвесил поклон. На нем были легкие черные доспехи, пластины которых перекрывали друг друга. Похоже на доспехи Ханта, но было в этом что-то от рептилии.

– Может, ты даже устроишь мне экскурсию.

– Размечтался, – пробормотал Хант.

Темные глаза Изверга вспыхнули. Он повернулся и прошел к лифту.

– Рад, что кто-то наконец всадил пулю в голову Микая, – сказал он, входя в кабину.

Дверцы бесшумно сошлись. Брайс оторопело смотрела вслед уехавшему Баксиану. Неужели он сюда спускался лишь затем, чтобы произнести эту фразу? Хант шумно выдохнул. Поллукс напряженно молчал.

– Больше никаких потасовок, – сказала Брайс, держась за прутья камеры Ханта.

– Если я скажу «да», мы сможем пойти домой?

Он жалобно надул губы. Совсем как Сиринкс, кланчащий еду.

– Это не мне решать, – сдерживая улыбку, ответила Брайс.

– Мне этого достаточно, – послышался из интеркома в потолке приятный женский голос. – Он свободен, госпожа Куинлан.

Решетки зашипели. Лязгнул замок камеры.

– Спасибо. – Брайс подняла глаза к потолку.

– А что со мной? – сердито зарычал Поллукс. – Не я начинал это побоище.

«Смелости от этого наглеца не отнять», – подумала Брайс. Серьезный противник.

– Но ты ничего не сделал, чтобы прекратить вашу стычку, – холодно ответила Селистена.

Боковым зрением Брайс видела, как Хант довольно ухмыляется.

– Это мы обсудим потом. – Голос губернатора утратил былую мягкость; Поллуксу хватило мозгов не огрызаться. – Присматривай за Аталаром, госпожа Куинлан.

Брайс помахала в камеру, вмонтированную рядом с телевизором. Когда Селистена не ответила, Брайс подошла к открытой двери камеры и помогла Ханту выйти. Он сильно хромал. Брайс пришлось обнять его за талию, и они двинулись к лифту.

– Парочка ублюдков! – крикнул им из камеры Поллукс. – Вы стоите друг друга.

Брайс послала ему воздушный поцелуй.

11

Тарион нуждался в новой работе.

Если честно, даже после стольких лет, проведенных в его должности, он до сих пор не понимал, как сделался главой разведывательной службы Речной Королевы. Наверное, его бывшие однокашники по школе всякий раз смеялись, натываясь на его имя. На редкость заурядный ученик, да еще с ленцой. Он и выпускные экзамены сдал благодаря своему обаянию, очаровав учителей. Тарион мало интересовался историей, политикой или иностранными языками. Его любимым предметом был... обеденный перерыв.

Наверное, это и привело его в разведку. За едой у многих развязываются языки. Хотя всякий раз, когда ему доводилось пытать врага, его потом выворачивало по полной. К счастью, Тарион открыл другие, более легкие и гуманные способы получения нужных сведений. Холодное пиво, немного «корня радости», несколько партий в покер, и он узнавал все, что ему требовалось.

И вот теперь это расследование.

Будь оно обычным, Тарион сплавил бы его кому-либо из своих аналитиков. Пусть ломают голову. Однако Речная Королева захотела, чтобы расследование было секретным. Тарион включил компьютер у себя в кабинете, несколько раз ударил по клавишам и получил желаемое: адрес электронной почты Зофи Ренаст.

Систему взлома ему установил Деклан Эммет. Она позволяла за считанные секунды проникать в любую электронную почту, кроме имперской. Эммет заломил за это непомерную цену, но хакерская программа не раз помогала Тариону. Впервые он воспользовался ею, чтобы выследить убийцу сестры.

Ее убийца – психически нездоровый тип – посылал себе на почту снимки своих жертв. Схватив его, Тарион с ним не церемонился. Однако справедливая месть не смогла стереть врезавшиеся в память снимки изуродованного тела Лесии.

Тарион сглотнул. За стеклянной стеной плескалась прозрачная синяя вода Истраса. Мимо проплыл выдр в желтой жилетке (речная вода делала эти жилетки особо яркими), держа в зубах запечатанный цилиндрок с посланием.

Выдр называли существами двух миров. Они служили курьерами. Часть их жила здесь, при Голубом Дворе, представлявшем собой небольшой город на дне реки, чьи прозрачные стены надежно защищали его от проникновения воды. Другие выдры предпочитали жить наверху, в шуме и хаосе Города Полумесяца.

«Не смей и мечтать поселиться наверху», – напомнил себе Тарион. Служебные обязанности требовали его постоянного присутствия здесь, под носом у Речной Королевы, чтобы по первому зову явиться к своей повелительнице. Тарион покосился на босые ступни, утопавшие

в кремовом ворсистом ковре. Он почти целый день провел в человеческом обличье. Скоро нужно пополоскаться в воде, или он рискует потерять плавники.

Родители удивлялись, что он выбрал жизнь в одном из сухих зданий из стекла и металла, стоящих на протяженной платформе, которая была намертво прикреплена к речному дну. То ли дело лабиринт подводных пещер, издревле служивших жильем русалам и русалкам. Но Тариону нравилось смотреть телевизор. Нравилось есть нормальную горячую пищу, а не ту, что в лучшем случае вся мокрая, а в худшем – еще и холодная, и жесткая. Ему нравилось спать в теплой кровати с подушками, простынями и одеялами. Он не тосковал по гамаку из водорослей, который раскачивало течение. И поскольку жизнь на суше ему никак не светила, подводное здание стало для него лучшим вариантом.

Компьютер подал сигнал. Тарион снова повернулся к экрану. Его кабинет находился в одном из стеклянных пузырей с куполообразной крышей. Вместе они составляли штаб-квартиру разведывательной службы Голубого Двора. Речная Королева разрешила их возведение лишь потому, что компьютеры не выдерживали сырости.

Тарион помнил, скольких трудов ему стоило объяснить королеве столь очевидную вещь.

Его королева была могущественной, красивой и мудрой. Как и многие ваниры старшего поколения, она не представляла принципы и условия работы современной техники. Хорошо хоть ее дочь была лучше приспособлена к новшествам. В свое время Тариона приставили к ней, велев научить пользоваться компьютером. Так он и оказался здесь.

Не в этом кабинете. В этом месте. И в его нынешней жизни.

Тарион просмотрел архив электронной почты Зофи Ренаст. Ничего особенного. Обычная человеческая жизнь: переписка с друзьями по поводу спортивных состязаний, телесериалов и намечающихся вечеринок; письма родителей с просьбой зайти после школы в магазин за продуктами; письма от ее младшего брата Эмиля.

Эти Тарион просматривал с особой тщательностью. Возможно, ему повезет, и он выловит намеков на то, куда собиралась Зофи.

Тарион снова и снова читал ее письма, поглядывая на часы. Нужно пополоскаться в воде, но... Он продолжал читать. Выискивал подсказку или зацепку, позволявшую понять, где могли скрываться Зофи и ее брат. Увы, ничего.

Тарион обследовал папку «Входящие», проверил папку «Спам» и, наконец, папку «Удаленные». Обе папки оказались почти пусты. Тогда он открыл «Отправленные» и чуть не застыл от обилия писем. Но Тарион принялся читать их снова. Письмо за письмом, письмо за письмом.

Телефон подал предупредительный сигнал: через полчаса он должен окунуться в воду. Если идти быстрым шагом, до шлюзовой камеры он дойдет за пять минут. А пока можно просмотреть еще несколько сообщений. Щелк, щелк, щелк... Телефон Тариона снова просигнализировал. Осталось десять минут.

Но Тарион застыл над электронным письмом трехлетней давности. Оно было настолько простым и бессмысленным, что прежде ускользнуло от его внимания.

Тема: Правда Сумерек.

Какая странная тема. Впрочем, само сообщение было еще страннее.

Работаю над доступом. Требуется время.

Вот так.

Тарион пролистал вниз, добравшись до первоначального сообщения, на которое ответила Зофи. Оно было послано двумя неделями ранее.

От: БанишиФан56

Тема: Правда Сумерек.

Ты уже получила доступ? Я хочу знать всю историю.

Тарион почесал в затылке, открыл другое окно и ввел в строку поиска: *Правда Сумерек.*

Ничего. Никаких ссылок на фильм, книгу или телесериал с таким названием. Тогда он попробовал искать через адрес отправителя: *БаншиФан56*.

Открылась наполовину удаленная цепочка писем. Эта начиналась письмом от БаншиФан56.

Тема: Проект Турр.

Может, тебе пригодится. Прочти.

Зофи ответила: *Уже прочла. Думаю, это рискованно. Шестеро убьют меня за это.*

Тарион догадался, кто эти «Шестеро». Астерии. Он попробовал искать *Проект Турр* и снова ничего не нашел. Почти ничего, если не считать коротких заметок об археологических раскопках и выставках, где экспонировались скульптуры, изображающие древнего полубога. Интересно.

В папке «Черновики» Тарион разыскал еще одно сообщение.

БаншиФан писала: *Когда найдешь его, спрячься в месте, о котором я тебе рассказывала; там, где усталые души обретают покой после их страданий в Лунатионе. Это безопасно.*

Место встречи? Тарион вчитывался в каждое слово неотправленного ответа Зофи.

Спасибо. Постараюсь передать сведения моему...

Письмо осталось незаконченным. Варианты концовки могли быть самыми разными. Ясно одно: Зофи позарез требовалось место, где бы никто не вздумал искать ее и брата. Если Зофи Ренаст пережила столкновение с Ланью, скорее всего, она отправилась в Город Полумесяца, где ей было обещано надежное укрытие.

Но что это за «Проект Турр» и «Правда Сумерек»?.. Над ними Тарион будет ломать голову потом.

Он открыл окно поиска в программе Деклана и ввел туда адрес отправителя. Результат его ошеломил.

Даника Фендир.

Выскочив из кабинета, Тарион помчался по стеклянным коридорам, за стенами которых представало все разнообразие речной жизни: русалки, выдры, рыбы, ныряющие птицы, водяные спрайты и случайно оказавшийся в реке морской змей. В запасе оставалось всего три минуты.

К счастью, задвижка на двери шлюзовой камеры была открыта. Тарион влетел в камеру, захлопнул за собой круглую дверь и ударил кулаком по кнопке рядом.

Дверь едва успела герметически закрыться, как в камеру с шумным вздохом хлынула вода и залила его босые ступни. Подражая воде, Тарион шумно вздохнул и торопливо сбросил брюки. Тело покалывало, что бывало всегда, когда нижняя часть туловища сменялась русалочьим хвостом в полосатой чешуе.

Тарион снял рубашку. Тело продолжало покрываться чешуйками. Ногти превратились в когти, которые он запустил в волосы, отводя рыжие пряди.

Мокрые волосы лезли в глаза и только мешали.

Тарион взглянул на цифровые часы над дверью шлюзовой камеры. Можно возвращать себе человеческое обличье, однако он предпочитал выждать еще пять минут и убедиться, что трансформация прошла надлежащим образом, по законам странной магии, управлявшей жизнью русалочьего народа. Тарион умел получать воду прямо из воздуха, но превращение считалось настоящим, только если он полностью погружался в завихрения необузданной русалочьей магии.

Итак, Даника Фендир была знакома с Зофи Ренаст. Он прошерстил ее электронные сообщения за полгода, вплоть до момента гибели Даники. Все они так или иначе касались Правды Сумерек и этого Проекта Турр. Исключение составляло лишь письмо с упоминанием о безопасном месте.

Но была ли Даника Фендир знакома еще и с Эмилем? И был ли Эмиль тем, кому Зофи должна была передать адрес укрытия? Предположение выглядело натяжкой, и тем не менее со слов Речной Королевы Тарион знал: все, что Зофи делала вплоть до момента казни, делалось во имя ее брата. Если она сумела вытащить Эмиля из Каваллы, желание как можно надежнее спрятать его выглядело вполне логичным. Сложность заключалась лишь в отыскании этого места в громадном городе. «Там, где усталые души обретают покой после их страданий...» Поди отыщи место с таким расплывчатым определением.

Тарион выждал пять минут, после чего протянул мускулистую руку и нажал другую кнопку. Пока вода покидала шлюзовую камеру, он сидел, лениво покачивая русалочьим хвостом. Затем приказал телу совершить обратное превращение. Вдоль хвоста запульсировал свет. Появилась боль, неизменно сопровождавшая превращение хвоста в ноги. Тело освободилось от чешуек, став обычным голым человеческим телом.

Брюки насквозь промокли, но Тариону это не мешало. Он натянул мокрые брюки, радуясь, что прибежал в камеру без обуви. Не сосчитать, сколько пар он потерял, мчась туда в последнюю минуту.

В теле еще ощущалась боль. Кряхтя, Тарион встал и открыл дверь шлюзовой камеры. Желая согреться, схватил одну из ветровок, висящих вдоль стены. На спине желтели буквы «РСГД». Разведывательная служба Голубого Двора. Вообще-то, эта служба являлась частью Вспомогательных сил Лунатиона, однако Речной Королеве нравилось считать свои владения независимыми.

Возвращаясь по коридору в кабинет, Тарион просматривал донесения агентов. Одно заставило его остановиться. Наверное, Огенас все-таки благоволила ему.

Оборотень-зимородок сообщил о находке в Нельтианских болотах. Три часа назад там обнаружили небольшую пустую лодку. Казалось бы, ничего особенного, однако глаз агента зацепился за регистрационный номер. Лодка была зарегистрирована на Пангере. Остальная часть донесения заставила Тариона вприпрыжку помчаться в свой кабинет.

В лодке находился спасательный жилет взрослого размера с надписью «Бодегравен». Помимо жилета, в пустой лодке остался запах. Человеческий, мужской. Точнее, мальчишеский.

Станным было то, что спасательный жилет с корабля, на котором плыл брат Зофи Ренаст, оказался в совсем другой лодке, да еще вблизи города, где, по сообщениям Даники, находилось тайное убежище.

Эмиль Ренаст почти наверняка был на этой лодке. Вопрос: имелись ли у мальчишки основания предполагать, что его сестра уцелела после столкновения с Ланью? Может, брат и сестра Ренасты разными путями направлялись к месту встречи? Тарион догадывался, к каким местам относятся загадочные указания Даники, но все они вызывали у него настороженность. Вопрос о том, зачем его королеве понадобились Эмиль и Зофи (живая или мертвая), оставался открытым. Но что ему было делать, кроме как выполнять приказ?

Права самостоятельного выбора он лишился давным-давно.

Взяв глиссер, Тарион помчался на север от города, в сторону Нельтианских болот. Добираться туда было около часа. Река изгибалась, пробираясь сквозь царство качающихся камышей к морю. На одном таком изгибе торчал небольшой ялик, наполовину вытасченный на травянистый берег. Тот, кто вытаскивал лодку, явно торопился. Наклоненная под таким углом, она легко могла опрокинуться.

Над болотами взлетали и садились птицы. Тарион сбросил обороты глиссера, чтобы подплыть ближе и осмотреть лодку. Из зарослей за ним следили немигающие глаза.

Тарион вздрогнул. В здешних болотах водились опасные речные чудовища. Даже Тариону приходилось с осторожностью выбирать дальнейший путь. Собекам хватало мозгов не связываться с русалом, но самка отважится на все, чтобы накормить вечно голодное потомство.

Тринадцатилетний мальчишка, каким бы даровитым он ни был, для этих тварей что-то вроде особо вкусного десерта.

Водная магия Тариона подвела его вплотную к лодке, после чего он перепрыгнул туда. От сотрясения заклацали пустые консервные банки и бутылки из-под воды. Тарион рванул дверь маленькой каюты. Помимо одеял и таких же пустых банок, там тоже ощущался человеческий мужской запах.

На палубе, возле штурвала, виднелись глинистые следы, оставленные детскими ногами. Значит, на этой лодке действительно плыл ребенок. Неужели он один добрался сюда с Пангеры? Тарион еще раз оглядел хаотично разбросанные банки и бутылки. В нем зашевелился страх и сочувствие к юному путешественнику.

Тарион проверил лодочный двигатель. Топлива более чем достаточно. Значит, лодка не исчерпала ресурс первосвета. Ее попросту бросили здесь. Высадка была намеренной. Это навредило на мысль, что Зофи сообщила брату о месте встречи. Но если мальчишка оставил лодку здесь, посреди вотчины собаков... Тарион растерянно почесал подбородок.

Прислушиваясь и принюхиваясь, он медленно обогнул окрестные камыши... Что за Хел? Человеческая кровь. Камыши были густо забрызганы ею. Приготовившись к худшему, Тарион направился туда.

Облегчение, испытанное им, было недолгим. Запах принадлежал взрослому, но исходил от... руки. От оторванной руки, которую попросту откусили возле плеча. Судя по следам зубов, бедняга наткнулся на собаку.

Сражаясь с подступающей тошнотой, Тарион подполз ближе. Снова принюхался.

Запах, исходящий от руки, был более свежим, на день-два свежее запаха в лодке. Может, откусанная рука появилась здесь по чистому совпадению, однако Тарион хорошо знал эмблему, уцелевшую на темно-сером лоскуте рукава, возле самого места укуса. Перекрещенные винтовка и меч на фоне солнца.

Эмблема Офиона. Над первым солнцем виднелось второе: не золотистое, а красное, заходящее... Погибший принадлежал к элитному эскадрону Светопад, возглавляемому Пиппой Спецос.

Осторожно, стараясь двигаться максимально бесшумно, Тарион отправился дальше, моля богов, чтобы не наткнуться на логово собаков. Здесь человеческих запахов было еще больше. Несколько мужских и один женский. Все взрослые. И все добирались не по морю, а со стороны суши. Огенас милосердная, неужто Пиппа Спецос лично привела сюда свой эскадрон, чтобы найти Эмиля? Должно быть, они увидели брошенную в камышах лодку и попытались к ней подойти. Одному из ее бойцов это стоило жизни.

Последнее время Офион нес потери. И все-таки мятежники послали сюда лучшее подразделение. Светопад позарез был им нужен на Пангере, однако они, не жалея средств, отправили Пиппу на Вальбару. Вряд ли они разыскивали мальчишку по доброте душевной. Вдруг Эмиль покинул лодку не по указаниям сестры, а потому, что почувствовал: ему сели на хвост? Вдруг он поспешил в город не только на поиски сестры, но и желая скрыться от мятежников?

Тарион вернулся на ялик и снова внимательно его осмотрел. Спустился в низкий, тесный трюм и стал рыться там, разгребая одеяла и всякий хлам.

Ага! Карта вальбарского побережья. С пометками. Одним кружком были обведены болота. Другим... Тариона передернуло. Если Эмиль Ренаст решил пешком добираться отсюда до Города Полумесца...

Достав телефон, Тарион вызвал своего помощника и приказал немедленно отправляться в сторону Нельтианских болот, а затем, по суше, обратно в город. Естественно, с оружием.

Помимо хищников, обитающих в камышах, не исключена стычка с мятежниками, поскольку те наверняка двинулись по следу мальчишки.

Если разведчикам королевы удастся найти Эмиля... Тарион приказал внимательно следить за братом Зофи. Возможно, станет ясно, куда он направляется и с кем встретится.

Конечно, если Эмилю удалось живым выбраться из этих болот.

12

Хант вытянул ноги и сложил крылья так, чтобы не повредить их, прислонившись к спинке деревянной скамейки. Брайс села рядом. В руке она держала рожок с фисташковым мороженым и слизывала капли с подтаявших краев. Хант старался не смотреть, как она ловит языком каждую светло-зеленую капельку.

Это и было его наказанием за потасовку с Поллуксом? Сидеть и смотреть, как она лакомится мороженым?

Он перевел взгляд на скутер. После звона Селистены Брайс сломя голову помчалась в Комитиум. Когда они вышли оттуда, она катила скутер за руль до самого парка.

– Что с твоим железным конем? – откашлявшись, спросил Хант.

Брайс нахмурилась:

– Пока ехала в Комитиум, слышала посторонний стук. Я не рискну ехать на нем обратно. – Она выгнула бровь. – Не хочешь ли проявить галантность и дотащить его домой?

– Я уж лучше донесу тебя по воздуху.

Тащить по воздуху скутер будет тяжело, но он справится. Хант вспомнил о своем мороженом. Кофейном. Его рожок тоже подтаял. Самое время слизать капли. Хант старался не замечать, что Брайс следит за каждым движением его языка.

– А какой именно странный звук издает твоя колымага?

– Чихает на холостых оборотах. – Брайс повернулась к украшенному баннером столбу, возле которого стоял ее любимый скутер. – Придется тащить бедняжку в мастерскую.

– Я могу оставить скутер на крыше и посмотреть, что к чему, – усмехнулся Хант.

– Как романтично. Смотри не влюбись в него. А то еще жениться на нем потянет.

Хант опять засмеялся:

– Удивительно, как это Рандалл не научил тебя чинить скутер.

– Пытался, и не раз. Но я к тому времени была уже совершеннолетней, и заставить меня он не мог. – Брайс искоса посмотрела на ангела. – А ты всерьез умеешь чинить такие штучки?

– Да. – Улыбка Ханта пригласила. – Я... умею чинить много разных машин.

– Молнии подсказывают тебе, как они устроены и где неполадка? Или что-то еще?

– Да. – Хант перевел взгляд на Истрос.

Неумолимое солнце наконец-то садилось, окрашивая реку в красные, золотистые и оранжевые тона. На глубине перемигивались огни подводного двора Речной Королевы.

– Сандриела обратила это умение себе на службу. После сражений она часто заставляла меня разбирать офионские механокостюмы, чтобы я изучил, как они действуют. А дальше, по ее замыслу, я должен был что-нибудь там подпортить, но незаметно. Затем эти костюмы возвращались к местам сражений и оставлялись там. Мятежники радовались, что нашли действующие механокостюмы, и даже не удосуживались проверить их как следует. – Ханту было невыносимо смотреть на молчащую Брайс. Он продолжал, и каждое слово звучало исповедью. – Я много узнал о принципах работы механизмов. О том, как заставить их работать и... как заставить сломаться в самый ответственный момент. Наверное, из-за этого погибло много людей. Из-за меня.

Он пытался искать оправдания целенаправленной порче механокостюмов. Убеждал себя, что люди создали чудовищные приспособления высотой в пятнадцать футов. Механокостюмы делались из титана и представляли собой экзоскелетные конструкции. Облачившись в такой костюм, человек мог легко управлять им, как своим телом. Под стать костюмам было и их вооружение: семифутовые мечи (некоторые из них были заряжены первосветом) и мощное автоматическое оружие. Механокостюм позволял вступить в схватку с волком-оборотнем и остаться невредимым. Армия мятежников считала механокостюмы своим главным оружием. Только так люди могли противостоять армии ваниров.

Конечно, война есть война. Или ты, или тебя. Но Ханту был невыносим сам замысел Сандриелы, полный жестокости и извращенного удовольствия. Похищать механокостюмы, намеренно портить их и потом возвращать ничего не подозревающим мятежникам. Она с наслаждением просматривала записи сражений и хохотала, когда механокостюмы – гордость и надежда мятежников – вдруг превращались в груды бесполезного металла.

– Я тебе сочувствую. – Брайс коснулась его колена. – Мне больно, что ты был вынужден выполнять ее жуткие приказы.

– Мне тоже. – Хант глубоко выдохнул, словно это могло очистить его душу.

Брайс почувствовала его потребность сменить тему разговора и вдруг спросила:

– Как нам быть с Поллуксом и Баксианом? – Она лукаво посмотрела на него, вытягивая из мыслей о прошлом. – Нельзя же постоянно делать из них отбивную.

Хант фыркнул, мысленно поблагодарив Урду, пославшую ему Брайс.

– Остается лишь надеяться, что Селистена будет держать их в узде.

– Судя по твоему голосу, ты не больно-то в этом уверен.

– Я говорил с нею за пять минут до появления Поллукса. Пока еще рано делать выводы.

– Кажется, Исайе и Наоми она понравилась.

– Ты с ними говорила?

– Перебросилась несколькими словами. Они... тревожатся за тебя.

– Им стоит тревожиться по другому поводу. Два психопата, с которыми теперь придется жить бок о бок.

– Хант!

Солнце делало ее глаза золотыми. Они сверкали так ярко, что у него перехватило дыхание.

– Я знаю историю твоих прежних столкновений с Поллуксом. Понимаю, почему ты повел себя так. Но нельзя, чтобы это повторилось.

– Знаю. – Хант снова слизал подтаявшее мороженое. – Астерии не просто так послали его сюда. Скорее всего, чтобы постоянно меня провоцировать.

– Они велели нам не высовываться. Зачем им толкать тебя на провокации?

– Может, они передумали и теперь ищут веское основание для нашего ареста.

– Мы убили двух архангелов. Этого достаточно для вынесения нам смертных приговоров. Никаких дополнительных обвинений не понадобится.

– Может, и так. А может, они боятся, что нас оправдают, если дело дойдет до суда. И потом, публичное слушание лишь подтвердило бы нашу роль в гибели Микая и Сандриелы.

– Мир легко поверит, что ты смог убить архангелицу. Но такая козьявка-полукровка, как я? Они очень не хотят, чтобы это просочилось наружу.

– Похоже. Но... мне вообще трудно во что-либо верить. В то, что Поллукса и Баксиана прислали не чтобы провоцировать меня. В то, что Селистена и в самом деле достойная женщина. Мой жизненный опыт насчитывает более двухсот лет, и нынешняя ситуация меня настораживает. Я не могу себя перепрограммировать.

Хант закрыл глаза. Вскоре пальцы Брайс нежно коснулись его волос. Он почти замурлыкал, но тут же замер, услышав:

– Мы не будем терять бдительности. Но я думаю... я думаю, может, нам пора поверить в свою удачу?

– Появление Итана Холстрома говорит о прямо противоположном.

– Он не такой уж плохой парень. – Брайс пихнула Ханта локтем.

Ангел приоткрыл глаз:

– Быстро же ты забыла его выходки.

– У меня нет времени лелеять обиды.

– Ты теперь бессмертная. Времени у тебя более чем достаточно.

Брайс приготовилась ответить, но в этот момент над парком разнесся резкий мужской голос: «Ворота закрываются через десять минут. Всем, кто не в очереди, будет отказано в доступе».

Она поморщилась:

– Я великолепно обходилась без этой трансляции объявлений. Весь день не умолкают.

– Сама же и виновата, и ты это знаешь, – усмехнулся Хант.

Брайс вздохнула, но спорить не стала.

Это была правда. С тех пор как она воспользовалась хрустальными воротами для связи с Даникой, у горожан снова пробудился интерес к старинному способу передачи сообщений на весь город. Теперь магия ворот использовалась преимущественно для передачи объявлений: начиная от сообщения времени открытия и закрытия туристических достопримечательностей до периодических трансляций имперских объявлений самого Ригелуса. Их Хант ненавидел сильнее всего. «Говорит Ригелус – Светлая Рука астериев. Мы чтим память павших в вашем прекрасном Лунатионе и благодарим тех, кто сражался и отстоял город».

«А мы будем, как ястребы, следить за всеми вами», – неизменно думал Хант, слыша монотонный голос древнего существа, обитавшего в теле фэйского подростка.

Голос диктора смолк. Невдалеке плескались волны Истроса. На легком ветерке шелестели листья пальм.

Взгляд Брайс переместился на другой берег, скрытый клубящимся туманом:

– Как ты думаешь, Лехаба сейчас там?

– Надеюсь, что да.

Хант знал: он всегда будет благодарен огненной спрайте за ее подвиг.

– Я по ней скучаю, – тихо призналась Брайс.

Хант обнял ее, притянул к себе, наслаждаясь ее теплом и предлагая свое:

– Я тоже.

Брайс положила голову ему на плечо:

– Поллукс – чудовище. У тебя есть все основания желать расправы с ним. Но пожалуйста, не нарывайся на наказания от нового губернатора. Я больше не смогу... – Ее голос дрогнул; в груди Ханта все напряглось. – Смотреть, как Микай отрезал тебе крылья... Хант, во второй раз я этого не выдержу. Ни это, ни еще какой-нибудь ужас, который придумает Селистена.

Он провел рукой по ее шелковистым волосам:

– Мне нельзя было так глупо терять самообладание. Прости.

– Тебе незачем извиняться. Особенно за Поллукса. Впредь будь осторожен.

– Буду.

Брайс доедала мороженое. Хант последовал ее примеру, стараясь не капнуть ей на волосы.

Когда мороженое было съедено, когда солнце почти исчезло за горизонтом и в небе появились первые звезды, Брайс выпрямилась:

– Пора возвращаться домой. Итан и Сириккс проголодались.

– Думаю, мне не надо рассказывать Холстрому, что ты ставишь его на одну доску с нашим химером.

Брайс усмехнулась и отодвинулась, иначе Хант потянулся бы к ней.

Ему отчаянно захотелось ее обнять, как вдруг Брайс застыла. Ее внимание было обращено назад. Хант резко повернулся. Рука потянулась к кинжалу на поясе.

Он тихо выругался. С этим противником ему не совладать. И никому.

– Идем, – тихо сказал Хант, прикрыв ее крылом.

К причалу приближалась черная лодка, в которой стоял жнец. Длинные черные одежды не позволяли разглядеть, кто он, мужчина или женщина, молодой или старый. Для жнецов такие понятия не имели смысла.

Кровь Ханта стала холодной как лед, когда лодка, не имевшая весел и руля, подошла к причалу. Ее появление никак не вязалось с элегантными баннерами и цветочными гирляндами по всему городу. Лодка остановилась, будто невидимые руки привязали ее к бетонной дорожке.

Жнец сошел на берег. Он двигался быстро и плавно, словно шел прямо по воздуху. Брайс задрожала. Вокруг стало пронзительно тихо. Даже насекомые перестали жужжать. Ветер уже не шевелил листья пальм вдоль причала. Замерли баннеры, свисавшие с фонарных столбов. Цветочные гирлянды сморщились и пожухли.

Только призрачный ветер развеивал одежды жнеца и тянулся за ним, когда жнец направился в маленький парк возле набережной. Он не взглянул на Брайс с Хантом и не остановился.

Жнецы не останавливались ни перед кем, даже перед смертью. Ваниры, хоть и называли себя бессмертными, могли умереть от травмы или болезни. Даже астериев можно было убить. А вот жнецов...

Невозможно убить того, кто уже мертв. Пройдя по парку, жнец растворился в городе.

Брайс уперла руки в колени:

– Брр, брр, брррр...

– Могу сказать то же самое, – пробормотал Хант.

Жнецы обитали на каждом вечном острове. Здесь это был Костяной Квартал, в Вечном Городе – катакомбы, в Аваллене – Земли Лета... Обитатели мертвых. Каждую охранял свой свирепый правитель. Хант ни разу не видел Короля Подземья – правителя Костяного Квартала – и надеялся, что никогда не увидит.

Равным образом он старался не пересекаться со жнецами. Их еще называли полуживущими. Жнецами становились люди и ваниры, которые перед лицом смерти предложили свои души Королю Подземья в качестве его стражников и слуг. Это давало им вечную жизнь, неподвластную старению. Жнецов было невозможно убить. Они не нуждались ни в пище, ни в сне, ни в телесных радостях. Ваниры держались от них подальше.

– Идем, – сказала Брайс, усилием воли подавляя дрожь. – Это надо заесть вторым мороженым.

– Целиком поддерживаю, – усмехнулся Хант.

Он встал и повернулся к реке спиной, намереваясь увести Брайс, но тут послышался звук приближающегося глассера. Многолетняя выучка, превратившаяся в инстинкт, заставила его обернуться. За штурвалом глассера стоял рыжеволосый мужчина и махал им мускулистой рукой. Не сказать чтобы дружески. Скорее отчаянно.

– Тарион? – удивилась Брайс, глядя туда же, что и Хант.

Русал стремительно приближался к берегу, оставляя за бортом глассера вздыбившиеся волны.

Вскоре Тарион был уже возле причала. Он заглушил мотор, выбрав место стоянки подальше от черной лодки.

– Где ты пропадал все лето? – вместо приветствия спросил у него Хант.

Но Тарион смотрел не на него, а на Брайс.

– Поговорить надо, – выдохнул русал.

– Как ты нас нашел? – спросила Брайс, когда все трое поднимались в лифте.

– Если помнишь, я – непревзойденный шпион, – засмеялся Тарион. – У меня глаза повсюду.

Брайс открыла дверь квартиры. Вошла. Следом вошли Хант с Тарионом. Итан обнаружился там же, где она его оставила утром, – на диване. Сиринкс устроился у него на коленях. Лицо Холстрорма-младшего почти обрело прежний облик, шрам на рассеченной брови был едва заметен.

Увидев Тариона, Итан напрягся.

– Расслабься, – бросила ему Брайс.

Хант с Тарионом явно собирались сесть на диван. При виде все еще мокрой одежды русала Брайс предостерегающе зашипела. Хант выпучил глаза и сел за обеденный стол.

– Потому никто и не покупает белые диваны, – проворчал ангел.

– Сам удаляй с него воду и счищай грязь, – буркнула Брайс, кивнув на Тариона.

– Для этого есть заклинания мгновенной очистки, – подмигнул ей Хант.

– Обратная сторона домашнего уюта, – сказал Тарион.

Брайс усмехнулась.

– Кто ты такой? – спросил с дивана Итан.

– Не твое дело, – ослепительно улынулся ему Тарион.

– Русал. – Итан принялся. – Да, я тебя знаю. Капитан... как там?

– Кетос, – подсказал Тарион.

– Сейчас, Холстром, ты нанес серьезный удар по эго капитана Как Там, – со смехом заметил волку Хант.

– Самые серьезные удары я получаю от своих лучших друзей. Они почему-то не ценят мои превосходные способности, проявляющиеся в экстремальных условиях. – Тарион надул губы.

– Лучших друзей? – удивился Хант.

– Самых лучших и прекрасных. – Тарион послал Брайс воздушный поцелуй.

Брайс засмеялась. Достав телефон, она отключила звук, после чего отправила сообщение Рунну: «Мчись ко мне со всех ног».

Он ответил незамедлительно: «Что случилось?»

«ПОТОРАПЛИВАЙСЯ!»

Она еще не знала, какое неотложное дело привело к ним Тариона, но решила, что Рунн должен присутствовать при этом разговоре. Странно, конечно. Но весьма любезно с ее стороны.

Брайс убрала мобильник. В этот момент Тариону на глаза попался неоновро-розовый лифчик, свисавший с раздвижной двери, что вела в квартирную прачечную.

– Горячая штучка, – цокнул языком русал.

– Не заводи ее, – пробормотал Хант.

Брайс проехала по нему взглядом и сказала Тариону:

– Это было давно.

Она помнила свою первую встречу с русалом. Еще тогда он показался ей вполне обаятельным. Мятая и покрытая илом одежда делала его еще обаятельнее.

– Мы говорим о твоей сексуальной жизни? – спросил Тарион, глядя то на нее, то на Ханта. – Или о нашей последней встрече?

Ангел вспыхнул, однако Брайс лишь хищно усмехнулась.

– Лето у меня выдалось хлопотное, – продолжал Тарион, не обращая внимания на гнев Ханта. Он взгромоздился на табурет у кухонного стола и похлопал по сиденью соседнего. – Садись, Длинноногая. Потолкуем.

Брайс села рядом с ним, зацепившись ногами за перекладину.

Лицо русала стало серьезным.

– Даника когда-нибудь говорила о женщине по имени Зофи?

Итан удивленно заурчал.

– Какая еще Зофи? – скривила рот Брайс.

– Как все это понимать? – насторожился Хант, не дав ей задать новый вопрос.

– Хочу обновить кое-какие старые сведения, – уклончиво ответил Тарион.

– О Данике? – спросила Брайс, барабанив по мраморной крышке стола.

Тарион пожал плечами:

– Знаешь, Длинноногая, какой бы блистательной ни казалась моя жизнь, в ней полно утомительной, рутинной работы. – Он подмигнул. – Конечно, это вовсе не та рутина, которой бы мне хотелось заняться с тобой.

– Не пытайся отвлечь меня флиртом, – осадила его Брайс. – Почему ты спрашиваешь о Данике? И кто эта Зофи?

Тарион со вздохом уставился в потолок:

– Есть тут одно глухое дело. И Даника...

– Не ври ей, Тарион! – прорычал Хант.

Вокруг крыльев ангела плясали молнии. Их вид взбудоражил Брайс. Причина была не только в магической силе. Она чувствовала мощную поддержку Ханта. Тариону она сказала:

– Пока не объяснишь, что к чему, ты от меня ни слова не услышишь. И от него тоже. – она кивнула на Итана. – Можешь и не спрашивать.

Итан лениво улыбнулся русалу, словно проверяя его самообладание.

Тарион смерил их взглядом. Надо отдать ему должное, он не спасовал. Только жилка на щеке дернулась. Казалось, он внутренне спорил с собой: говорить или нет.

– Словом, так... Мне поручили найти человеческую женщину, Зофи Ренаст. Мятежницу, две недели назад схваченную Ланью. Но Зофи – женщина далеко не простая, как и ее младший брат Эмиль. Оба сходят за людей, хотя в полной мере обладают магией буревестников.

Брайс шумно выдохнула. Такого поворота она не ожидала.

– Я думал, астерии давным-давно выследили и уничтожили всех буревестников, – сказал Хант. – От них не осталось ничего, кроме мифов.

«Слишком опасные и непредсказуемые, – так ему вдалбливали о буревестниках в школе. – Смертельная угроза для империи».

То же на уроках истории слышала и Брайс. Ей вспомнилась потрясающая игрушка: бело-голубой пегас-единорог, названный Буревестником. Легенда гласила, что он владел всеми видами магии. Брайс мечтала о такой игрушке, но ее мечты не осуществились.

– Уничтожили, но не всех, – продолжал Тарион. – Кто-то выжил и дал потомство. Три года назад Эмиля схватили и отправили в лагерь смерти Кавалла. Ему тогда было всего десять. Пленители даже не подозревали, кто к ним попал, а он благоразумно скрывал свои дарования. Зофи пробралась в Каваллу и освободила брата. Но, как мне сообщили, самой ей спастись не удалось. Ее схватила Лань. Эмиль сбежал не только от имперских сил, но и от Офиона. Судя по всему, он направлялся сюда. Есть несколько сторон, заинтересованных в его дарованиях. И в дарованиях Зофи, если она уцелела.

– После Лани уцелевших не бывает, – мрачно изрек Хант.

– Я слышал то же самое. На дне океана я обнаружил свинцовые болванки. Однако цепи, приделанные к ним, были пусты, а кандалы – разомкнуты. Это сделала либо сама Зофи, либо тот, кто похитил ее труп.

– Значит, Речной Королеве понадобились и мальчишка, и Зофи? – Брайс хмуро сдвинула брови. – А какое отношение это имеет к Данике?

– Конечная цель моей королевы мне неизвестна. Я лишь знаю, что она очень стремится найти Зофи, живую или мертвую, и Эмиля тоже. Сразу скажу: Речная Королева никоим обра-

зом не связана с Офионом, – поспешил добавить Тарион. – Я стал распутывать этот долбаный клубок и наткнулся на электронную переписку между Зофи и Даникой. Речь шла о безопасном месте в нашем городе, где в случае необходимости Зофи могла бы укрыться.

– Это невозможно, – заявил Итан.

Хант встал из-за стола и подошел к Брайс. От его магии ее пронизала дрожь. Его близость наполняла электричеством ее кровь.

– Никак Речная Королева спятила и ты вместе с нею? Искать мятежников уже опасно. А укрывать их – это прямой билет на казнь.

Тарион выдержал его взгляд:

– У меня не было выбора. Я получил приказ и обязан его выполнить. – Он кивнул собравшимся. – Как я понял, вам ничего не известно. Сделайте мне одолжение: не рассказывайте об этом никому. Договорились?

Русал встал и собрался уйти.

– Это как понимать? – Брайс соскочила с табурета и преградила ему путь. – Ты набросал туманных фраз о знакомстве Даники с какой-то мятежницей и теперь собираешься спокойно уйти?

Тарион усмехнулся. Его глаза похолодели.

– Да, Длинноногая, собираюсь. – он вызывающе шагнул в ее сторону.

Брайс не собиралась отступать. Ее удивляло и радовало, что Хант не вмешивался, предоставляя ей действовать самой.

– Тебе наплевать на то, что этот необычайно могущественный буревестник – всего лишь мальчишка? Что он сумел выжить в лагере смерти? Что сейчас он совсем один и боится каждого шороха?

Тарион заморгал. Брайс хотелось его задушить.

– Знаю, что говорю ужасные вещи, но если малец обладает такой силой, почему он не применил ее и не выбрался из Каваллы самостоятельно? – спросил Итан.

– Может, он еще не научился пользоваться ею, – ответил Тарион, рассуждая вслух. – Или был слишком слаб и изможден. Не знаю. Мы еще увидимся.

Он попытался обойти Брайс, но она снова преградила русалу путь:

– Оставим пока Эмиля. Даника не была мятежницей, и она не знала никакой Зофи Ренаст.

– Согласен, – подхватил Итан.

– Электронный адрес был зарегистрирован на ее имя, – твердо возразил Тарион. – Логин ее почты – БаншиФан56. Даника явно была поклонницей музыкальной группы «Банши». Я просмотрел ее старые аккаунты в социальных сетях. Там чуть ли не десять тысяч сообщений, указывающих на ее любовь к этой группе.

Солас милосердный, Брайс уже не помнила, сколько футболок и афиш, посвященных «Банши», Даника собрала за годы учебы.

Мелькнула другая мысль, заставившая Брайс топнуть ногой. Ей вспомнился допрос, который они с Хантом устроили Филипу Бриггсу в тюремной камере. Бывший главарь мятежников заявил, что Даника симпатизирует их движению.

– Что было в электронных письмах? – спросила Брайс.

Тарион молчал.

– Я задала тебе вопрос. Что было в электронных письмах?

Тарион редко терял самообладание, но здесь не выдержал:

– «Правда Сумерек» вам о чем-то говорит? А «Проект Турр»?

Брайс и Итан недоуменно смотрели на него.

– Так я и думал.

Брайс до боли стиснула зубы. После весны она убедилась, что знала о Данике куда меньше, чем ей прежде казалось. И расширять список неизвестных сторон жизни ее погибшей подруги... Как бы она ни старалась, слова Тариона ее обожгли.

Тарион сделал еще один шаг к двери.

– После всего, что ты рассказал, не жди моего бездействия. Не надейся, что я не стану искать этого мальчишку.

– Ценю твою отзывчивость, Длинноногая. Но держись от этого подальше, – посоветовал он.

– И не подумаю.

– Брайс, мы получили приказ от астериев. От самого Ригелуса, – напомнил ей Хант. – Они требовали залечь на дно и не высываться.

– Так выполняйте их приказ, – сказал Тарион.

Брайс сердито посмотрела на русала, затем на Ханта. Судя по глазам ангела, в его душе бушевала нешуточная буря.

– Если астерии узнают о твоей причастности к мятежникам, они убьют не только нас, но и твою семью. И не станут разбираться, что ты всего лишь помогала найти потерявшегося ребенка.

Брайс открыла рот, но Хант ее перебил:

– Учти, нас не будут даже судить. Сразу казнят.

– Вот именно, – подтвердил Тарион. – Еще раз тебе говорю: не суйся в это дело. А я пошел.

Раньше чем Брайс успела выплеснуть гневный ответ, входная дверь с шумом распахнулась и на пороге появился Рунн.

– Что за... Ох, привет, Тарион.

– Это ты его позвала? – с упреком спросил Тарион.

Брайс молчала, упрямо глядя на всех.

– Что у вас происходит? – спросил Рунн. – Он посмотрел на Ханта и только сейчас заметил Итана. – Ого! А этот что здесь делает?

– Итан теперь свободный волк и пока живет у нас, – сообщила Брайс. – Я тебе потом расскажу, – добавила она, поймав недоумевающий взгляд брата.

– А почему у тебя сердце бешено колотится? – спросил Рунн.

Брайс опустила голову, почти ожидая увидеть вспыхнувшую звезду на груди. Хвала богам, звезда не светила.

– В общем, Тарион считает, что Даника была связана с мятежниками Офиона.

Рунн уставился на сестру.

– Премного благодарен тебе, Брайс, – угрюмо проворчал Тарион.

Брайс наградила его приторной улыбкой и быстро пересказала Рунну обстоятельства, приведшие сюда русала. К концу рассказа лицо брата побледнело.

– Ты сама как думаешь? Даника была мятежницей?

– Нет! – всплеснув руками, крикнула Брайс. – Да ее объедки в мусорном ведре нашей прежней квартиры и то интересовали больше, чем мятежники.

– У нее были и другие интересы, – поправил сестру Рунн. – Она украла Рог Луны и спрятала от тебя. Точнее, спрятала у тебя на спине. И вся эта бодяга с Бригсом и синтом...

– Допустим. Были у нее... странности. Но мятежники... Она никогда не говорила о войне.

– Наверное, знала, что такие разговоры тебя напугают, – предположил Тарион.

– А ты, значит, очень смелый? Тебе приказали вляпаться в опасное расследование, ты и возразить не посмел? – Лицо Ханта было бледнее обычного.

Тарион молчал, скрестив на груди длинные мускулистые руки. Хант продолжал, понижая голос:

– Тарион, добром это не кончится. Можешь мне верить. Ты вляпался в слишком опасное дерьмо.

Брайс старалась не смотреть на запястье Ханта, где когда-то чернело клеймо раба.

У Тариона дрогнул кадык.

– Напрасно я вообще сюда явился. Я знаю, Аталар, как все это тебя задевает.

– Ты всерьез думаешь, что у Зофи был шанс уцелеть? – спросил Рунн.

– Да.

– Если Зофи пережила столкновение с Ланью и Лань об этом узнает, она примчится сюда, – сказал Хант.

– Возможно, Лань уже отправилась в наши края, – угрюмо произнес Тарион. – Жива Зофи или нет, но Эмиль и его возможности остаются лакомым кусочком. Или тем, что нужно уничтожить раз и навсегда. – Он запустил длинные пальцы в свои темно-рыжие волосы. – Знаю, ребята, что своим приходом я вам подложил мину. – Он поморщился неудачному выбору слов, помня о событиях весны. – Но я хочу найти мальчишку раньше других.

– И что ты будешь с ним делать? – спросила Брайс. – Передашь своей королеве?

– Учти, Длинноногая, под водой ему гораздо безопаснее. Даже астериям понадобится уйма времени, чтобы найти его и убить.

– Ага, твоя королева превратит его в живое оружие для своих целей. Хела с два я позволю тебе это сделать.

– Повторяю: я не знаю ее замыслов насчет Эмиля. Но она не причинит ему зла. А тебе я посоветую не путаться у нее под ногами.

Прежде чем Брайс успела выплеснуть яд своего ответа, в разговор снова включился Итан:

– Ты всерьез думаешь, что мальчишка направляется сюда? И что Лань идет за ним по следу?

– В Тридцать третьем ничего не слышали о прибытии Лани. – Хант поскреб подбородок. – И об Офионе в наших местах.

– И во Вспомогательных силах тоже не слышали, – подтвердил Рунн.

– Тогда я не знаю, почему сегодня в болотах мне попала откушенная рука офионского бойца, – сказал Тарион. – Если только кто-то из тамошних собеков переплыл Хальдренское море, пообедал этим солдатом, а руку приволок на память.

– Я вообще не знаю, откуда начинать, – признался Хант.

– Доверьтесь моему чутью. Офион на пути сюда, если уже не здесь И потому мне нужно собрать как можно больше сведений и в самые кратчайшие сроки. Достаточно найти Эмиля, и мы найдем Зофи.

– И твоя королева получит отличного малолетнего солдата? – напряженно спросила Брайс.

Тарион умоляюще посмотрел на нее:

– Одно из двух: или Ренастов буду искать я, или Речная Королева поручит поиски кому-то другому, кто не отличается... независимым мышлением. Уж лучше я найду Эмиля.

– Почему мы вообще говорим о мятежниках в нашем городе? – взорвался Итан. – О том, что Даника тоже была мятежницей? Это слишком серьезное заявление, – со злобным рычанием добавил он.

– Между Зофи и Даникой велась переписка. Обе писали нарочито туманным языком. В письмах был намек на безопасное укрытие в Лунационе. Место, «где усталые души обретают покой после их страданий». Сдается мне, что речь шла о Костяном Квартале, хотя вряд ли Даника была настолько легкомысленна, чтобы отправить Зофи туда. И я ничего не утверждаю. Я перечисляю факты.

Итан молча покачал головой. Хант снова заговорил:

– Тарион, это смертельно опасная игра, в которую я больше не хочу играть.

Брайс могла поклясться, что у него слегка дрожат руки. Слова Тариона подняли из глубин самые худшие воспоминания и страхи ангела. Когда-то он сам был мятежником. Это стоило ему двухсот лет рабства.

Да, день сегодня выдался длинный и на редкость странный. Брайс еще не успела рассказать Ханту о визите Кормака в Фэйский архив.

Но позволить, чтобы за мальчишкой охотилось столько разношерстного двуногого дерьма... Ни в коем случае.

– Завтра я могу спросить у Фьюри, знает ли она что-нибудь о знакомстве Даники с Зофи. Может, она подскажет, о каком месте шла речь в письмах.

– Позвони ей сейчас, – с необычайной серьезностью попросил Тарион.

– Сегодня среда, а по средам у них с Юниперой всегда романтические вечера.

Брайс говорила полуправду. Должно быть, Хант догадался: она это делала ради него, поскольку он нежно коснулся крылом ее плеча.

– Так прерви их романтический вечер, – потребовал Тарион.

– Ты не знаешь, кто такая Фьюри Акстар? – Брайс взмахнула рукой. – Я позвоню ей завтра утром. После вечеров с Юной она всегда бывает в более благодушном настроении.

Тарион посмотрел на нее с Хантом, затем на Рунна и Итана, молча следивших за ним. Сокрушенно вздохнув, русал полез во внутренний карман куртки и достал пачку сложенных пополам листов:

– Это часть их переписки.

Он протянул пачку Брайс и снова пошел к двери. Возле Сирикса Тарион присел на корточки и погладил химера по голове и толстой шее. Потом поправил ошейник. Благодарный Сирикс облизал ему руку.

– Приятная зверюшка. – Тарион открыл входную дверь. – Не делайте никаких записей. Я завтра снова приду где-то после полудня.

– Влезать во все это – не лучшая затея, – сказал Хант, когда за русалом закрылась дверь.

– Согласен, – поддержал его Рунн.

Брайс еще крепче сжала пачку листов и повернулась к Итану:

– Осталось и тебе выразить свое согласие.

Итан насупился:

– Мне плевать на всю болтовню о связях Даники с Офионом, но есть мальчишка-беглец. Скорее всего, он не имеет никакого отношения к Офиону и нуждается в помощи.

– Спасибо. – Брайс стремительно повернулась к Ханту. – Видишь?

– Это забота Тариона. Брайс, держись подальше от его поисков, – предупредил ее Хант. – Даже не знаю, зачем ты полезла с расспросами.

– Я тоже не знаю, почему этого не сделал ты, – с вызовом парировала Брайс.

– Тебе действительно хочется найти мальчишку или узнать что-то новое о Данике?

– А если то и другое?

Хант медленно покачал головой.

– Брайс, прежде чем действовать, нужно всесторонне это обдумать, – сказал ей Рунн. – Возможно, сжечь распечатку переписки.

– Я уже приняла решение, – объявила Брайс. – Я буду искать Эмиля.

– И что ты с ним будешь делать? – тут же спросил Хант. – Если астерии его разыскивают, ты станешь укрывательницей мятежника.

Брайс было не погасить свет, окружавший ее.

– Эмилю всего тринадцать лет. Он не мятежник. Но мятежники хотят заполучить его в свои ряды.

– Брайс, я видел мальчишек его возраста, участвовавших в сражениях, – тихо сказал Хант.

Рунн кивнул, соглашаясь с ангелом:

– Офион не брезгует бойцами любого возраста.

– Но это же отвратительно, – поморщился Итан.

– Я и не говорил, что это прекрасно, – возразил волку Хант. – Только астериев не волнует, тринадцать ему лет или тридцать, настоящий он мятежник или нет. Ты окажешься у них на пути и поплатишься.

Брайс открыла рот и вдруг увидела, как на щеке Ханта дрогнула жилка, отчего шрам стал заметнее. Чувство вины, захлестнувшее ее, сжалось с гневом.

– Я подумаю об этом, – примирительно сказала она и пошла к себе в комнату.

Ей требовалась передышка, прежде чем что-то говорить и делать. Требовалось переварить сведения, полученные от Тариона. Тогда она не придавала значения словам Бриггса о симпатиях Даники к борьбе мятежников, расценив это как желание любым способом ее позлить. Похоже, она ошибалась.

Она смывала косметику и расчесывала волосы, одновременно напрягая память. Из-за двери доносились мужские голоса. Брайс не обращала на них внимания. Она переоделась в пижаму. Живот заурчал от голода.

Мысли снова вернулись к Эмилю. Голодает ли он? Тринадцать лет. По сути, еще ребенок, а не подросток. Ребенок, лишившийся семьи и успевший настрадаться в одном из самых отвратительных лагерей. Он наверняка напуган. Травмирован психологически.

Брайс надеялась, что Зофи жива. Не потому, что мятежница располагала какими-то сведениями и обладала уникальными силами. Тогда у Эмиля будет хоть кто-то близкий. Осколок семьи. Сестра, любящая его просто как брата, а не за его необыкновенные силы, ставшие причиной уничтожения их далеких предков.

Брайс хмуро посмотрелась в зеркало. Потом перевела взгляд на мятую пачку листов, переданных Тарионом. Переписка между Зофи и Даникой и несколько писем, написанных ею Эмилю, и его ответов.

В первом случае все было так, как и говорил Тарион. Одни туманные намеки и иносказания.

Но письма Зофи и Эмиля...

«Мне понадобилось уйти, и я не досмотрела твою игру до конца, – писала Зофи брату более трех лет назад. – Но мама сказала, что вы выиграли. Поздравляю! Ты действовал потрясающе!»

«Вроде бы, – скромно отвечал ей Эмиль. – Вот только два мяча пропустил».

Зофи ответила ему совсем поздно – в три часа ночи, как будто сидела над учебниками допоздна или развлекалась с друзьями: «Я однажды играла в солнечный мяч и пропустила целых десять! Ты играешь гораздо лучше меня:»).

«Спасибо, сестренка, – ответил ей утром Эмиль. – Скучаю по тебе».

Брайс с трудом слотнула. Вполне обычная переписка, свидетельствующая о нормальной жизни приличной семьи.

Что произошло с этой семьей потом? Как Эмиль оказался в Кавалле? Она не хотела этого знать, и тем не менее... Брайс заново перечитала письма. Обычная переписка брата и сестры, которые нежно любили друг друга.

Многие ли из тех, кто нынче искал Эмиля, действительно хотели помочь мальчишке? Не использовать его в своих целях, а просто защитить? Возможно, он и Зофи действительно встретятся в потаенном месте, указанном Даникой. Возможно, им повезет, и там их не найдут.

Даника всегда помогала тем, кто в этом нуждался. Включая Брайс.

Во время весенней атаки на город, когда Брайс бежала к Лугам Асфоделя... она испытывала те же чувства, что и сейчас. Эмилию требовалась помощь, и она не отойдет в сторону, как советовал Тарион. Просто не сможет отойти.

Но какую роль играла во всем этом Даника? Вопрос совсем не праздный. Она должна выяснить.

Ее желудок вновь протестующе заурчал. Да, она с утра ничего не ела (мороженое не в счет). Вознеся молчаливую молитву Ктоне и попросив оберегать Эмиля, Брайс вернулась в гостиную и объявила:

– Я заказываю пиццу.

– Присоединяюсь, – подхватил Рунн, словно его приглашали остаться.

Брайс ничего ему не сказала. Дверь комнаты Ханта была плотно закрыта.

Если ей требовалось побыть наедине с собой, у Ханта это займет гораздо больше времени.

Хант вошел в душ и дрожащей рукой открыл воду. Гул и плеск воды обеспечивали ему столь необходимый белый шум – барьер, отгораживающий от мира за пределами ванной. Бросив Холstromу и Данаану, что ему нужно пополоскаться, он ушел. И плевать он хотел, как они к этому отнеслись.

Хант снял с себя форму, едва замечая ссадины на лице и ребрах. Стычка с Поллуксом почти выветрилась из памяти.

Ему было не унять дрожь, не остановить потоки кислоты, мчавшиеся по венам вместо крови, отчего каждый вдох давался ему с трудом.

Проклятый Тарион. Глупый, самонадеянный придурок. Угрозило же русала втянуть их, и прежде всего Брайс, в свои поиски. Возможно, Речная Королева и не якшается с Офионом, но Эмиль был и остается братом мятежницы. Скорее всего, и Даника была тайной мятежницей. Это опять толкало его и Брайс в орбиту Офиона.

Понятное дело, услышав о возможной причастности погибшей подруги, Брайс уже не могла отстраниться. Глупо обижаться на нее за это. Его как раз и восхищала в Брайс готовность прийти на помощь, но... долбаный Хел!

Хант шумно вдохнул, вошел под теплые струи душа и тут же сжал челюсти. Его кровь наполнялась громом, тащившим за собой воспоминания.

Последнее совещание в военной палатке Шахары... кровавый хаос сражения... его оглушительный крик над погибшей Шахарой, когда вместе с нею умерла и часть его сердца... И нестерпимая телесная боль, когда ему медленно, жилка за жилкой, отпиливали крылья...

Он снова шумно вдохнул. По крыльям прошла дрожь, словно эхо тогдашней боли.

Он не допустит, чтобы это повторилось. Если все случившееся с ним было ради того, чтобы попасть сюда и встретиться с Брайс, теперь, когда они встретились, он должен знать, когда выйти из чужой игры и уберечь Брайс.

Но ему было не найти нужных слов. Хант сосредоточился на дыхании, на ощущении скользких плиток под ступнями и струйках воды, стекавших по крыльям.

До чего же теплая вода по ощущениям похожа на кровь. Он не мог отделаться от этой мысли.

Через полчаса все четверо сидели за обеденным столом, глядя на четыре коробки с пиццей.

– «Пиршество хищника», – взглянув на Ханта, нарочито бодрым тоном произнесла Брайс и пододвинула ему коробку, где пицца состояла целиком из мяса.

Он улыбнулся, но лишь губами. Глаза оставались настороженными и испуганными. Хвала богам, Брайс не стала приставать с расспросами. О таком не заговоришь в присутствии Итана и

Рунна. Да и сам Хант ясно дал понять, какие ассоциации возникли в его голове после рассказа Тариона.

Но разговор неминуемо произойдет, когда они окажутся наедине.

– А это «Пиршество хищника» с добавлением колбасок. – Она подмигнула Итану, протянув ему другую коробку; Итан покраснел. – Ну а тебе, братец, – обилие перца и жареный лук, – сказала она Рунну.

– И что же досталось тебе? – спросил Рунн, по-своему пытаясь разрядить напряжение, оставшееся после визита русала.

– Колбаски, лук и пропасть сыра, – почти хором ответили Хант и Итан.

– Не знаю, восхищаться мне или огорчаться, – засмеялась Брайс.

Но Хант с Итаном даже не улыбнулись. Она поймала взгляд Рунна, сидящего напротив, и тут же у нее в голове зазвучал голос брата: «Если отодвинуть всю эту дерьмовщину с Тарионом и Эмилем, мне до жути непривычно видеть Холстрома у тебя в квартире».

Брайс уставилась в свою пиццу, вздохнула при виде мяса, сыра и сладковатого соуса. «Думаю, ему самому жутко здесь находиться».

Рунн поднес ко рту ломтик, откусил. «Только не ершись. Скажу так, как думаю. Ты же Звезднорожденная принцесса и вдруг... приютила изгнанного волка. Терпеть не могу разную политическую лабуду, но... Сабина расценит это как вызов. А ведь волки, в общем-то, наши союзники».

Брайс отхлебнула пива. «У него не осталось никого из близких». От этих слов у нее защемило сердце. «Можешь мне верить: ему сейчас очень паршиво. Итану действительно некуда идти».

«Могу взять его под свою опеку». Предложение брата звучало вполне искренне.

«А это что, не политика? Не вызов, брошенный Сабине?»

«Я бы объяснил, что нанимаю его для работы в фэйском сегменте Вспомогательных сил. Намекнуть на сверхсекретное расследование. Вся эта история с Даникой, Зофи и Эмилем как раз и тянет на такое. Сабина не посмеет мне помешать».

«Хорошо. Но... дай ему несколько дней. Не хочу, чтобы он думал, будто я его выпроваживаю».

«Почему бы и нет? Помнишь, наверное, как гадко он вел себя с тобой».

«До этого мы с ним пять лет дружили».

«И что с того? Он подвел тебя, когда ты острее всего нуждалась в его поддержке».

«Я тоже подвела его, когда ему требовалась моя поддержка».

Брайс заморгала, обнаружив, что Хант с Итаном пристально смотрят на них с Рунном. В глазах ангела не было ни намека на недавний дисконфорт.

– Кто-то может посчитать невежливым мысленный разговор в присутствии других.

Итан поднял руку, выражая согласие. Как он догадался о происходящем? Скорее всего, сработало обостренное волчье чутье. Или спортивный навык считывать противников.

– Прошу прощения, что вы не из числа таких, как мы. Не все наделены особой фэйской магией.

– Наконец-то, – пробормотал Хант и потянулся за своим ломтиком. – Я все ждал, когда же этот день настанет.

– Какой день? – спросил Итан, глотая пиво.

– Когда Брайс поймет, какие отвратительные штучки ей позволительны в статусе принцессы.

Брайс мгновенно отреагировала:

– Если мне суждено страдать от своего титула, то тебе – от его последствий.

Хант открыл рот, однако Итан его опередил:

– Я слышал, этой весной ты прошла Испытание. Тебя можно поздравить?

– Да. – Брайс замерла, перестав улыбаться. – Спасибо.

Ей не хотелось вспоминать тот день... Никс, едва не утонувший Сиринкс, лопнувший громадный аквариум... Словно почувствовав ее смятение, Сиринкс подошел и стал тереться о лодыжки. Хант, тоже считавший ее состояние, постарался увести разговор в другое русло.

– Если не ошибаюсь, ты проходил свое Испытание на Аваллене? – спросил он Рунна. – Наш новый друг Кормак тоже был там?

Но не успел Рунн что-то ответить, в квартире появились Флинн с Деклом. Брайс не помнила, чтобы она давала им ключи и санкционировала доступ.

– Это ты разрешил им доступ по отпечаткам пальцев и снабдил ключами? – спросила она Рунна.

Флинн плюхнулся на стул рядом с Брайс и пододвинул к себе ее коробку с пищей.

– Мы сняли отпечатки пальцев Рунна, когда он отрубился в День летнего солнцестояния. Мы тогда налаживали домовую систему безопасности. Потом Дек добавил к ним наши отпечатки.

Деклан уселся рядом с Рунном, взял ломтик пищи из его коробки и потянулся к ведерку в центре стола, где во льду лежали банки с пивом.

– Дубликаты обычных ключей мы успели сделать раньше, чем он заметил их исчезновение.

– По сравнению с вами я просто святой, – проворчал Рунн.

Брайс сердито взмахнула рукой.

– Я поменяю систему распознавания отпечатков пальцев на более совершенную. Отдай мне ключи, – потребовала она от Флинна.

Флинн демонстративно убрал ключи в карман:

– Попробуй отними, пупсик.

Хант гневно посмотрел на сына провинциального фэйского правителя.

– Поосторожнее, Флинн, – с усмешкой предостерег его Деклан.

Итан фыркнул. Незваные гости повернулись к нему. Разумеется, они еще раньше заметили его присутствие, поскольку были опытными воинами. Но они только сейчас соизволили это показать.

– Привет, волчонок. – Флинн очаровательно улыбнулся Итану, блеснув зубами.

Услышав такое обращение к себе, Итан сжал кулаки, но все же ответил:

– Привет.

Деклан тоже улыбнулся, копируя улыбку друга:

– Никак Брайс понадобилась новая домашняя зверюшка?

– Уймитесь, – вклинилась Брайс. – Мы вдоволь потешались над Итаном, называя его то «волчонком», то даже «щенком». Он не оставался в долгу, высмеивая фэйских придурков вроде вас. Теперь мы все крепко ненавидим друг друга, но мы же можем вести себя как взрослые и спокойно есть.

– Поддерживаю.

Хант откусил от третьего ломтика, другой рукой чокнувшись с Брайс.

Флинн снова заулыбался до ушей:

– Кажется, ты спрашивал Рунна насчет его Испытания. Между прочим, это было и нашим Испытанием.

– Знаю. – Брайс перекинула волосы через плечо. – Но заветный меч сумел добыть он, а не вы.

– Больно! – застонал Флинн, хватаясь за грудь.

– Холодно, Би, – сказал Деклан.

Рунн усмехнулся. Он привалился к спинке стула, допил пиво и сказал:

– Мне тогда было двадцать семь. Мой... наш отец отправил меня на Аваллен... познакомиться с тамошними женщинами.

– Если точнее, с одной. Была там одна фэйка из богатой и влиятельной семьи. Король Осени хотел женить Рунна на ней, – пояснил Флинн. – К сожалению, Кормак тоже претендовал на ее руку. Кончилось тем, что никто из них девицу не получил.

– Но трения между Рунном и Кормаком возникли явно не из-за девицы, – догадалась Брайс.

– Отчасти из-за нее, – сказал Деклан. – А еще потому, что Кормак и его двоюродные братья-близнецы попытались нас убить. Кормак в буквальном смысле ткнул меня мечом в живот. – Он похлопал себя по мускулистому животу.

– А разве все фэйцы не являются... союзниками? – спросил удивленный Итан.

Флинн едва не поперхнулся пивом:

– Фэйцы Вальбары и Аваллена ненавидят друг друга. Авалленские фэйцы – сборище отсталых придурков. Принц Кормак хоть и состоит в родстве с Рунном, но ему абсолютно плевать на то, что дорого нам.

– Крепкие семейные узы, – усмехнулся Хант.

– Все, что случилось во время Испытания, они заслужили сполна, – пожал плечами Флинн.

– Что именно? – спросила Брайс.

– Унижение, – с наслаждением произнес Деклан. – Через несколько недель после нашего приезда на Аваллен король Морвен, отец Кормака, приказал Рунну пойти и проверить, сумеет ли он найти в священных пещерах Звездный меч и вытащить оттуда.

– Дек, уж если взялся рассказывать, выкладывай всю историю, – проворчал Рунн. – Морвен не просто так это сделал.

Дек покорно улыбнулся:

– Конечно не просто так. Я похвастался, что ты сможешь.

– И что было дальше? – подтолкнул друга Рунн, открывая новую банку пива.

– А дальше я высмеял Кормака, который до сих пор не удосужился сходить за мечом.

– И?... – настаивал Рунн.

– И я сказал, что один вальбарский фэец лучше, нежели десять авалленских.

Брайс засмеялась:

– Значит, дядюшка Морвен послал тебя в пещеры, чтобы проучить за хвастовство друга?

– Ага. Всех троих. Мы и не подозревали, пока не попали в туман. В пещерах его полным-полно. Но Морвен отправил туда же Кормака и этих придурков-близнецов, велел расправиться с нами.

– Отличный повод для начала междоусобной войны, – сказала Деклану Брайс, подняв руку с растопыренными пальцами. – Чисто сработано.

Деклан хлопнул ее по руке.

– Значит, ваши Испытания прошли в авалленских пещерах? – спросил Итан.

– Да, – ответил Рунн, и его лицо помрачнело. – Мы там заблудились. Всякого пугающего дерьма там хватало. Упыри, призраки. Старые, злобные и коварные. Сначала мы и авалленцы пытались перебить друг друга, потом объединились, чтобы просто выжить. Чтобы не увязать в повествовании, скажу: мы с Флинном и Деком забрели под пещеру и попали в катакомбы.

– И оказались в окружении кровожадных духов, готовых пожрать наши тела, а потом и души, – добавил Флинн. – Или сначала души, а потом тела?

Рунн покачал головой:

– Я остался безоружным. Мы попали в помещение, где посередине стояли саркофаги. И... там он лежал. Звездный меч. Выбор у меня был невелик: погибнуть от бестелесных рук

этих существ или в попытке вытащить меч из ножен. – Он пожал плечами. – Слава богам, мне удалось последнее.

– А дальше было так, – подхватил Деклан. – Стоило Рунну завладеть мечом, как вся эта древняя шушера бросилась наутек. Прямо туда, где Кормак и его родственнички нас поджидали. Они все еще надеялись подстеречь нас и убить. – Он снова улыбнулся. – Бравым авалленским фэйцам пришлось спасаться бегством. Так и чесали до самого замка. Короля Морвена это не обрадовало. Особенно когда Рунн вернулся со Звездным мечом и посоветовал королю поиметь себя.

Брайс изумленно посмотрела на брата. Рунн улыбнулся. Кольцо в его губе сверкнуло.

– Как видишь, не такой уж я и неудачник.

Брайс махнула рукой, показывая, что ей все равно.

– Решил оставить этот узорчик? – вдруг спросил у Итана Флинн, кивнув на татуированную шею волка.

– Тебе-то что? – угрюмо ответил Итан.

Флинн в который раз ослепительно улыбнулся:

– Просто хотел узнать, когда смогу тебе сказать, что Сабина и Амелия – самые отвратительные суки в этом городе.

Итан что-то буркнул, однако на губах его появилась едва заметная улыбка.

Брайс посмотрела на Рунна. «Может, не так и плохо, что этот волчонок прибил к нам», – мысленно сказал ей брат.

«Ты всерьез хочешь жить бок о бок с волком?»

«Лучше, чем с ангелом».

«Зависит от того, чем ты с ангелом занимаешься».

«Фу, как откровенно».

Брайс вернулась к общему разговору. По язвительной улыбке Деклана она поняла: сейчас скажет какую-нибудь гадость.

– И кто из вас где будет сегодня спать? – спросил он.

Брайс невольно посмотрела на Ханта.

– Я ложусь с Брайс, – заявил ангел, сохраняя бесстрастное лицо.

Брайс разинула рот.

– Я тебе не завидую, – сказал ему Итан. – Она храпит.

– Придурки! – возмутилась Брайс. – Отправлю обоих спать на крышу.

– Твой храп и там слышен, – фыркнул Итан.

Брайс наклонилась, чтобы почесать бархатные ушки Сирикса. Хант лишь подмигнул:

– Я воспользуюсь затычками для ушей.

13

Брайс почти не спала. Она изо всех сил старалась представить, что в постели нет никакого Ханта-долбаного-Аталара. Иллюзия разбивалась постоянно, стоило ей повернуться, увидеть лицо в обрамлении серых крыльев и вспомнить, что Хант-долбаный-Аталар спит рядом с ней.

О вчерашнем визите Тариона не было сказано ни слова, равно как и о ее решении найти Эмиля. Значит, сражение на этом фронте все еще маячило впереди.

Неудивительно, что Брайс проснулась с опухшими глазами, вспотевшая и с раскалывающейся головой. Хант уже встал и готовил кофе, о чем свидетельствовали звуки со стороны кухни.

Брайс выбралась из постели. Потревоженный Сиринкс недовольно заскулил. Звонок мобильного только добавил ей головной боли, которая еще усилилась, когда она увидела номер.

– Привет, мамочка, – произнесла она, выжав из себя всю доступную ей беззаботность.

– Доброе утро, Брайс.

Голос Эмбер был спокоен. Подозрительно спокоен.

Брайс побрела на кухню, на манящий запах кофе. Когда она проходила мимо дивана, Итан почему-то хмыкнул. Боги, ей сейчас позарез нужна чашка крепкого кофе.

– Что нового? – все тем же наигранно бодрым голосом спросила Брайс. – Надеюсь, вы добрались домой без приключений?

За окнами светило утреннее солнце. Мимо пролетали ангелы и ведьмы. Стоя в лучах яркого утреннего света, Брайс вдруг сообразила, что, кроме поношенной футболки с выцветшей надписью «Летний лагерь общины Нидарос. Сезон 15 023 года» и трусиков, на ней... почти ничего не надето. Неудивительно, что Итан хмыкнул. Ее сиреневые кружевные короткие трусики практически не скрывали того, что под ними. Брайс подавила желание натянуть кромку футболки и прикрыть полуголый зад.

Глаза Ханта помрачнели, но он лишь прислонился к кухонному столу и молча протянул ей чашку кофе.

– Мы прекрасно доехали, – продолжала Эмбер. – Прибыли раньше, чем собирались. Так что прошлись по магазинам и сделали кое-что по дому.

Брайс перевела телефон в громкий режим и положила на стол, а сама отошла на несколько футов, словно мобильник был гранатой из сгущенного первосвета, которая вот-вот взорвется.

– Замечательно, – ответила Брайс.

Она могла поклясться: Хант едва сдерживался, чтобы не засмеяться.

– У нас осталось предостаточно времени, чтобы ответить на череду поступающих звонков. Нас спрашивали, когда свадьба.

Хант отхлебнул кофе. Итан лишь недоуменно косился на нее. Ничего удивительного, она же ничего не сказала волку.

Брайс попыталась улыбнуться и, сама того не желая, скрипнула зубами:

– Вы с Рандаллом решили повторить брачную церемонию?

Эмбер молчала. Нараставшая волна была готова вот-вот обрушиться на Брайс.

– Как понимать эту помолвку? Как уловку, чтобы заставить Ханта наконец-то признаться тебе в любви и сделать предложение?

Хант подавился кофе.

Боги! Брайс захотелось облиться обжигающим кофе и расплавиться, превратившись в ничто.

– Я тебя умоляю, – прошипела она, схватив телефон и отключив громкую связь. Слабая мера. Хант и Итан с их прекрасным слухом и так услышат каждое слово Эмбер. – Мама, это не настоящая помолвка...

– Я бы так не сказала, Брайс Аделаида Куинлан. – Голос матери с каждым словом становился все выше. – И насколько я могу судить, ты действительно помолвлена с наследным принцем Аваллена! Ты хоть знаешь, кто его отец?

– Мама, я не собираюсь за него замуж.

– Тогда почему столько моих бывших школьных подруг осведомлены об этом? Почему сети пестрят фотографиями вашей вчерашней встречи у тебя в кабинете?

Хант вопросительно качнул крыльями, но Брайс покачала головой. «Потом», – означал ее жест.

– Кормак устроил мне засаду.

– Что ты сказала?

– Не в прямом смысле. Но я не смогла этому помешать. И, – сказала Брайс прежде, чем мать начнет возражать, – у меня нет ни малейшего намерения выходить за принца Ползучку. Ты должна мне верить и не вмешиваться.

Брайс выразительно посмотрела на Ханта. «Ты тоже», – говорил ее взгляд.

Хант кивнул, поняв ее жест. Снова глотнул кофе. Видно, ему требовалось взбодриться.

– Рандалл в панике, – прошипела Эмбер.

– Рандалл или ты? Насколько помню, отец знает, что я могу постоять за себя, – с невольной резкостью ответила Брайс.

– Ты играешь с фэйцами королевских кровей, которые обхитрят тебя на каждом шагу. Наверное, они предвидели, что ты будешь молчать.

У Брайс заверещал телефон. Она сбросила входящее сообщение. Хвала Урде.

– Мама, я ценю твое доверие. Но сейчас мне нужно идти. У меня важная встреча.

– Не пытайся меня...

– Мама, послушай. – Ей было не остановиться, не сдержать поднимающуюся силу. Ее тело замерцало, словно она была котлом с кипящим звездным светом. – У тебя нет права голоса в том, что я делаю или не делаю, и, если тебе хватит сообразительности, ты будешь держаться от моих дел подальше.

Телефон молчал. Хант и Итан тоже молчали. Речь Брайс лилась неудержимо:

– Ты даже не представляешь, через что я прошла, с чем столкнулась и с чем сталкиваюсь сейчас. Но должна тебе сказать: эта мнимая помолвка не имеет ничего общего с прочими моими делами. Так что оставь свои волнения.

Матери и Рандаллу незачем знать, как она расправилась с Микаем. Она не могла рисковать, рассказав им.

Опять пауза. Потом мать сказала:

– Я чувствовала, что ты не просто так спроводила нас ни свет ни заря. Брайс, я хочу тебе помочь...

– Спасибо за чувство вины. Ты мастерски умеешь его вызывать.

Она буквально видела, как мать оторопела.

– Прекрасно. Если тебе что-то понадобится, мы в твоём распоряжении... ваше высочество.

Брайс начала отвечать, но мать отключилась. Брайс медленно, словно механическая кукла, закрыла глаза. В напряженной тишине прозвучал вопрос Ханта:

– Кормак приходил к тебе в архив?

Брайс снова открыла глаза:

– Только чтобы потрахать мне мозги.

Хант напрягся.

– Всего лишь мозги, – добавила Брайс.

– Почему ты мне не рассказала? – насторожился ангел.

– Потому что вскоре после его ухода мне позвонила Селистена и попросила явиться за тобой в подземелье... Избавь меня от всяких штучек мужчины-собственника, – предупредила она, оскалив зубы.

– Ты вольна скрывать такие вещи от родителей, но не от меня. Мы же команда.

– Я совсем забыла. Ничего страшного не случилось.

– Ладно. – помешкав, Хант поднял руки. – Пусть будет так. Извини.

Брайс уловила недоумение Итана. Волк пристально смотрел на нее.

– Хант тебе расскажет о моих радостных новостях. – Она посмотрела на часы. – А у меня действительно встреча, и мне надо одеться.

Хант вопросительно посмотрел на нее, однако Брайс молча ушла к себе.

Спустя час она вышла из комнаты, успев принять душ и одеться для работы. Хант к тому времени уже был в своей форме Тридцать третьего легиона.

Итан отжимался на полу перед телевизором. Брайс позавидовала изумительной легкости его движений.

– Я вернусь к полудню, когда появится Тарион. Ешь все, что найдешь в холодильнике. Если что-то понадобится, звони.

– Спасибо, мамочка, – ответил Итан, не прекращая отжиманий, на что Брайс показала ему язык.

Она открыла дверь и, прежде чем выйти на площадку, прикрепила поводок к ошейнику Сирикса. Вчера ей было одиноко без химера. Может, она даже чуть ревновала зверюшку к Итану. Сегодня присутствие Сирикса будет очень даже нелишним. Пусть укусит принца Кормака за задницу, если тот снова припрется.

Подожел лифт. Из квартиры выскочил Хант. Все мышцы в теле Брайс завибрировали, словно наэлектризованные. Неужели кабина всегда была такой маленькой? Или крылья ангела за ночь выросли?

– Почему у нас с тобой сплошные странности? – спросил Хант.

Не нашел лучшего времени. Ей и так паршиво.

– Разве у нас странности?

– Не играй в дурочку. Вспомни, вчерашний вечер был более чем странным. Да и сегодняшнее утро тоже.

Брайс привалилась спиной к стенке кабины.

– Извини, – только и могла она сказать. – Извини.

– И все-таки когда ты собиралась мне рассказать о визите Кормака в архив? Что вообще он говорил?

– Что мы с тобой – парочка неудачников, а я – избалованная девчонка, которая так и не стала взрослой.

– Он до тебя дотрагивался?

По крыльям Ханта заскользили молнии. Освещение в кабине замигало.

Не успела Брайс ответить, как кабина остановилась на первом этаже. Они молча прошли мимо консьержа Маррина – оборотня-медведя. Он приветливо им помахал.

– Успокойся. Он меня пальцем не тронул, – сказала Брайс, когда они с Хантом вышли на жаркий, залитый солнцем тротуар. – Кормак – обыкновенный лицемер. В городе их что-то много развелось.

Она указала на небо, полное ангелов, летящих в сторону Центрального делового района, где возвышалось внушительное здание Комитиума. Украшений в честь Селистены стало еще больше.

– Никаких потасовок сегодня. Договорились?

– Постараюсь.

Они дошли до угла, где Брайс нужно было поворачивать направо, а Ханту – налево.

– Хант, я серьезно. Никаких потасовок. Нам нужно сидеть тихо.

Особенно сейчас. С недавних пор они оказались слишком близки к Офиону, а это вовсе не способствовало спокойствию.

– Обещаю, но только если ты позвонишь мне сразу же, если принц Придурок снова заявится.

– Хорошо. А ты сообщи, если Тарион вдруг тебе позвонит. Или если что-то узнаешь об...

Брайс оглянулась по сторонам. На каждом приукрашенном столбе, на каждом доме торчали камеры. Она не могла произнести вслух имя Эмиля.

Хант напрягся и подобрал крылья:

– Нам надо об этом поговорить. Я...

Его глаза потемнели. У Брайс защемило сердце. Она знала, какие воспоминания нахлынули на Ханта. Но наконец-то. Этого разговора она давно ждала.

– Брайс, я знаю, ты хочешь помочь, и это похвально. Однако, прежде чем вступать, нам нужно все тщательно взвесить.

Брайс потянулась и сжала ему руку.

– Хорошо, – сказала она, ощущая его мозолистую ладонь. – Своевременное напоминание.

– Тарион меня вчера изрядно взбудоражил, – продолжал Хант. – Вытащил столько разного дерьма из глубин. Мне стало тревожно за тебя. Если ты хочешь продолжать со всем этим... давай вначале обстоятельно поговорим.

– Хорошо, – повторила Брайс. – Но пока я собираюсь встретиться с Фьюри.

В мозгу крутилось слишком много вопросов. Она просто обязана встретиться с подругой.

– Конечно, – согласился Хант, хотя тревога и сейчас сквозила в его взгляде. – Держи меня в курсе. – Он разомкнул руки. – И не думай, что мы закончили говорить о странностях между нами.

С этими словами он взмыл в небо, не дав ей ответить.

Брайс уселась на табурет у восьмиместной стойки ее любимого чайного бара с длинным названием «Буря в чайной чашке».

Бар находился на Чернильной улице, в самом сердце Старой Площади. Стены домов этой узкой, больше похожей на переулок улочки были густо расписаны граффити. Сейчас здесь царила тишина. Большинство магазинов открывались позже. Работали только бар и маленькая, торгующая через окно пекарня, втиснувшаяся между двумя салонами татуировки. Ближе к полудню начнут открываться едальные заведения. На тротуарах появятся столики и скамейки. Но окончится обеденный перерыв у окрестной офисной публики, и Чернильная снова затихнет до вечера. Тогда начнется вторая волна: окончившие работу поспешат сюда пропустить по кружке пива, угоститься коктейлем и снова перекусить. Третья придет с заходом солнца, когда на улицу повалят толпы пьяных придурков.

– Доброе утро, Би, – поздоровалась Юнипера. – Хотела повидаться с тобой перед репетицией.

Вьющиеся волосы фавны были уложены в элегантный шиньон. Коричневая кожа сияла на утреннем свете. Юнипера стояла рядом с Фьюри. Та сидела на табурете и что-то листала в телефоне.

– Привет. – Брайс чмокнула подругу в шелковистую щеку. – Потрясающе выглядишь. Даже завидно.

– Посмотрела бы ты на меня через час, – засмеялась Юнипера. – Пот будет с меня хлестать ручьями.

– Ты и тогда останешься потрясающей, – сказала Брайс; Фьюри кивнула, не отрываясь от экрана. – Девочки, вы уже сделали заказ?

– Угу, – ответила Фьюри, откладывая телефон. – Так что присоединяйся.

– Мой навынос, – пояснила Юнипера и постучала по своей темно-синей полуоткрытой балетной сумке, откуда выглядывало ее розовое трико.

Брайс смотрела на подругу. Юнипера была настоящей красавицей. Изыщная, высокая, тонкая. Никакого намека на «неподходящее телосложение», как когда-то заявляли Юнипере.

Брайс мысленно представила себя на месте фавны. Представила ощущения, когда ты торопишься на утреннюю репетицию с балетной сумкой, где лежит все нужное для танцев, а не бумаги и прочая офисная дребедень. Брайс уперлась в ножные перила и попробовала вытягивать и изгибать ступни, словно проверяя силу и податливость балетных туфелек.

Ей был хорошо знаком подъем, который охватывает во время выступления. Она жаждала этого состояния в Нидаросе, танцую с небольшой группой на школьных переменах. Брайс была

лучшей танцовщицей в городе и во всей их гористой округе. А потом она приехала в Лунатион и узнала, внутри какого хрупкого пузыря жила до сих пор. Если честно, она сомневалась, что сумела бы продержаться с таким упорством, как Юнипера, но... при виде фавны в ней шевельнулось что-то из давних мечтаний и устремлений.

Брайс сглотнула, вздохнула, смахивая паутину несбывшихся желаний. Дважды в неделю она танцевала у госпожи Кайры, и это доставляло ей немало удовольствия. Когда-то эта женщина блистала на сцене городского театра, пока не решила открыть свою студию. Кайра понимала ее состояние.

– Что вы сегодня репетируете?

– «Марселину», – ответила Юнипера, и ее глаза вспыхнули. – Но у меня там нет ведущей партии.

– А я думала, ты все эти недели репетировала с расчетом на главную роль, – удивилась Брайс.

– Оказалось, что костюм Марселины на Юнипере не смотрится, – сухо пояснила Фьюри.

– Это часто становится решающим в распределении ролей, – быстро добавила Юнипера. – Но я довольна сольной партией.

Брайс и Фьюри переглянулись. Она вовсе не была довольна. Но после весенних событий городской театр словно побаивался перемен и отложил многое из задуманного. Это касалось и перевода Юниперы из разряда солисток в примы.

Юнипера была не настолько наивной, чтобы не догадываться о других причинах. Сидя с подругами, она часто задавалась вопросом: не являлось ли это мстью? Ведь тогда, в бомбоубежище, она единственная потребовала, чтобы двери не закрывали раньше времени, и это помогло многим людям укрыться. Она не побоялась возразить богатейшим меценатам театра, совсем не думая о последствиях для своей карьеры.

Первая фавна, принятая в труппу ведущего театра. И вдруг – прилюдное обвинение меценатов в трусости и эгоизме.

Как говорят в таких случаях, сама себе подгадила.

Юна уселась рядом с Брайс и вытянула свои длинные ноги. Еще один год за кулисами в ожидании, когда представится случай блеснуть.

– И кто вместо тебя будет танцевать Марселину?

В театре существовало правило: главные роли не были закреплены за кем-то одним. Их попеременно танцевали разные примы и признанные солистки.

– Коринна, – с подозрительным бесстрашием ответила Юнипера.

– Да ты в двадцать раз ее превосходишь. – Брайс нахмурилась.

– Нет, – тихо засмеялась Юна.

– Не нет, а да, – возразила Фьюри.

– Давай признавайся, – сказала Брайс, пихнув Юниперу локтем. – Не надо ложной скромности.

Юна пожала плечами и улыбнулась официантке, протянувшей ей зеленый чай в стакане с крышкой.

– Хорошо. Может, в два раза.

– Вот это мне нравится, – похвалила Фьюри и кивком поблагодарила официантку, подвинувшую ей керамическую чашку с заказом.

Юнипера сняла крышку и подула на обжигающе горячий чай.

– Ты думала над предложением от труппы Хеприн? – спросила Брайс.

– Да, – пробормотала Юна.

Фьюри погрузилась в созерцание содержимого кружки.

– И что? – не отставала Брайс. – Они же буквально умоляли тебя стать их примой.

То же касалось и трех других небольших балетных трупп города.

– У них чудесная труппа, – тихо сказала Юна. – И все же они на шаг позади.

Брайс кивнула. Она понимала слова Юниперы. На Вальбаре местный театр оперы и балета был вершиной, о которой мечтала каждая балерина. Далекой звездой, зовущей к себе. Юна почти коснулась лучей этой звезды. Казалось, еще немного – и она станет примой. Недавний сольный спектакль не в счет. Она по-прежнему находилась в подвешенном состоянии.

– Хочу продержаться еще год, – сказала Юна. Она закрыла крышку стакана и встала. – Посмотрю, не изменится ли что.

В ее больших красивых глазах на мгновение мелькнула боль.

– Обязательно изменится, – заверила Юну Брайс, поскольку не могла предложить подруге ничего, кроме надежды.

– Спасибо. Я пошла. Увидимся дома. – Юнипера быстро наклонилась, чтобы поцеловать Фьюри.

Та не сразу ее отпустила. Коснувшись щеки Юны, она задержала фавну на несколько мгновений, отчего поцелуй оказался крепче. Потом Фьюри отстранилась и сказала:

– До встречи дома.

Каждое ее слово было наполнено чувственным обещанием.

У Юниперы на миг перехватило дыхание. Щеки покраснели. Она повернулась и поцеловала Брайс в щеку.

– Пока, Би, – сказала она и вышла на солнечную, пыльную улицу.

– Ты сильно переживаешь из-за нее? – спросила Брайс, искоса взглянув на Фьюри.

– Не то слово, – усмехнулась наемница.

– Как ваш романтический вечер?

Фьюри Акстар отхлебнула из кружки:

– Исключительно.

Ее удовлетворенность и счастье не были наигранными. Брайс улыбнулась:

– Кстати, что ты пьешь?

– Чай с миндальным молоком и специями. Довольно вкусно.

– Ты прежде не бывала здесь?

– Разве я похожа на ту, кто ходит по чайным барам?

– Да... Или нет?

Фьюри засмеялась. Ее темные волосы качнулись. Невзирая на жару, она была в своем обычном черном наряде.

– Или нет. Так что за неотложное дело, о котором ты хотела поговорить?

Брайс ответила не сразу. Вначале она заказала себе порошковый чай с овсяным молоком.

– Это касается Даники.

Пусть они с Хантом не обговорили всего, что было связано с Эмилем. Разговор с Фьюри не станет опережением событий. Может, она узнает правду, не втягиваясь в орбиту Офиона?

В столь раннее время в баре находились лишь официантка и еще один посетитель. Улица была пуста, если не считать нескольких кошек, роющихся в мусорных баках. Можно разговаривать, не опасаясь подслушивания.

Лицо Фьюри оставалось бесстрастным. Ни искорки интереса.

– Это как-то связано с появлением Итана в твоей квартире?

– Как ты вообще об этом узнала?

Фьюри самодовольно улыбнулась. Брайс покачала головой:

– Ладно, не буду допытываться. Нет, Итан тут ни при чем.

– Насколько помню, Итан всегда неровно к тебе дышал.

– Ошибаешься. Он неровно дышал к Натали.

– Пусть будет так.

– Я вообще не об этом. – Брайс не знала, с чего начать. – Ты знала про историю Даники с синтом. Я подумала: может, ты знаешь еще что-то... что она держала в тайне от меня.

– Можешь объяснить подробнее? – спросила Фьюри, делая очередной глоток душистого чая.

Брайс скорчила гримасу.

– Это не просто просьба, – убийственно спокойным голосом добавила Фьюри.

Брайс сглотнула и тихо, так чтобы слышала только Фьюри, рассказала ей о Зофи Ренаст, Тарионе, Речной Королеве, Эмиле с его необыкновенным даром и охоте за мальчишкой. Рассказала она о брошенной лодке и людях Офиона, искавших Эмиля. От этого она перешла к месту встречи, на которое Даника намекала еще три года назад, и туманным упоминаниям о Проекте Турр и Правде Сумерек в электронной переписке Даники и Зофи.

Когда она закончила рассказ, Фьюри допила чай и сказала:

– Мне требуется что-нибудь покрепче чая.

– С тех пор как Тарион все это рассказал, я не могу успокоиться, – все тем же полупешепотом призналась Брайс. – Пока ясно одно: Даника и Зофи были знакомы. И настолько тесно, что Зофи попросила Данику найти ей место, где в случае необходимости можно надежно спрятаться.

Фьюри барабанила пальцами по барной стойке.

– Я тебе верю. Но Даника никогда не намекала на связь с мятежниками. И по своим обычным каналам я этого тоже не видела.

Брайс облегченно ссутулилась. Может, все зашло не так уж далеко. Может, знакомство Даники и Зофи вообще не было связано с Офионом.

– Как ты думаешь, место встречи могло находиться в Костяном Квартале? – спросила Брайс, моля богов об отрицательном ответе.

– Даника ни за что не отправила бы туда ребенка, даже если у него дар буревестника. И она была не настолько глупа, чтобы писать о подобных вещах в электронном письме.

– Да, – хмуро согласилась Брайс. – Ты права.

– Что касается Правды Сумерек и Проекта Турр... – Фьюри пожала плечами. – Понятия не имею. Но Даника всегда интересовалась разной экзотической лабудой. Могла часами зависать на научных сайтах.

Брайс улыбнулась одними губами. Тоже правда.

– А как по-твоему, могла ли у Даники быть еще какая-то тайная сторона жизни?

Фьюри задумалась.

– Единственная тайна Даники, о которой мне известно... Она была ищейкой.

– Как ты сказала?

Фьюри махнула официантке, заказав еще чая со специями.

– Не просто ищейкой. Она была способна вынюхивать чужие родословные и скрытые там секреты.

– Я знаю, Даника обладала потрясающим чутьем, – согласилась Брайс. – Но я и не подозревала, что ее способности...

Брайс умолкла. Память услужливо подсказала ей один эпизод.

– Помню, на первом курсе мы с нею во время зимних каникул поехали в Нидарос. Она безошибочно назвала семейные связи всех наших соседей и моих бывших одноклассников. Я тогда приписала это ее волчьему чутью. Или дело не только в нем?

– Я узнала об этом, поскольку наша первая встреча началась со столкновения. Она кое-что вынюхала в моей жизни и хотела понять. – Глаза Фьюри потемнели. – У нас состоялся откровенный разговор. Даника узнала кое-что опасное обо мне. Я в долгу не осталась и узнала кое-что опасное о ней.

Со стороны Фьюри это было редким признанием. Брайс и сейчас практически ничего о ней не знала.

– А почему опасно быть ищейкой?

– Потому что одни не пожалеют денег, чтобы заполучить обладателя такого дара для своих нужд. А другие не пожалеют денег, чтобы этого обладателя убрать. Представляешь, ты узнаёшь правду о чьем-то происхождении, не какого-то обывателя, а политика или сомнительной особы королевской крови. Уверена, этот дар она получила по отцовской линии.

Возможно, это и было причиной, заставлявшей Данику молчать о своем даре. Она никогда не говорила о бесстрашном и напористом мужчине, которому удалось трахнуть Сабину.

– И ты не сочла нужным рассказать мне об этом, когда велось разбирательство?

– Это было лишним. И это было только одним из многочисленных дарований Даники.

У Брайс зачесались глаза. Она подняла руку, но тут же опустила, вспомнив о макияже.

– Каковы шансы, что Зофи об этом знала?

– Не знаю. Наверное, незначительные... А ты уверена, что тебе нужно во все это влезать?

Искать мальчишку?

– Дело не только в Эмиле, – призналась Брайс. – Я хочу узнать о замыслах Даники. У меня такое ощущение, что она всегда была на два шага... нет, на десять шагов впереди. Я хочу знать обо всем, чем она занималась.

– Брайс, Даника мертва. Узнаешь ты или нет, это ничего не изменит.

Жесткие слова подруги заставили Брайс поежиться.

– Я понимаю. Но если Даника была связана с Офионом, с Зофи... Я хочу найти Зофи, если та жива. Узнать все, что Зофи известно о Данике, и как они вообще познакомились. Наконец, действительно ли Даника была связана с Офионом.

– Ты влезаешь в очень опасное дерьмо.

– Хант сказал то же самое. И... вы оба правы. Может, я действительно дура, если с самого начала не послала все это подальше. Но даже если на время забыть, что Эмиль – мальчишка, за которым охотятся очень настырные люди, если я помогу Тариону его найти, это приведет меня к Зофи или к сведениям о ней. И к ее ответам по поводу Даники.

Фьюри жестом поблагодарила официантку и отхлебнула из новой кружки.

– И что ты будешь делать, когда узнаешь правду?

Брайс закусила губу.

– Наверное, буду молить Ктону, чтобы принять эту правду.

14

Скрестив руки, Хант стоял на крыше Комитиума, где располагались тренировочные площадки. Он пытался сосредоточиться на ближайшей упражняющейся паре и не замечать обжигающего солнца, которое грозило опалить ему крылья. Рядом с ним потел Исая, тоже следящий за упражняющимися бойцами. Женщина была быстрее и смысленнее своего противника, однако тот обладал преимуществом в сто фунтов дополнительного веса. Каждый из его ударов ощущался как столкновение с пикапом.

– Ставлю на этого парня, – пробормотал Исая.

– Я тоже. Она еще слишком зеленая и долго не продержится.

Хант отер пот со лба, радуясь, что укоротил волосы еще до наступления жары. Солас медленно поджаривал их, будто мясо на углях. Хорошо еще в казарме он успел переодеться в шорты и футболку.

– В конечном счете это особого значения не имеет, – сказал Исая, видя, как мужчина эфесом меча ударил соперницу в челюсть. Брызнула кровь. – Если мы не вляпаемся в войну.

В войну – великую уравнильницу всего.

Хант промолчал. Ночью он почти не спал. Не мог успокоить кружащиеся мысли. Ему хотелось поговорить с Брайс, но стоило ему приблизиться, как вены наполнялись кислотой, растворявшей все слова. Даже утром единственное, что он смог выдать, – это речь о необходимости поговорить.

Но Брайс не была бы Брайс, если бы не видела всего этого и не знала, что не дает ему покоя. Взяв его за руку, она сказала «да».

Хант проверил мобильник. До обещанного визита Тариона оставался час. Отлично.

– А ты как думаешь? – отрешенно спросил Исая. – Нас опять бросят туда? На те же поля сражений?

Хант знал, о каких полях речь, хотя таких полей было множество. Десятилетия назад, когда Офион только зарождался, Сандриела послала их с Исайей убивать человеческих мятежников.

– Надеюсь, что нет, – ответил Хант, преграждая путь хлынувшим картинам прошлого.

Бойня посреди раскисших от дождя полей. Дымящиеся механокостюмы, а внутри – истекающие кровью люди, управлявшие ими. Груды сломанных крыльев, высящиеся до небес. Помнится, тогда некоторые оборотни спятили, обратились в зверей и птиц и пировали на трупах вместе с воронами.

Он взглянул на Исая. Что бы сказал друг, узнай он о вчерашнем приходе Тариона? Слова их тогдашнего спора в палатке Шахары и сейчас звенели в ушах Ханта. «Аталар, это опасная глупость. Мы полетим на собственную гибель. У нас ни союзников, ни путей отступления. Вы оба погубите нас всех!»

Хант тогда прогнал друга из палатки, а сам лег рядом с Шахарой, которая не спала и, лежа на походной койке за занавеской, слышала весь разговор. Она успокоила Ханта, сказав, что Исая ошибается, что в нем говорит трусость. И Хант ей поверил, поскольку, как он впоследствии понял, сам боялся. Он ей поверил, и потом они самозабвенно трахались. А спустя несколько часов после восхода солнца Шахары не стало.

Хант тряхнул головой, прогоняя воспоминания, и вновь сосредоточился на зрелище поединка. Женщина пригнулась и ударила противника кулаком в живот. Он рухнул, словно мешок с мукой. Хант усмехнулся, еще не до конца освободившись от ужаса воспоминаний.

– Приятная неожиданность, – сказал он и стал смотреть на другие пары состязающихся.

У всех на коже блестел пот. Белые, черные, коричневые и серые крылья громко шелестели. Лица многих были перепачканы кровью.

Наоми парила в воздухе, обучая отряд бомбометателей. Хант старался не смотреть в дальний конец площадки, где Поллукс и Баксиан наблюдали за отрядом новобранцев. Баксиан почему-то был в своем облике крупного пса, черная шерсть которого влажно поблескивала.

Было странно видеть здесь два этих куса дерьма вместо Вик и Юстиниана.

Нечего вообще на них смотреть, однако он смотрел. Оценивал звериный облик Изверга. Ханту доводилось видеть, как этими челюстями Баксиан отгрызал противникам руки и ноги. По суше он перемещался со скоростью, не уступающей скорости полета. Словно почувствовав на себе внимательный взгляд, Баксиан повернул голову, и его темные глаза сверкнули.

Во взгляде Баксиана Хант прочитал откровенный вызов, и в нем все встрепенулось. Настороженность не прошла и тогда, когда Изверг вернул себе облик ангела, ошеломив других малакимов.

– Расслабься, – посоветовал Ханту Исая.

В этот момент Баксиан что-то сказал Поллуксу и неспешно двинулся в их сторону.

Ростом Баксиан почти не уступал Ханту. Несмотря на изнуряющую жару, он целиком был в черном – под цвет своим крыльям и собачьей шерсти своего звериного обличья.

– Знаешь, Аталар, я думал, что ваши занятия на Вальбаре проходят поинтереснее. Удивляюсь, как ты еще не помер здесь со скуки.

Исайя подмигнул Ханту и благоразумно пошел проверять состояние парня, побежденного соперницей.

Предатель.

– Некоторые из нас истосковались по нормальной жизни, – ответил Хант.

Баксиан усмехнулся:

– После всех тех сражений, после завоеванной тобой славы, обладая даром метать молнии... ты жаждешь заурадной работы с девяти до пяти? – Он дотронулся до шрама на шее. – Воин, нанесший мне этот шрам, ужаснулся бы таким желаниям.

– Воин, который тебе его нанес, всегда хотел мира, – процедил сквозь зубы Хант.

– Когда твоя молния обожгла меня, угрожая сжечь заживо, мне так не показалось.

– Тогда вспомни, как ты не моргнув глазом выдал Сандриеле семью мятежников. Сам напросился.

Баксиан тихо и невесело засмеялся. В его черных крыльях шелестел жаркий сухой ветер.

– Ты всегда был дурнем, понимавшим все буквально. Не научился читать между строк.

– Как понимать твои туманные словечки? – спросил Хант, и вокруг его пальцев заплясали молнии.

– Пусть я и не был рабом, как ты... до недавнего времени. – Баксиан кивком указал на чистый лоб Ханта. – Но выбора у меня было не больше, чем у тебя. И потому я тоже служил Сандриеле. Только не выказывал недовольства.

– Не гони. Ты охотно ей служил. Решил переписать историю, перебравшись на новое место? Не получится.

Крылья Баксиана зашелестели.

– Ты ни разу меня не спросил, почему я пошел к ней в триарии. Ни разу за десятки лет. Ты так ведешь себя со всеми, Аталар. Поверхностно.

– Отвали и занимайся тем, что тебе поручили.

– А мне это и поручили. Губернатор прислала сообщение и велела наладить с тобой партнерские отношения.

У Ханта свело живот. Неужели Селистена каким-то образом узнала, что Тарион разыскивает мальчишку-буревестника и что он обращался к Ханту за помощью? Вот и приставила к нему Изверга в соглядатаи. Будет доносить о каждом его шаге.

– Мне только тебя не хватало... подарочек от Хела.

– Я был вынужден целых сто лет провести бок о бок с этим негодяем. – Баксиан усмехнулся и кивнул туда, где стоял Поллукс. – Теперь пусть эту ношу тянет кто-то другой.

Он махнул в сторону Наоми.

Эгоистично ли испытывать радость, что его не поставили в одну упряжку с Молотом?

– Почему она не сказала нам утром, во время встречи?

– Думаю, хотела понаблюдать за нами. – Баксиан наклонил голову, указывая на камеры. – Чтобы наше поведение не изменилось раньше времени. А потом решила, кого с кем поставить.

– С какой целью?

Словно в ответ, у Ханта завибрировал телефон. На экране светилось сообщение от Селистены.

«Сегодня Исайя сопровождает меня по городу. Я встречаюсь с представителями местных властей. Вам с Наоми я поручаю помочь освоиться двоим нашим новичкам. Мне бы хотелось, чтобы ты установил партнерские отношения с Баксианом. Введи его в курс дела, расскажи о существующих правилах. Это касается не только особенностей Тридцать третьего легиона, но и устройства жизни в городе. Помогите ему влиться в жизнь Вальбары».

Хант задумался, хотя все внутри его стонало. Он помнил, что вся крыша Комитиума утыкана камерами. Наверное, сейчас архангелица следила за выражением его лица.

– Она что же, поручила Наоми помочь Поллуксу освоиться?

Судя по хмурой физиономии Исаяи, тот тоже получил сообщение. Он мельком взглянул на Ханта. Исаяя был взбудоражен, и причина крылась не в выпавшей ему чести сопровождать губернатора. Хант это прекрасно понимал.

Хант повернулся к Баксиану. Тот наверняка догадался, какие распоряжения получил ангел.

– Хела с два Поллукс позволит кому-то вводить его в курс дела и рассказывать о правилах.

– Тогда пусть сам себе роет могилу в этом городе. Он слишком рассержен разлукой с Ланью, оттого и не понимает новой реальности.

– Вот уж не думал, что Молот может переживать из-за разлуки с кем-то.

– Дело не в переживаниях. Он привык контролировать то, что... считает своей собственностью.

– Лань не принадлежит никому.

Не сказать чтобы Хант хорошо знал Лидию Сервос. Когда он служил у Сандриелы, она редко там появлялась. Большую часть времени Лань проводила, выполняя поручения астериев. Ей поручались шпионские задания и добывание сведений из пленных мятежников. Оказываясь в замке Сандриелы, она либо совещалась с архангелицей за закрытыми дверями, либо трахалась с Поллуксом где придется. Хвала богам, что ее не прислали сюда. Или Гарпию.

Но если Эмиль Ренаст направлялся в Город Полумесяца...

– Значит, Лань не появится в Лунатионе? – на всякий случай спросил Хант.

– Нет. Утром она позвонила Поллуксу. С тех пор он и ходит смурной.

– Мордок наконец-то сделал свой выбор?

Речь шла о командире волкожутней Лани, не менее впечатляющей фигуре, чем его повелительница.

Баксиан усмехнулся:

– Характером он не похож на Лидию. Как говорят, у него не те яйца, чтобы вступать в противоборство с Поллуксом.

– Получается, Мордок вместе с нею перекочевал к Эфраиму? – осторожно спросил Хант.

– Ага, – ответил Баксиан, продолжая следить за Поллуксом. – Сейчас они все в Форвосе. Последние недели Эфраим не отпускает их от себя ни на шаг. Лань крайне обозлена, а Гарпия и того сильнее.

Итак, Лань не занималась поисками Эмиля. По крайней мере, в данный момент. Тогда главной опасностью для мальчишки оставались агенты Офиона. Надо будет сообщить об этом Тариону.

– Я думал, что вы с Гарпией – пара. Но ты вроде не слишком огорчен разлукой.

Баксиан снова тихо засмеялся. Ханту показалось, что смех Изверга царапает ему кости.

– Она и Поллукс составили бы более удачную пару, чем он и Лидия.

Лидия. Хант не слышал, чтобы Баксиан когда-нибудь называл Лань ее настоящим именем, но сегодня он сделал это дважды.

– Эфраим еще поплачет с нею, – усмехаясь, продолжал Баксиан. – Жаль, что я этого не увижу.

Хант почти пожалел Эфраима, которому досталась Гарпия.

– А как там Ястреб?

– Занимается тем, что всегда у него получалось наилучшим образом, – старается переплюнуть Поллукса в жестокости.

Этот оборотень-ястреб давно был главным соперником Поллукса за власть. Хант десятилетиями старался держаться от него подальше. Баксиан, как выяснилось, тоже. Хант не помнил, чтобы когда-то видел их вместе.

– Ты же теперь вольная птица, – осторожно сказал Хант. – Сандриелы больше нет. Зачем вообще ты продолжаешь служить?

– Я и тебя могу спросить о том же. – Баксиан провел рукой по потным волосам.

– Мне нужны деньги.

– Неужели? – Баксиан прищелкнул языком. – Ну да, я так понимаю, Брайс Куинлан – дорогостоящая подружка. Принцессы любят разные красивые штучки.

– Вот именно.

Хант не стал отрицать, что Брайс – его подруга. Не стоит давать Баксиану повод для подтруниваний.

– А мне она нравится, – продолжал Баксиан. – Как говорят, девка с яйцами.

Исайя окликнул Ханта. Хант обрадовался поводу закончить этот разговор.

– Вот тебе первое правило для понимания здешних условий, – сказал он Баксиану. – Не заговаривать со мной, пока я сам с тобой не заговорю.

Будучи непосредственным заместителем Исайи, он превосходил Баксиана по званию.

Глаза Баксиана вспыхнули, словно до него дошло.

– Я серьезно отношусь к поручению Селистены.

– Знаю. – Хант хищно ему улыбнулся.

Если ему суждено помогать Баксиану осваиваться, он с удовольствием втащит Изверга в современные реалии. Тот еще не раз поорет и побрыкается.

– Я тоже, – добавил Хант.

У Баксиана имелись основания, чтобы занервничать.

Тариону отчаянно хотелось стать владельцем квартиры Брайс Куинлан.

Но такая роскошь была ему не по карману. Скорее солнце взойдет в глубинах Хела, чем Речная Королева позволит ему жить на суше. Эта мысль заставила его нахмуриться. Тарион постучал в дверь.

Щелкнул замок. Дверь приоткрылась, выглянул Итан Холстром.

– Брайс еще не вернулась, – сообщил волк, настороженно покосившись на Тариона.

– Она мне так и сказала.

Тарион достал мобильник и показал обмен сообщениями с фэйской принцессой, произошедший несколько минут назад.

«Я у двери твоей квартиры и готов рыться в ящиках с нижним бельем».

Брайс ответила немедленно. «Ты раньше времени. Я буду минут через десять. Не оставляй слюней на моих кружевных штучках. Или чего похуже».

«Не могу обещать», – ответил Тарион. Тогда Брайс попросила: «Только, пожалуйста, не трогай мой розовый лифчик».

К удивлению Тариона, Итан проверил номер и убедился, что это действительно Брайс. Смышленный волчонок. Итан подвигал челюстью и лишь потом сказал:

– Я думал, у нее отношения с Аталаром.

– Так оно и есть. – Тарион убрал мобильник. – Но по части ее нижнего белья у нас с Длинноногой полное взаимопонимание.

Русал шагнул вперед, всем видом показывая, что желает войти.

Итан напрягся и сверкнул зубами. Настоящий волк. Но все же он открыл дверь и отошел в сторону. Войдя, Тарион постарался не приближаться к нему. Сколько матчей по солнечному мячу с участием этого парня смотрел русал? Сколько раз орал в экран телевизора, приказывая

Итану: «Сюда бросай этот долбанный мяч!» Ему и сейчас было странно видеть Итана лицом к лицу и тем более находиться бок о бок.

Тарион плюхнулся на белый диван, удобный до неприличия, и утонул в подушках.

– Вчера ты что-то помалкивал насчет Даники, – сказал он Итану.

– Как понимать твои слова? – Итан прислонился к кухонному столу.

– Говорят, спортсмены туповаты. Но это явно не про тебя. Думаю, ты помнишь, о чем я вчера рассказывал Брайс.

– С какой стати Даника рассказала бы мне о знакомстве с мятежницей?

– Ты же вроде был весьма близок с нею.

– Она была моим командиром.

– Ты не входил в Стаю Дьяволов.

– Не входил, но собирался войти.

Тарион сбросил ботинки и водрузил босые ноги на кофейный столик. По телевизору шел выпуск спортивных новостей.

– А что ж ты не пошел в профессионалы?

– Тебя это не касается. – Лицо Итана напряглось.

– Верно. Я же «капитан как-его-там». – Тарион приложил руку к козырьку воображаемой фуражки. – Но если тебе что-то известно о странных знакомствах Даники, если ты догадываешься, о каком потайном месте могла она рассказать Зофи, употребив слова «где уставшие души обретают покой»... И даже если твой брат...

– Не смей говорить о моем брате! – зарычал Итан, отчего в кухонных шкафах зазвенела посуда.

– Понял. – Тарион поднял руки. – Значит, тебе ничего не известно.

– Мы никогда не говорили о мятежниках, войне или о чем-то таком, – сказал Итан, и у него дернулась жилка на подбородке. – Я не хочу в это вступать. И не хочу, чтобы втягивали Брайс. Одним упоминанием об этом ты ставишь ее под удар. Одно дело искать пропавшего мальчишку, но игры с Офионом кончаются сам знаешь где.

– У меня есть приказы, и я обязан их выполнять. – Тарион наградил парня ослепительной улыбкой.

– Тогда ты просто идиот, если в открытую болтаешь, что твоя королева разыскивает Эмиля.

– Возможно. Но если я ослушаюсь приказа, мне достанется от нее во сто крат хуже, чем тебе досталось от Сабины и Амелии. – Еще одна ослепительная улыбка. – И рядом не будет прекрасной Брайс, чтобы исцелять мои раны.

Итан снова зарычал. Понимал ли волк, как много может сказать разведчику это рычание? Когда-то он был таким смышленным игроком, не позволявшим противникам угадать его очередной маневр. Похоже, эту способность он утратил.

Однако Тарион продолжал:

– Перед гибелью Даника совершала много странных и труднообъяснимых поступков. Брайс об этом знает. Так что ты защитишь ее, отказываясь говорить.

Тарион встал и прошел к холодильнику, настороженно следя за каждым движением волка. Он открыл дверцу и стал высматривать, чем бы перекусить, когда Итан вдруг сказал:

– В университете она специализировалась по истории.

– Да? – разыграл удивление Тарион.

Итан пожал плечами:

– Однажды она мне рассказала, что собирает материал по теме, которая, скорее всего, создаст ей кучу неприятностей. Позже я спросил, как дела с собранным материалом. Даника коротко ответила, что сменила тему. Мне это до сих пор кажется странным.

Тарион захлопнул дверцу и прислонился к холодильнику.

– Почему?

– Потому что Даника отличалась целеустремленностью. Если что-то ее интересовало, она не останавливалась. Тем более когда дело касалось дипломной работы. Без серьезных оснований она бы не стала менять тему.

– Думаешь, студентка университета обнаружила что-то сверхсекретное и это привело ее в Офион?

– Даника не все время была студенткой университета.

– Ты ведь тоже не все время был игроком университетской команды.

– Ты спросил меня про Данику. – Итан проигнорировал колкость. – Кроме той истории с синтом и внезапного изменения темы работы, больше ничего рассказать тебе не могу. Извини, если не оправдал твоих ожиданий.

Тарион лишь посмотрел на парня, прислонившегося к кухонному столу. Одиноким волк.

Может, в Тарионе проявилась дурацкая участливость, но он сказал, кивая на телевизор:

– Вчера я не сумел посмотреть игру наших с командой Коринфа. Сейчас будут показывать наиболее яркие фрагменты. Давай посмотрим, пока ждем остальных?

Итан нахмурился. Тарион приложил руку к сердцу и пообещал:

– Никаких секретных шпионских штучек с моей стороны. Клянусь. – Он вздохнул. – Просто расслаблюсь на несколько минут.

Итан взвешивал его слова и следил за выражением лица русала. Когда-то волк схожим образом оценивал намерения своих противников на поле. Возможно, игрок в солнечный мяч не умер.

– Если голоден, у нас со вчерашнего вечера осталась пицца, – только и сказал Итан.

15

Рунн встретил сестру возле Фэйского архива. Было время обеденного перерыва, и толпы заполнили путаные улицы района Пяти Роз.

На них почти не обращали внимания. Фэйцы торопились поесть или сосредоточенно пялились в экраны своих телефонов. И все равно Брайс надела бейсболку и темные очки, прежде чем выйти на уличный зной, приглушить который не могли ни деревья, ни обильная зелень.

– Я не пользуюсь этой маскировкой, – сказал Рунн. Понятное дело, фэйская территория. – Меня мгновенно вычисляют.

– Я уже не выношу, когда на меня пялятся.

– Постепенно привыкнешь.

Брайс буркнула что-то. Рунн предпочел этого не слышать.

– Значит, Тарион снова пожаловал? – спросил он, когда она двинулись в сторону дома.

– Ага. И уже муржит Итана.

Потому-то она и позвала брата в качестве поддержки. Рунну это чрезвычайно льстило.

Они миновали шумный перекресток, где было полным-полно фэйцев, оборотней и редких дракийцев.

– Я так понимаю, ты попросила проводить тебя домой, поскольку опасаясь идти в одиночку по непредсказуемым улицам Города Полумесяца.

Рунн лукаво улыбнулся, кивнув на ангелов и ведьм, пронесившихся над головой, на маленького выдра в желтой жилетке и семью оборотней-лошадей, продвигавшихся между машинами.

Брайс посмотрела на него поверх солнцезащитных очков:

– Я хотела кое-что обсудить с тобой. Такое не доверишь телефону или сообщениям.

Рунн шумно выдохнул:

– Я понимаю, все это дерьмо, связанное с Кормаком, – полнейший абсурд.

– Речь не о Кормаке. О Данике.

– О Данике?

– Утром я встречалась с Фьюри. Она рассказала, что Даника была... ищейкой. Ты знаешь, что это такое?

– Да, – ответил Рунн, не скрывая удивления. – И ты решила сообщить мне об этом?

Сестра нетерпеливо махнула рукой:

– Даника очень многое скрывала от меня. Я тоже не вижу смысла дальше хранить секреты.

– Ты вправе сердиться на нее... даже после ее смерти.

– Избавь меня от лекций по самопомощи.

– Ладно. – Рунн поскреб подбородок. – Думаю, это объясняет, почему Даника раньше других узнала, что мы – брат и сестра.

Рунн всегда помнил ту вечеринку. Тогда он впервые увидел Данику, да и Брайс тоже, после многих лет отчуждения. Помнил он и пристальный взгляд Даники, обращенный на него. Потом она посмотрела на Брайс и изумленно выгнула брови. В тот момент Рунн понял: Даника догадалась о том, что было неведомо остальным, хотя Брайс и представила его как двоюродного брата. Он приписал это необычайной наблюдательности Даники.

– Я думала, что она просто умеет здорово вынюхивать, – сказала Брайс, обмахивая лицо. – Вовсе не гений или что-то в этом роде. Как ты думаешь, контакты с Зофи могли быть обусловлены этой ее особенностью?

– Мне это кажется натяжкой. Помимо своего дара, Даника была могущественной, влиятельной ваниркой. Зофи или Офион имел кучу причин для установления контактов с нею.

– Знаю. – Дальше они шли молча, пока не очутились у стеклянных дверей дома Брайс. – Зофи несколько лет пыталась узнать, где содержится Эмиль. Возможно, она считала, что Даника обладает каким-то влиянием.

Рунн кивнул. Ему не хватало воображения представить, как Эмилю удалось выжить в лагере, а Зофи – не сойти с ума от отсутствия вестей о судьбе брата. И все-таки она не сдалась, она узнала, где держат Эмиля, и сумела его освободить... У Рунна просто не находилось слов.

– Как ты думаешь, Даника имела какое-то влияние на события?

Брайс покачала головой:

– Могла бы иметь. Но насколько знаю, она даже не пыталась. Я вообще не понимаю, почему Зофи законтила не с кем-то, а именно с Даникой. Даника находилась здесь, Зофи – на Пангере. Все это как-то не вяжется. – Брайс перебросила свой конский хвост через плечо и досадливо засопела. – Я хочу знать: что Зофи было известно о Данике?

– Понимаю, – осторожно произнес Рунн. – И понимаю, почему ты хочешь найти Эмиля. Но повторю еще раз: на твоём месте я бы держался подальше от всех ухищрений Тариона и Речной Королевы по поиску мальчишки. Особенно если Офион тоже за ним охотится.

Брайс открыла дверь. В вестибюле дома работал кондиционер, отчего воздух казался покрывалом, сотканным из инея. Маррин по-прежнему сидел за столом. Брайс помахала оборотню-медведю. Рунн лишь сдержанно ему улыбнулся и вслед за сестрой вошел в лифт. Дождавшись, пока двери закроются, он тихо сказал:

– Аталар уже говорил тебе это вчера. Астерии могут тебя убить за одну лишь причастность. Даже за такое, казалось бы безобидное, стремление, как поиски ребенка.

Рунн дергал себя за серебряное кольцо, болтающееся в нижней губе, дожидаясь, пока лифт остановится.

– Если они сохраняют тебе жизнь, я бы задался вопросом: почему? Ты носишь на спине Рог Луны. Это уже немало. – Не удержавшись, Рунн посмотрел на спину сестры, где из-под

футболки виднелся самый верхний узор татуировки. – Нравится тебе или нет, но ты, Брайс, являешься могущественным игроком. Я отлично понимаю твоё желание быть обыкновенной и жить нормальной жизнью. Но с твоими дарованиями это тебе не светит.

Голос Рунна стал хриплым. Сохраняя бесстрастное лицо, она обернулась через плечо и посмотрела на него. Брат продолжал:

– Ты – Звезднорожденная. Ты носишь Рог Луны. Нырок подарил тебе невиданную силу. Для прежней Брайс, какой ты была до весенних событий, поиски Эмиля имели бы некоторые последствия, и не более того. А для нынешней Брайс? Любой сделанный тобой шаг будет политизирован, проанализирован и воспринят как акт агрессии, мятежа или откровенной войны, что бы ты при этом ни говорила.

Брайс громко вздохнула, но её глаза потеплели. Может, от слов Рунна или от признания им своей собственной нелегкой судьбы.

– Знаю, – только и сказала она, открывая дверь квартиры.

Тариона они застали на диване рядом с Итаном. Телевизор, включенный на избыточную громкость, сообщал результаты спортивных состязаний. Тарион жевал кусок пиццы. Длинные ноги русала были вытянуты, и босые ступни покоились на кофейном столике.

Рунн уже собирался пройти дальше и схватить другой кусок пиццы, как Брайс вдруг замерла.

Это была типично фэйская неподвижность, когда замерший оценивает степень угрозы. Рунн инстинктивно насторожился; его инстинкты требовали защищать, атаковать и уничтожать любую опасность для близких. Он их подавил и удержал тени, которые уже начали окружать Брайс, скрывая из виду.

– Если хотите пожевать, пицца на кухонном столе! – крикнул им Итан.

Брайс молчала. В её запахе появился страх. Пальцы Рунна сжали холодный металл пистолета, прикрепленного к бедру.

– Кстати, твой котяра такой милашка, – продолжал Итан, не отрывая взгляда от экрана и поглаживая белого кота, устроившегося у него на коленях; Брайс медленно закрыла входную дверь. – Правда, он до жути меня напугал. Появился словно из воздуха и прыгнул прямо на стол.

Пальцы Итана теребили роскошную белую шерсть. Кот басовито мурлыкал.

У кота были обворожительные синие глаза, и сейчас они остановились на Брайс.

Вокруг плеч Рунна собрались тени, похожие на змей, готовых ударить. Он незаметно достал пистолет.

Кожа Брайс ощутила прикосновение знакомой магической силы, чем-то похожей на эфирное кружево. Ей стало чуть легче.

– Это не просто кот, – прохрипела она.

Эти слова Брайс Хант услышал через закрытую входную дверь. Через мгновение он уже стоял в квартире, а вокруг его пальцев трещали молнии.

– Успокойся, – сказал ему принц Пропasti, запрыгивая на кофейный столик.

Бормоча ругательства, Итан вскочил на ноги и с необычайным изяществом перепрыгнул через диван. Тарион потянулся к кинжалу с изогнутым концом. Такой кинжал, когда его извлекали из раны, сильно калечил тело.

– А я-то думал, Орион, что мы с тобой друзья, – сказал Ханту Аидас, блеснув острыми зубками.

– Меня зовут Хант, – напомнил ангел.

Молнии потрескивали вокруг его зубов и языка.

Одно движение, и он изжарит принца. Или попытается. Хант не решался отвести взгляд от Аидаса. Оставалось надеяться, что Брайс подготовилась. В случае чего Рунн ее поддержит.

– Как тебе угодно, – заявил Аидас.

Он прошел по кофейному столику и соскочил на ковер. Боковым зрением Хант увидел мелькнувший свет. Рунн стоял рядом с Брайс, держа Звездный меч.

Зато Брайс, забыв всякую осторожность, сделала шаг вперед. Хант попытался ее удержать, но она легко обошла его и, задрав голову, сказала:

– Рада видеть тебя снова, Аидас.

Рунн, Тарион и Итан шумно вдохнули.

Хант почти не дышал, следя, как псевдокот подбежал к ней и начал тереться о ноги.

– Приветствую, принцесса.

У Ханта похолодела кровь. Он слышал, какой многозначительный упор сделал демон-принц на слово «принцесса». С каким наслаждением произнес. Можно подумать, у него есть права на Брайс. Вокруг пальцев Ханта вспыхнула молния.

Аидас проследовал к кухонному столу, с кошачьей легкостью взлетев на столешницу. Синие глаза внимательно оглядели собравшихся и остановились на Брайс.

– Почему ты до сих пор не научилась пользоваться своими дарованиями?

Брайс расправила плечи, вытянула руку. На ладони вспыхнула крупница звездного света.

– Как видишь, научилась.

– Это фокусы для вечеринок. – Аидас негромко, с шипением засмеялся. – Я имел в виду твои настоящие дарования. Твое наследие.

Пальцы Ханта сжали рукоятку пистолета.

– Какие дарования? – с вызовом спросила Брайс.

Глаза Аидаса сверкали двумя синими звездами.

– Я помню Тейю – последнюю Звезднорожденную королеву. Помню ее магические силы. – Кажется, Аидас даже вздрогнул. – Твой свет – ее свет. Его сияние я бы узнал где угодно. Полагаю, ты унаследовала и другие ее способности.

– Ты знал последнюю Звезднорожденную королеву? – спросил Рунн.

Среди его теней сверкали нити звездного света, окружая ножны с мечом.

Аидас посмотрел на фэйского принца, и в глазах демона вспыхнул непонятный гнев.

– Знал. И знал жалкого, никчемного принца, чей свет унаследовал ты.

Установилась напряженная тишина.

Надо отдать должное Рунну: он не отступил ни на дюйм. Краешком глаза Хант увидел, как Тарион и Итан заняли позицию за спиной принца Пропasti.

– Я и не подозревала, что их звездный свет различался, – сказала Брайс, обращаясь больше к себе, чем к демон-принцу. – Я всегда думала, что мой свет просто... ярче твоего. – Она посмотрела на Рунна. – Теперь понятно, что фэйцы в разной степени наследуют свет. Хелена, старшая дочь Тейи, обладала таким же даром, что и ее мать. И она вышла замуж за принца Пелиаса – твоего предка.

– И твоего тоже, – пробормотал Рунн.

– Пелиас был не настоящим принцем, – презрительно зашипел Аидас, оскалив зубы. – Он был главнокомандующим армией Тейи, а в принцы произвел себя после того, как силой склонил Хелену к браку.

– Прошу прощения, что все это значит? – спросил ошеломленный Итан, почесывая щеку.

Он бросил взгляд на коробку с остатками пиццы, словно раздумывая, не могли ли в начинку добавить какого-нибудь зелья.

«Добро пожаловать в нашу жизнь», – хотел сказать ему Хант.

Однако Брайс побледнела:

– И королева Тейя это допустила?

– К тому моменту Тейя была мертва, – сухо ответил Аидас. – Ее убил Пелиас. – Демон сощурился на Звездный меч в руке Рунна. – А убив, украл ее меч. – Аидас совсем не по-

кошачьи зарычал. – Этот меч принадлежит наследнице Тейи по женской линии. А не мужскому потомству, только испортившему породу.

Брайс шумно сглотнула. Рунн пристально смотрел на меч.

– Я ничего подобного не слышал, – возразил фэйский принц.

Аидас сухо засмеялся:

– Ваш почитаемый принц Пелиас, так называемый первый Звезднорожденный принц, был самозванцем. Вторая дочь Тейи исчезла. Растворилась в ночи. О ее дальнейшей судьбе мне неизвестно. Завладев Звездным мечом и Рогом Луны, Пелиас объявил себя принцем. Обе реликвии он передал своему потомству. Детям Хелены, рожденным по принуждению.

Тот самый Рог, истертый в порошок, превратился в татуировку на спине Брайс. Ханта прошиб озноб. Его крылья дрогнули.

– В твоих жилах течет трусливая кровь Пелиаса, – сказал Рунну Аидас.

– И кровь Хелены тоже, – возразил Рунн и процитировал: – «Хелена с волосами цвета ночи, чья золотистая кожа источала звездный свет и тени».

– Ты помнишь этот отрывок! – Брайс восхищенно цокнула языком.

Рунн нахмурился, словно его раздосадовало, что сестра говорит о пустяках, когда рядом находится демон-принц.

– Зачем ты нам все это рассказываешь? – спросила Аидаса Брайс.

Шерсть псевдокота встопорщилась от гнева.

– Потому что тогда я был бессилен помочь Тейе. Я появился слишком поздно. Мои противники имели огромное численное превосходство. Но когда все кончилось, я попросил старшего брата оказать мне услугу. Сразиться с Пелиасом и на поле битвы стереть самозванца с лица планеты. – Аидас прошел несколько шагов, сердито помахивая хвостом. – А тебе, Брайс Куинлан, я это рассказываю, чтобы прошлое не повторилось. Ты хоть чем-то помогаешь в этой нескончаемой войне?

– Ты имеешь в виду мятежников? – спросил Тарион, лицо которого напряглось от ужаса и недоверия.

– Это та же война, которую мы вели пятнадцать тысяч лет назад. Новая ее фаза, – ответил Аидас, продолжая смотреть на Брайс. – Та же война, в которой сражался ты, Хант Аталар, только в иной форме. Но сейчас вновь настает время для решительного удара.

– Хел – наш враг, – с расстановкой произнес Итан.

– Да неужели? – засмеялся Аидас, дергая ушами. – А кто писал историю?

– Астерии, – мрачно ответил Тарион.

Аидас одобрительно посмотрел на русала:

– Я так понимаю, ты слышал другую, более правдивую версию.

– Я знаю, что официальная история нашего мира вовсе не обязательно заслуживает доверия.

Аидас прыгнул с кухонного стола и вернулся на кофейный столик.

– Астерии пичкали ложью ваших предков. Под страхом смерти заставляли философов и ученых записывать астерийскую версию событий. Библиотека, которой владеет твоя бывшая начальница, – сказал он, поворачиваясь к Брайс, – это жалкие остатки правды. Правды о мире, существовавшем до появления астериев, и о тех немногих смелых душах, пытавшихся рассказывать ее после. Ты знаешь об этом, Брайс Куинлан. Несколько лет ты оберегала книги, однако никак не распорядилась содержащимися там знаниями.

– О чем он говорит? – спросил у Брайс Итан.

– Каким был этот мир до вторжения астериев? – спросил Аидас.

– Здесь жили древние люди и их боги, – ответил Тарион. – Я слышал, что на дне моря и сейчас находятся развалины их цивилизации.

Аидас наклонил голову:

– Откуда сюда пришли астерии? Откуда здесь появились фэйцы, оборотни и ангелы?
– Довольно вопросов! – не выдержала Брайс. – Почему бы четко и ясно не рассказать нам? И какое отношение все это имеет к моим... дарованиям?

Последнее слово заставило ее поперхнуться.

– Война достигает своего пика. А твоя сила еще не готова.

Брайс качнула плечом, перебрасывая волосы:

– Какой отвратительный штамп. Я ничего не знаю о других своих силах и знать не хочу. Особенно если они каким-то образом связывают меня с тобой. Астерии усмотрят в этом серьезную угрозу, и не без причины.

– Люди гибли, чтобы у тебя появилась эта сила. Они гибли на протяжении пятнадцати тысяч лет, чтобы мы достигли этой точки. И не играй в героиню поневоле. Вот это действительно штамп.

Казалось, Брайс лишилась дара речи. Хант пришел ей на помощь:

– А что ты скажешь о своем старшем брате и его армии? По-моему, им очень даже нравится убивать невинных жителей Мидгарда.

– Эта армия всегда имела целью помогать вам, а не завоевывать.

– Весенняя атака на Город Полумесяца говорит об обратном, – возразил Хант.

– Произошла ошибка, – сказал Аидас. – Те, кто хлынул сюда, были чем-то вроде домашних зверюшек. Животные. Микай открыл двери их загонов. Естественно, они разбежались. К счастью, ты справилась с ситуацией раньше, и нашего вмешательства не понадобилось.

Он улыбнулся Брайс.

– Но было много жертв! – прорычал Итан. – Погибли дети.

– В нынешней войне жертв будет еще больше, – холодно парировал Аидас. – Армии Хела должны нанести удар, а ты поведешь их, Брайс Куинлан.

Эти слова были сродни брошенной бомбе.

– Грязное вранье, – поморщился Рунн. – Вы дождетесь удобного момента, когда мы будем воевать друг с другом, и тогда наконец-то найдете способ вторгнуться в этот мир.

– Ни в коем случае. Я уже знаю способ проникновения в ваш мир. – Лапой Аидас указал на Брайс и наклонил голову. – Через мою прекрасную Брайс и Рог на ее спине.

Хант подавил рычание, услышав слово «мою». Остальные посмотрели на Брайс. Она глядела только на Аидаса, поджав губы.

– В конце концов, это твой выбор, – сказал принц Пропasti. – Он всегда был твоим.

Брайс покачала головой:

– Давай напрямую. Ты явился сюда, чтобы при свидетелях убеждать меня взбунтоваться против астериев? И каким образом? Примкнуть к Офиону? Нет уж, спасибо.

Аидас лишь усмехнулся:

– Тебе следовало бы повнимательнее приглядеться к кошкам, что нынче утром рылись в отбросах на Чернильной улице. И выбрать более уединенное место для разговоров с Фьюри Акстар о мятежниках.

Брайс зашипела, но ничего не сказала. Аидас продолжал:

– Да. Всеми доступными тебе способами присоединяйся к мятежникам. Помогни Офиону, если тебе требуется высшая инстанция для подчинения. И, упреждая твой несомненный вопрос, скажу: я не располагаю никакими сведениями о контактах между Даникой Фендир и Зофи Ренаст.

– Я не знакома ни с кем из офионских мятежников, – буркнула Брайс.

Аидас вытянул передние лапы и выгнул спину.

– Неправда, – зевая, возразил демон; Хант весь напрягся. – Один из них стоит у тебя за спиной.

Брайс стремительно повернулась. Хант повернулся вместе с нею, готовый ударить молнией.

В дверях стоял Кормак Доннал. Тени вились вокруг его плеч.

– Привет, агент Сильбо, – промурлыкал Аидас и исчез.

16

– Может, я что-то не расслышал? – выпалил Рунн, глядя на авалленского принца, застывшего в дверях. – Как он тебя назвал?

Брайс смотрела то на единокровного брата, то на двоюродного. Итан осторожно принялся к Кормаку, явно догадываясь, кто стоит перед ними.

– Значит, агент Сильбо? – спросил Тарион.

– Твой отец знает об этом? – не унимался Рунн. – А мой?

Брайс переглянулась с братом. Это им пригодится. Возможно, теперь она вывернется из этой истории с помолвкой.

– Нет. – Услышав про обоих королей, Кормак помрачнел. – И не должны знать.

В каждом его слове гремела угроза.

Возможно, Брайс тоже присоединилась бы к расспросам, если бы не звезда на груди, светившая через ткань футболки. Она зажала это место рукой.

Ловко же Аидас раскрыл секрет Кормака, а сам исчез. У Брайс было сильное ощущение, что и в квартире Кормак появился не сам собой, а с помощью нечестивой силы принца Пропасты.

Проклятый демон.

Кормак сердито оглядел присутствующих:

– Что, Хел побери, вы знаете о Зофи Ренаст?

Брайс до боли вдавила руку в грудь, загораживая свет:

– А что ты, Хел побери, знаешь о Зофи Ренаст... агент Сильбо?

Кормак повернулся в ее сторону и подошел ближе.

– Отвечай! – потребовала Брайс.

Хант как бы невзначай оказался у него на пути. Над крыльями ангела танцевали молнии. Альфа-придурок до мозга костей, но внутри Брайс что-то потеплело.

Тарион плюхнулся на диван, лениво обнял подушку и стал разглядывать собственные ногти.

– Кто ты вообще? – спросил русал.

По рукам Кормака побежали тени. Их стуски вокруг плеч напоминали клочья дыма. Они были похожи на тени Рунна, но темнее и свирепее. Увиденное впечатлило Брайс, но лишь отчасти.

– Меня зовут Кормак Доннал! – прорычал авалленский принц. – Еще раз спрашиваю, русал. Что тебе известно о Зофи?

– Откуда ты знаешь, что я русал? – спросил Тарион.

Солас палящий, неужели он решил вывести принца из равновесия?

– Потому что от тебя разит рыбой, – презрительно бросил Кормак.

Тарион, храни его боги, поднял руки и обнюхал подмышки. Итан усмехнулся. Большинство ваниров узнавали русалов в их гуманоидной форме по запаху воды и соли, не сказать чтобы неприятному, но весьма характерному.

Хант и Рунн не улыбались. Брайс призналась себе, что брат выглядит внушительно. Ему она никогда не говорила об этом.

– Сдается мне, Зофи – твоя... подруга? – усмехнувшись, спросил Тарион.

Брайс заморгала. Кормак зарычал, и рычание эхом отдалось у нее в костях.

– Впечатляет, – пробормотал Хант, но ее не тянуло улыбаться.

– Ты знаешь Зофи? – Кормак снова повернулся к ней.

– Не знаю и не знала. – Брайс встала рядом с Хантом. – До вчерашнего дня я вообще не слышала о ней... пока вот он не пришел и не начал задавать вопросы. – Она кивнула на Тариона, и тот поднял руки с длинными пальцами. – Но у меня более чем достаточно своих вопросов. Почему бы всем нам просто не сесть и не поговорить? Это дурацкое противостояние ничего не даст.

Брайс захлопнула входную дверь и уселась на табурет у кухонного стола, сбросив туфли на высоком каблуке. Рунн сел слева от нее, Хант устроился справа. Кормак остался стоять посреди гостиной.

– Почему твои тени отличаются от теней Рунна? – спросила она.

– Это твой главный вопрос? – удивился Хант.

Брайс даже не взглянула на него.

– Откуда ты знаешь Зофи? – вместо ответа спросил Кормак.

Брайс округлила глаза:

– Я тебе только что сказала: я ее не знаю. Тарион, просвети его по этой части.

Тарион скрестил руки на груди, поудобнее устроившись на диванных подушках:

– Меня попросили подтвердить ее смерть.

Ответ Тариона можно было расценить как констатацию смерти опасной мятежницы. Умный ход.

– И ты подтвердил? – тихо спросил Кормак.

Он содрогался, словно едва сдерживал желание прыгнуть на Тариона. В волосах авал-ленского принца вспыхивали угольки.

Хант привалился спиной к поверхности стола, уперев локти в борт. Вдоль его крыльев змеились молнии. Лицо ангела было воплощением спокойствия. Настоящий Умбра Мортис. Когда он заговорил, все внутри Брайс вздрогнуло.

– Тебе следует усвоить: ты не получишь никаких ответов и вообще не уйдешь отсюда живым, пока не убедишь нас кое в чем очень важном.

Боги, Хант не шутил. У Брайс гулко забилось сердце.

– Так что глубоко подыши и успокойся, – посоветовал принцу ангел и улыбнулся, показав зубы. – Прислушайся к совету хозяйки этой квартиры. Не стой столбом. Садись.

Брайс сомкнула губы, чтобы не улыбнуться. Однако Кормак действительно сделал глубокий вдох. Потом другой. Брайс взглянула на Итана. Тот внимательно смотрел, как принц дышит, изучая каждое его движение, словно Кормак был противником на игровом поле.

Рунн перехватил ее взгляд. Судя по лицу, брат был удивлен. «Я никак не ожидал увидеть его здесь», – мысленно признался Рунн.

Брайс хотела ответить, но в этот момент тени на руках Кормака потускнели. Широкие плечи расслабились. Он прошел к обеденному столу и сел. Его глаза стали яснее и спокойнее.

Звезда на груди Брайс потухла. Еще одно указание, что все идет как надо.

– Отлично, – с предельной серьезностью резюмировал Хант, отчего внутри Брайс все завибрировало. – Начнем с главного: как ты сюда попал? Эта квартира защищена от непрошенных гостей солидной цепью заклинаний.

– Этот кот, который не кот. Он каким-то образом узнал, кто я и что собой представляю. – Недовольство, мелькнувшее на лице принца, подсказывало, что он вовсе не считал вопрос Ханта главным. – Он проделал большую дыру в ваших заклинаниях.

Хант кивнул, словно брешь в заклинаниях его не особо удивила.

– Второй вопрос: почему ты явился именно сейчас?

Хант целиком вошел в роль дознавателя. Сколько раз ему приходилось заниматься этим в Тридцать третьем легионе?

– Потому что я убежден, что мы разыскиваем одного и того же человека – Зофи Ренаст, – ответил Кормак и указала на Тариона. – Я хочу знать то, что известно тебе.

Брайс не удержалась от удивленного возгласа, но лицо Тариона оставалось каменным. Настоящий командир разведывательной службы Речной Королевы.

– Тебя послала Пиппа Спецос?

– Нет. – Кормак отрывисто рассмеялся. – Из-за Пиппы Эмиль сбежал с «Бодегравена».

– Тогда кто послал тебя на поиски Эмиля? – спросил Хант.

– Никто. – Кормак опять глубоко вдохнул. – Меня отправили в ваш город по другой причине. По многим причинам, но проблема поисков Эмиля... – Он стиснул зубы. – Мы с Зофи были близки. Я помогал ей вытащить Эмиля из Каваллы. А до этого она... – Он сглотнул. – Я дал ей обещание; не только как агент агенту, но и как... друг. Я обещал присматривать за Эмилем. Я подвел ее. Не только в этом. Во всем.

«Либо он непревзойденный актер, либо он любит Зофи», – прозвучали в мозгу Брайс слова Рунна.

«Согласна».

– Почему Эмиль сбежал от Пиппы? – спросил Тарион.

Кормак провел рукой по светлым волосам.

– Мальчишка ее испугался, и не напрасно. Пиппа – фанатичка. Она стремится как можно быстрее войти в состав командования Офиона. Если вспомнить, сколько наших баз уничтожено за последнее время, становится понятно, что Офион испытывает смятение и начинает всерьез рассматривать ее идеи. Боюсь, что вскоре они последуют за нею. Для Пиппы и ее легиона Светопад нет пределов. У вас в новостях что-нибудь говорилось о зверском истреблении оборотней-леопардов год назад?

Брайс невольно вздрогнула.

– Да, – тихо ответил Итан.

– Это была затея Пиппы, исполненная бойцами ее Светопада. С помощью ванирских детей... включая и совсем маленьких, они выманивали взрослых из тайных укрытий, а затем убивали вместе с потомством. Беспричинно. Для потехи. Потому что те были ванирами, а значит, заслуживали смерти. Даже дети. Пиппа назвала это частью программы по очищению этого мира. Ее цель – постепенно добраться до самого верха. До астериев. Отсюда название ее легиона – Светопад.

Хант взглянул на Тариона. Русал хмуро кивнул. Капитан разведки тоже об этом слышал.

– Пиппа рассматривает Эмиля как оружие, – продолжал Кормак. – В ночь бегства Эмиль потопил четыре имперские подводные лодки класса «омега». Пиппа была вне себя от возбуждения. Она не скрывала, что отправит Эмиля на поле битвы, чем изрядно напугала мальчишку. Мне не удалось его убедить в своей готовности ему помочь. Он сбежал с корабля на спасательной лодке, добрался до ближайшего порта и там украл другую лодку.

– Находчивый малец, – пробормотал Итан.

– Я проследил его путь до побережья Вальбары. – Кормак кивнул Тариону. – Видел тебя на болотах, возле брошенной лодки, и понял, что ты тоже идешь по следу Эмиля. Я также видел, что ты нашел останки бойца Светопада. Следовательно, у тебя появилась догадка насчет желания Пиппы загнать Эмиля в свой легион. Если она его поймает, то потащит на главную базу Офиона и превратит в живое оружие. Этого сотни лет назад боялись астерии, когда выслеживали и истребляли буревестников.

Взгляд авалленского принца переместился на Ханта.

– Ты спросил, почему я появился именно сейчас. Я увидел, что русал пришел сюда снова, и предположил, что вы как-то причастны ко всей истории. Может, вы и есть те, к кому меня

послали. Я даже надеялся, что найду здесь Эмиля. – И вновь он стиснул зубы. – Если вы знаете, где находится Эмиль, расскажите. Ему грозит опасность.

– Я что-то не пойму, – признался Хант. – Вы с Пиппой оба состоите в Офионе, но ты пытаешься найти Эмиля, чтобы... спасти его от рук Офиона?

– Да.

– А это не разозлит Офион?

– Командование никогда не узнает о моей причастности. У меня есть и другие задания, которые я должен выполнить.

Брайс не понравилось ничего из услышанного. Она соскользнула с табурета и шагнула к обеденному столу.

– Ты ждешь, что мы тебе поверим? – не успев подумать, сказала она. – По-твоему, мы с Рунном забыли, как из-за дурацкого куска металла ты пытался убить моего брата?

Она махнула в сторону Рунна, сжимавшего Звездный меч.

– Это было пятьдесят лет назад. Фэйцы меняются. Их приоритеты тоже.

Рунн удивленно хмыкнул. Но Брайс шагнула еще ближе, не заботясь, что Кормак может расценить это как вызов.

– Фэйцы не меняются. Особенно такие замшелые неудачники, как ты.

Кормак с нескрываемым презрением посмотрел на нее, затем на Рунна:

– Вы, вальбарские фэйцы, как дети малые. Неужели из-за того, что я наступал тебе на пятки, ты, принц Рунн, ничего не узнал о себе и своей судьбе?

– Ты всадил меч Деку в живот, – напомнил Рунн. – Я бы не назвал это наступлением на пятки.

– Допустим, мы купимся на твою историю, – вмешался Тарион. – Но скажи: зачем фэйский принц спутался с Офионом?

– Я почувствовал, что это правильный шаг. Подробности не имеют значения.

– Не имеют, поскольку ты вполне можешь работать на астериев, – усмехнулась Брайс.

– Думаешь, я выдам вас астериям? – Кормак тоже засмеялся. Смех был холодным, неживым. – Такой судьбы я не пожелаю никому. Застенки под их хрустальным дворцом мрачнее и страшнее Ямы Хела.

– Знаю, – ледяным тоном подтвердил Хант. – Я там был.

Опять эти жуткие тени в его глазах. Брайс отдала бы что угодно, только бы их исцелить. Только бы они не появились снова. «Выжить любой ценой» – вот как называлась ее команда. И плевать, если это делало ее трусихой.

– Зофи примкнула к Офиону, потому что астерии уничтожили ее родителей, – продолжал Кормак, игнорируя слова Ханта. – Ее человеческую семью и далеких предков-буревестников. Единственным ее желанием было найти брата. Все, что она делала, делалось ради него.

Тарион открыл рот, но Брайс жестом велела ему молчать.

– Вчера Тарион приходил узнать, была ли знакома с Зофи... – сказала она Кормаку, – одна известная мне особа. Он темнил как только мог... – (Тарион сердито посмотрел на нее.) – Но я все-таки кое-что вытянула из него. Прежде всего то, что он разыскивает Эмиля по приказу Речной Королевы.

– Зачем твоей королеве понадобился мальчишка? – прищурился на Тариона Кормак.

Тарион пожал плечами.

– Уверен, не для благих целей, – пробормотал Рунн.

Тарион предостерегающе зарычал на Рунна, но Брайс продолжила:

– Мне плевать на политику. Эмиль – потерявшийся мальчишка, и я хочу его найти.

Найти и разобраться в странном знакомстве Даники и Зофи, но об этом Кормаку знать не обязательно. Вначале ей хотелось прочувствовать авалленского принца.

Глаза Кормака немного потеплели. В них мелькнула благодарность.

«Возможно, и это игра», – мысленно отреагировал Рунн.

«Возможно, но я нутром чую: сейчас он искренен».

– Во все это встряла Лань. Неужели она пошла на такие ухищрения, чтобы помешать Зофи освободить брата? – спросила Брайс у Кормака. – Или потому, что Зофи – буревестник?

Пальцы Кормака сжались в кулаки.

– Лань интересовал не столько Эмиль, сколько важные сведения, добытые Зофи. Зофи пошла на этот шаг намеренно, чтобы Офион не обманул ее и прислал бы судно за нею и Эмилем. Сведения касались астериев. Перед отправкой в лагерь Зофи сообщила об этом командованию.

– Что? – выпалил Хант, шевельнув крыльями.

– Какие еще сведения? – спросил Тарион, лицо которого стремительно помрачнело.

– О них знала только Зофи. – Кормак покачал головой. – Мне она лишь сказала, что эти сведения способны повернуть ход войны. Офион не остановился бы ни перед чем, чтобы их заполучить. А наши враги – чтобы их сокрыть.

Итан ошеломленно смотрел на собравшихся. Он прошел неплохую выучку. Но был ли он готов к столкновению с такой реальностью? «А я?» – мысленно спросила себя Брайс.

– Скорее всего, астерии послали Лань с приказом убить Зофи раньше, чем та успеет кому-то рассказать, – предположил Тарион.

– Да. – Кормак поморщился. – Но я подозреваю, Лань знала о способности Зофи выдерживать пытки и решила: будет проще, если сведения утонут вместе с нею. – Он вздрогнул. – Думаю, вы знаете, что, когда ее схватили близ Каваллы, ей вырвали ногти. Зофи мне потом рассказывала. Вначале ей вырвали ногти на одной руке и снова спросили, не утаивает ли она чего. Зофи молча протянула им другую руку. После этого с кем-то из караульных случился обморок, – невесело усмехнулся Кормак.

– Храбрая женщина, – тихо сказал Итан, заработав благодарственный кивок Кормака.

Брайс хотела сказать то же самое, но не смогла. Она смотрела на свои ногти с красивым маникюром. Сумела бы она продержаться, оказавшись на месте Зофи?

Кормак снова повернулся к Тариону. Авалленский принц был бледен.

– Я надеюсь, что Лань хотя бы выстрелила Зофи в голову, прежде чем бросить ее в море.

– Этого я не знаю. Тела я не нашел.

– Что? – встрепнулся Кормак, окутываясь тенью.

– Я нашел свинцовые болванки. Нашел цепи. Но тело Зофи исчезло. И все кандалы оказались разомкнутыми.

– Значит, Зофи жива?

Кормак вскочил на ноги. Сколько надежды прозвучало в этом вопросе. Действительно ли он любил Зофи? Или обрадовался, что важные сведения могли уцелеть?

– Этого я тоже не знаю, – ответил Тарион. – Потому вчера я и пришел к Брайс. У нее была подруга. Оказалось, что эта подруга несколько лет назад была знакома с Зофи. Я расследую все связи, какие могли существовать между ними. Это может подсказать, где сейчас искать Эмиля. – Русал пожал плечами. – У меня есть основания считать, что безопасное место встречи было оговорено еще давно, на случай если возникнет ситуация вроде нынешней. Возможно, Эмиль отправился туда. И Зофи тоже, если она жива.

Могла ли Зофи передать эти важные сведения брату? Брайс перехватила взгляд Ханта. «Даже и не думай об этом», – говорил ее взгляд.

Кормак принялся ходить по гостиной.

– Зофи совершила Нырок. Она сделала это в подпольном центре, где они не регистрируются. Это давало ей шанс остаться в живых. Но когда она не вышла на связь... – Он остановился и посмотрел на русала. – Что еще ты знаешь?

– Я рассказал тебе все, – соврал Тарион, закидывая ногу на ногу.

– А как насчет Даники Фендир? – Кормак резанул по нему ехидной улыбкой.

– А что насчет ее? – спросила Брайс и замерла.

Хант снова посмотрел на Брайс, призывая к спокойствию.

– Зофи и Даника были знакомы, – сказал Кормак. – Это ведь Даника приготовила укрытие?

– Ты не знаешь об этом наверняка, – возразил Хант.

– Знаю, – ответил Кормак, не сводя глаз с Брайс, точнее, со звезды на ее груди. Звезда опять засветилась. – Потому-то я и согласился жениться на Брайс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.